

Юнус Огуз

Тамерлан

Властелин мира

Книга вторая

Эмир Тимур:
Властелин Мира
Роман, 2 том

...Войско продолжало путь. Подминая пожухлые травы, переваливая через холмы, переправляясь через реки, проходя лощины, пробираясь среди гор, на вершинах которых еще не лежали снега, идя по барханам пустыни, войско, словно селевой поток, текло вперед. Эта армия по сей день не знала ни одного поражения. Воины этой победоносной армии, которая направлялась с Востока на Запад, были рассыпаны везде, словно просо. Никто из них не знал толком, куда и зачем армия идет. Неизвестны были ни намерения полководца, ни противник, с каким им пришлось бы сразиться. Хотя, надо сказать, для воинов и не представляло особой важности, куда они идут и с кем будут сражаться. Правитель отдал приказ – и этого было достаточно. «Войску подготовиться к семилетнему походу!» Этот приказ обсуждению не подлежал. Воины, десятники, сотники, тысячники, десяти-тысячники, эмиры и полководцы, муллы, шейхи, муфтии, сейиды и улямы⁶⁶ во время походов наживавшие несметные богатства, и вновь шли за Эмиром Теймуром. Главным было то, что Великий Теймур вел их к победе. Войско и полководцы безоговорочно ему доверяли. Эмиру достаточно было пальцем указать направление, все беспрекословно шли туда. Потому что там были победы, возможность проявить свою храбрость и доблесть, несметные богатства. Все были под властью его обаяния, пылали любовью к правителю, были невольниками его чар. Где оборвется этот путь, никто в войске не знал... И никто над этим не задумывался.

Об этом знал лишь один человек – сам Эмир Теймур! Гордо сидя в седле, то придерживая подрагивающего от нетерпения коня, то отпуская его вскачь, слушая стук копыт как музыку, Эмир Теймур, словно вступив в спор с молодыми, целый день, не слезая с коня, прекрасно знал, куда и зачем идет. Этот поход мог быть и последним. Но он должен был пойти, так как двум тюркским правителям было тесно

⁶⁶ Ученые.

на этой земле. Границы земель Ильдрыма Беязида и Эмира Теймура уже были линией соприкосновения двух империй. А это в итоге означало войну. А вот когда она начнется, никто не знал... Кроме одного человека.

Сидя за шахматной доской, он просчитывал и угадывал восемь-десять ходов наперед. И о сегодняшней ситуации Теймур знал многое, поэтому и не спешил на сражение с Беязидом. До него надо было сделать еще много дел.

Он с упоением слушал цокот копыт своего коня, эти звуки снимали усталость, придавали свежесть мыслям. Эти звуки «цок-цок» были для него самой сладчайшей музыкой. Он воспринимал их лучше, чем музыку понимают устады⁶⁷ саза. Теперь весь мир с тревогой и страхом слушал эти звуки «цок-цок». Когда-то он настроит весь мир под ритм этих звуков, заставит признать себя единственным правителем. И теперь он шел, чтобы сделать это. Ему была ясна конечная цель: мир должен был внимать звукам, вылетающим из-под копыт его коня, и жить по этому ритму: «цок-цок-цок»...

...Как только Эмир Теймур пришел в столицу хулакидов⁶⁸ Султание, он тут же отослал принцев Рустама и Пир-Мухаммеда в Багдад. С ними же отправил и двухтысячную армию во главе с Севинджеком Бахадуром. По дороге в Мазандаран к армии правителя присоединился и Шахрух со своим войском. Идущего впереди армии Сулейманшах бея с его войском отправил в Тебриз, потребовав в подробностях узнать все, что там происходит. Кроме этого, он должен был доставить к Правителю Мираншаха и его окружение. В Хамадане Сулейманшах бею отсоветовали идти в Тебриз, но он не послушался. Дело в том, что неадекватное поведение Мираншаха могло изменить ситуацию. Да и не выполнение приказа Правителя равносильно было потере головы.

Через два дня после прихода в Тебриз Сулейманшах бей отправил Мираншаха и его окружение к Эмиру Теймуру, в Султание. Мираншах хотел предстать перед отцом с веревкой на шее, но Теймур не принял его, приказав посадить под домашний арест в шатер. Покидать шатер без разрешения Мираншаху не позволялось. А в это вре-

⁶⁷ Мастера.

⁶⁸Империя Хулакидов основана Хулагу (Хулаки), внуком Чингисхана.

мя Эмир Теймур отправил Ходжу аг Бугу и Джалала Аль-Ислами в Тебриз, чтобы проинспектировать все дела и выполнить ряд других поручений.

...В Султанье слухи распространялись с быстротой молнии. Разговоры о том, что Мираншах хотел предстать перед отцом с веревкой на шее, но не был принят и посажен под домашний арест до выяснения всех обстоятельств, слышались на каждом углу. Из-за этого авторитет Теймура в городе возрос. Теперь на него смотрели как на спасителя, восстанавливающего справедливость. Когда Теймур на лошади медленно проезжал по улицам города, люди кланялись, посылали благословения и, даже не боясь, кричали: «Слава Аллаху, что пришел тот, кто смог обуздать Мираншаха!» А это было подтверждением того, что народ был прекрасно осведомлен обо всем происходящем.

Правитель был обеспокоен. Если ситуация будет развиваться таким образом и дальше, народ возненавидит его правление. Ненависть проникнет в их души. Остаться же в истории ненавистным невозможно. Можно было действовать, лишь сочетая меч и цветок. Те, кто держал цветок, были достойны милосердия, сострадания, а тем, кто брал в руки меч, была предписана смерть. Отрубить руку с цветком нельзя!

Когда он увидел в Султанье полуразрушенный дворец, построенный хулакидами, а по другую сторону дороги совсем разрушенную мечеть, сердце его облилось кровью. Эмир непроизвольно глубоко вздохнул. «О боже, почему мой сын оказался таким бездарным? Шахрух в Хоросане строит мечети, открывает медресе, прокладывает дороги, а этот все рушит, сжигает... Ты посмотри, как люди одеты! Что за мерзость! Ужас! От их вида даже джинны шарахаются. По такой бедной, убогой одежде нетрудно определить состояние и всего края. Впрочем, если у края сумасшедший правитель, то народ будет жить именно так... Но в глазах людей нет страха. Хоть и бедны, но горды. Значит, восстания в Азербайджане происходят по этой причине. Когда отсутствует справедливость, гордость поднимает людей на бунт», – думал Теймур.

Кажется, он много чего еще увидит в этом городе...

Только одно известие успокаивало: Мираншах не осмелился тронуть дервишей-суфиев.

В тяжких думах Теймур так и не понял, как он оказался на другом конце города. Остановил коня у караван-сарая, который в народе называли «караван-сарай дервишей-суфиев». Подбежали слуги, взяли поводья, чтобы помочь слезть с коня. Теймур вытащил ногу из стремени и положил ее на плечо одного из слуг, опустившегося на колени. Слуга, привыкший к этому, согнулся и осторожно спустил правителя на землю. Внук Улугбек сам ловко соскочил с коня. Теймуру, краем глаза увидевшему внука, это понравилось, в детстве он сам был таким. Начальник охраны Эмира по его глазам понял, что правитель остановится именно здесь. Его приказа было достаточно, чтобы караван-сарай сразу окружили. Это было красивое и величественное здание. Теймур вспомнил, как нашел архитектора этого караван-сарая и отправил его в Мавереннехр. Его главный город должен был отличаться самыми красивыми строениями и все время богатеть.

...Эмир вошел в караван-сарай вместе с внуком Улугбеком. Движением руки приказал свите остаться на улице. Теймур еще в молодости серьезно интересовался загадочными жителями этого города – суфиями. Причиной же было то, что в его политической борьбе молитвы суфиев, их способности предвидеть события, точность предсказаний играли большую роль. Эмир Теймур был уверен, что суфии очень даровиты, талантливы, и поэтому всегда относился к ним с большим уважением. Их духовным наставником был близкий друг его отца шейх Шамсаддин Кюлал. Еще в былые времена, когда он только собирался в большую политику, чтобы получить благословение Шамсаддина Кюлала, продал с плеча халат, купил козу и вместе с этим подарком явился к шейху. Пока шейх и мюриды совершали зикр⁶⁹, он ждал его стоя. Это благородство пришлось по душе Шамсадину, и он воздал молитву Всевышнему во имя того, чтобы желания молодого человека сбылись. Много позже Эмир Теймур признавался, что первое благословение в борьбе за власть он получил от Шамсаддина Кюлала...

Когда шейх скончался, Эмир Теймур с большими почестями похоронил его на кладбище в Кеше у изголовья могилы отца Тарагая и

⁶⁹ Исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога.

в знак уважения к обеим величественным личностям на их могилах возвел мавзолеи.

Одним из тех, кто сыграл очень важную роль в жизни Великого Эмира, был учитель основателя нагшибенда⁷⁰ Бахаддина Нагшибенда шейх Эмир Кюлал. О нем ходит очень много рассказов. Говорят, однажды шейх в Бухаре после пятничного намаза возвращался в село к себе домой. На берегу реки он встречается с группой людей, среди которых был и Теймур. Теймур, узнав шейха Эмира Кюлала, сразу подошел к нему, поцеловал его руку и попросил его совета. «Пока нет никаких знамений, ничего сказать не могу, – сказал шейх. – Но ждите и будьте бдительны. Я вижу благополучие в ваших делах». После второго намаза в селе Газамат он позвал к себе своего близкого друга Шейха Мансура и сказал ему:

- Срочно иди к Теймуру, скажи ему, чтобы он оставил шатер у реки, а сам пусть движется в сторону Хорезма. А оттуда пусть отправится в Самарканд. . .

После того как Теймур спешно покинул шатер, группа вооруженных людей окружила его бывший лагерь. Эмир Теймур, таким образом избавившийся от покушения, после прихода к власти пригласил Эмира Кюлала в Самарканд, однако шейх, очень тонко, дабы не обидеть Теймура, отказался от этого предложения и вместо себя отправил своего сына Эмира Омара.

...Двор караван-сарая, башня которого была выстроена в виде шатра, был выложен камнем. Одна дорожка вела к бассейну, другая – в помещения для странников. Рядом с бассейном было место для одного человека. А вдоль каменной стены в ряд стояли каменные же сиденья.

Шейх, еще со вчерашнего дня зная, что правитель посетит караван-сарай, основательно подготовился к этому визиту. Отношения Эмира с суфиями были взаимно теплыми и дружескими. Они с быстротой ветра распространяли во вражеских странах сведения о могуществе, величии и силе правителя, доставляли сведения о победах Эмира в самые дальние уголки его державы, ему же приносили отовсюду важные известия. Для этого им была дана возможность беспрепятственно передвигаться по землям Теймура.

⁷⁰ Течение в исламской религии.

Когда Великий Эмир вошел во двор караван-сарая, один из мюридов в полотняной одежде стоял рядом с шейхом и говорил:

- Знание – по желанию нести добро – уважаемо, ценность его достаточно высока, по авторитету это самое светлое, а по усвоению – самое выгодное. Пророк говорит: «В загробной жизни Аллах оживит всех своих слуг, потом, выбрав среди них ученых, скажет: «Эй, ученые! Я дал вам свое учение для того, что меня poznали через вас. Идите в рай!.. Пусть славится Господь всех миров!»

Мюрид, увидев Эмира Теймура, замолк. Сидевшие вдоль стены дервиши, перебирая каменные четки, встали и поклонились Эмиру. Встал и шейх, почтительно поприветствовав Правителя. Теймур громко ответил на их приветствие и выразил свое уважение кивком. Рядом с шейхом было одно пустое место и наверняка оно предназначалось ему. Не дожидаясь приглашения, Теймур сел. Сделал знак внуку, и тот присел рядом, скрестив ноги. Устроившись поудобнее, посмотрел на говорившего мюрида, кивнул ему «Продолжай!», затем обернулся к Улугбеку:

- Слушай внимательно, все, что ты сегодня услышишь здесь, понадобится тебе в будущем.

Шейх также сел и кивком головы тоже разрешил мюриду продолжить. Мюрид начал говорить с еще большим воодушевлением:

- Его существование проявляется в покаянии и в устном повторении истины «Нет Бога, кроме Аллаха». Этого никогда нельзя забывать! Только очистив душу, можно достичь того, чего желаешь. А самый лучший путь очищения души – молитва, совершенная от всей души. Добродетелью же молитвы является намаз!

Было так тихо, что слышалось жужжание мухи. Не успел мюрид закончить свою речь, каменные четки защелкали в такт, потом дервиши воскликнули хором:

- Нет Бога, кроме Аллаха! – шелканье четок тут же прекратилось.

- Поэтому понимание Его есть дитя сущности, – продолжил мюрид. – Потому что Он есть результат и итог святой нравственности, рождающейся из чистой души. – Мюрид говорил, шейх же удовлетворенно кивал головой. – Человек с помощью трех ступеней – шариага,

теригет⁷¹ и мерифет⁷² возвращается в лоно Господа. Только познав эти науки, человек познает свою душу, своего Господа и следует за ним. Это путь, присущий ученым людям!

Эмир Теймур еще в молодости усвоил все, о чем сейчас говорил мюрид. Шестилетний Улугбек же, хотя многого не понимал, внимательно слушал мюрида, иногда с интересом смотрел на дервишей в одинаковых полотняных одеждах, словно пытаясь понять, почему они так одеты.

Мюрид красноречиво продолжил:

- Избранный человек может вернуться к своим истокам посредством научной действительности. Научная действительность же в божественном мире едина с Аллахом, независимо от того, спит человек или бодрствует. В суре «Гудс» Корана Аллах повелевает: «Внутренняя наука – одна из моих секретов. Я вкладываю ее в душу своего слуги, и никто кроме Меня, не может властвовать ею. Внешняя наука – это как дождь, внутренняя же – как вода родника. Вода родника полезнее, чем дождевая. Человек – это моя тайна, Я же – его, и его благоволение – это правда науки».

Мюрид закончил свою речь и умолк. Дервиши, вновь приговаривая «Аллах, Аллах, Аллах», в такт защелкали костяшками четок.

Мюрид прошел на свое место, сел. На площадь вышли два дервиша. В центре караван-сарая раздался громкий звук бубна. Дервиши в такт бубну стали плечом к плечу и окружили двоих в центре. Один из тех, кто был в середине, приложив руку к уху, в голос начал читать стихи Юнуса Эмре.

Взгляни: возникло море из капли неприметной,
 Что – море и что – капля, - вот мой вопрос не тщетный.
 Таится море в капле, и ты об этой тайне
 Спроси себя и вникни в сокрытый смысл ответный.
 Ты сам себя изведай, познай свою же сущность –
 Взгляни, что в мир явилось из тучи беспросветной.
 Свет и завеса мрака – все лишь в тебе сокрыто,

⁷¹ Религиозное суфийское учение, ставящее в основу истину, реальность и подлинность бытия.

⁷² Религиозное суфийское учение о познания (гносеология).

-И ты и я – несметны, мы – жемчуг самоцветный.
Скажи, где путь, ведущий к блаженству Единенья?
Ответь на мое слово – на мой вопрос заветный.
В бессчетные зеркала глядит всегда Единый,
Хоть видимость явлений и кажется несметной.
Возлюбленный, влюбленный, любовь - единой сути,
Хотя и виден взору весь мир тысячецветный.

Дервиши в такт бубну защелкали четками и стали повторять две последние строчки:

Возлюбленный, влюбленный, любовь - единой сути,
Хотя и виден взору весь мир тысячецветный.

Потом дервиши подняли головы, восклицая: «Аллах, Аллах, Аллах!» Как только восклицания прекратились, дервиш, который стоял в середине, продолжил:

Говорит мне плащ в заплатках:
«Дервишем ты стать не можешь.
Что ж могу сказать тебе я?
Дервишем тебе не стать.
Дервиш – это в сердце рана
И глаза полны слезами.
Как овца покорен дервиш.
Дервишем тебе не стать.
Если бьют его, без рук он;
Нем он, если проклинают».

Стих Юнуса разливался по душе Теймура как масло, обновляя ее. Он давно не участвовал в меджлисах суфиев. Если бы ему позволили положение, звание, он бы встал, и, поводя плечами, присоединился к дервишам. Оцепеневший Улугбек глядел на все это широко раскрытыми глазами. Дервиши же, повторяя две последние строчки, щелкали костяшками четок.

Если бьют его, без рук он;
Нем он, если проклинают.

Отойдя друг от друга на пару шагов, дервиши продолжали приговаривать «Аллах, Аллах, Аллах». Дервиш посреди круга дождался тишины и заговорил:

Дервишем тебе не стать.
Очень уж язык твой шумен,
Выразителен ты слишком.
Сердишься на то, на это...
Дервишем тебе не стать.
Был бы гнев в Пути уместен,
Мухаммед пылал бы гневом.

Дервиши увлеченно вращались, как только замолкал тот, что в кругу, и хором пели:

Был бы гнев в Пути уместен,
Мухаммед пылал бы гневом.

Возгласы «Аллах, Аллах, Аллах» становились громче. В этот момент дервиш посередине жалобной трелью запел:

Ты в морях Единенья, о Юнус, потонул,
– Не вернуть тебе разум – он в пучине сокрыт.

Бубен грохотал все сильнее, ритм стал учащаться. Дервиши раскинули руки, повернув правую ладонь вверх, левую вниз, и стали вращаться. Скорость вращения увеличивалась, ноги и тело следовали звукам бубна. Последовал последний удар по туго натянутой коже бубна, и дервиш поднял бубен над головой. Как только инструмент замолк, дервиши застыли в том положении, в котором оказались в последний момент. Покачивались только лишь четки на правых запястьях рук. Следивший с волнением за движениями Улугбек не выдержал, вскочил и, пройдя в круг замерших дервишей, стал с интересом их разглядывать. Теймур же, поняв, что ритуал завершен, встал. Только после этого дервиши вышли из состояния оцепенения. Теймур, поблагодарив дервишей, вместе с шейхом уединился в одну из комнат. Они беседовали больше часа.

...Когда Теймур вышел из комнаты, лицо его было темно-красного цвета. Разговор состоялся очень серьезный. Это поняли и дервиши, чинно сидевшие вдоль стены. Встав, они слегка, но почтительно склонили перед Теймуrom головы. Но Теймур был не в том состоянии, чтобы обращать на это внимание...

В деревне Тикмедаш неподалеку от Тебриза (много позже в этой деревне родится знаменитый на весь тюркский мир ашуг Гурбани) жил знаменитый лекарь Дашгын Баба. Все его называли Логман Баба, то есть лекарь, настоящего имени многие уже и не помнили. Он был настолько известен, что его знали не только в Азербайджане, но и за его пределами, в других соседних странах. Поговаривают, что один из известных визирей джелаиридов заболел неизвестной и неизлечимой болезнью. Что только не предпринимали дворцовые лекари, все было бесполезно. Визирь изо дня в день худел, желтел, словно айва. Наконец беспомощные лекари приняли решение отвезти его к Логман Баба. Если от этой болезни есть лекарство, то его может найти только он, решили они. Визирь приехал к Тикмедаш безо всякой надежды. Логман Баба, осмотрев визиря, сказал: «У меня лекарства от твоей болезни нет!» Потерявший надежду визирь решил не возвращаться во дворец. Понимая, что ему суждено умереть, и, не желая, чтобы близкие видели его смерть, он отправляется в горы. На летних пастбищах он встречается с неким чабаном. Чабан, сидя под деревом, спрашивает визиря о том, что привело его сюда. Пожалев визиря, он надоил в миску, сделанную из черепа носорога, молока черной овцы и дал попить визирю, чтобы тот немного успокоился. Сам же отправился проведать отару. Визирь, не желая пить молоко, отставил миску в сторону. Неожиданно появляется большая змея, которая начинает пить молоко, потом, sprыснув в миску яд, уползает. В этом момент небо заволакивают тучи, сверкают молнии, грохочет гром. Очередная молния убивает сидящую на ветке ворону, которая падает в миску. Наблюдая за всем этим, визирь думает, что Аллах посылает ему смерть. «Мне после всего этого терять уже нечего», – думает визирь и пьет остатки молока. Допив молоко, закрывает глаза и ждет прихода конца.

Но... но дожидаться никак не может, напротив, чувствует прилив сил в теле. Через некоторое время визирь открывает глаза. Еще минуту назад ожидавший прихода Азраила⁷³, визирь чувствует, что в нем оживает желание жить, радоваться жизни. Он встает и зовет чабана. Тот, еще некоторое время назад видевший изможденного визиря, теперь с удивлением глядит на него. Визирь, попрощавшись с чабаном, возвращается в Тикмебаши. В это время Логман Баба принимал во дворе больных. Визирь подошел к навесу, под которым сидел Логман Баба, и насмешливо ему говорит:

- А ты говорил, что от моей болезни лекарства нет. Вот он я! Ушел с этого двора полумертвым, вернулся здоровым.

Логман Баба, не отвлекаясь от очередного больного, говорит:

- Все в величии и могуществе великого Аллаха. Да, я тебе сказал, что у меня от твоей болезни лекарства нет. Но я не сказал, что это в руках Аллаха. Как только я посмотрел на тебя, сразу подумал: где я смогу найти череп носорога, который умер двести лет назад, чтобы сделать миску, где возьму черную, еще не доеную овцу? Где найти двадцатилетнюю черную змею? Найти ее трудно, еще труднее заставить ее выпить молоко из этой миски. Как ее заставить выпить молоко, да еще чтобы она оставила в нем яд? И, наконец, где бы я нашел двухсотлетнюю ворону, которую убила бы молния, чтобы ее примешать к яду с молоком, а потом заставить выпить это тебя? Вот поэтому я и сказал, что твое лекарство не у меня.

Визирь, раскрыв от удивления рот, смотрел на Логман Баба. У него создалось впечатление, будто Логман Баба присутствовал при всем происходящем. Удивленно произнес:

- Клянусь, Логман Баба, все произошло, как ты и сказал. Да будет проклят тот, кто тебе не верит!

Подошел к Логман Баба, взял его ладонь в руки и произнес:

- Эту руку стоит поцеловать.

После этого события авторитет Логман Баба возрос в разы. К нему из разных уголков страны потекли больные, чтобы найти лечение.

В селе Тикмедаш было всего два дома из камня. Один был у сельского старосты, другой – у Логман Баба. Остальные дома были

⁷³ Ангел смерти в мусульманской традиции.

построены из кирпича-сырца. Как правило, такие дома красили известью, чтобы птицы и насекомые держались подальше. Заборы у бедных были из камыша или кустарника, для входа во двор делалась небольшая калитка. Обеспеченные же строили заборы из глины, ставили двойные калитки. Воровства здесь не было, и поэтому ни калитки, ни дома не запирались. А у Логман Баба вообще не было забора. Во дворе вились несколько дорожек, посыпанные щебнем, одна вела в дом, другие к навесам.

...Была пора теплой осени, Логман Баба сидел на ковре под навесом напротив двухэтажного дома. Под другим навесом его ждали больные.

Логман Баба беседовал с молодой женщиной в хиджабе⁷⁴. Женщина жаловалась:

- Логман Баба, да буду я твоей жертвой, помоги мне. В доме засилье мышей. Ставлю мышеловки, ловушки, толку нет, изо дня в день их становится все больше. В доме уже не осталось одежды, постелей, ковров – все сгрызли. Если так пойдет и дальше, загрызут и нас.

Логман Баба, выслушав ее, улыбнулся, погладил седую бороду:

- Скажи мужу, пусть поймает живую мышь, отрежет ей ухо и выпустит. Если в доме есть крысы, тогда в угол положите еще и пучок седефоту⁷⁵. Тогда ни мыши, ни крысы в доме больше не появятся.

Женщина удивилась:

- Ой, что вы говорите, Логман Баба, как может помочь отрезанное ухо?

Лекарь усмехнулся:

- Окровавленная мышь с отрезанным ухом вернется в гнездо. Мыши, как правило, не переносят запах крови сородичей. Поэтому они загрызают окровавленного сородича и покидают это место.

Молодая женщина, довольная простым и понятным советом, встала:

- Да поможет тебе Аллах, Логман Баба! Да будешь ты вечен под взором Аллаха! – И, продолжая ругать доставших ее мышей, спустилась вниз, взяла бадью, которую оставила на углу ковра. – Логман

⁷⁴ Головной убор у мусульманских женщин.

⁷⁵ Лечебная трава, «перламутровая трава».

Баба, я принесла молоко черной козы, как ты просил, я отнесу его в комнату.

Лекарь удовлетворенно покачал головой: это молоко должно было помочь многим больным.

Как только молодая женщина скрылась в доме, из-под другого навеса к лекарю подошел бледный как полотно мужчина лет тридцати, тридцати пяти, поздоровался. Лекарь как только посмотрел на него, сразу определил его недуг. Ответив на приветствие, предложил сесть и спросил, на что тот жалуется. Больной, с трудом переведя дыхание, прохрипел:

- Логман Баба, я специально из Урмии пришел к тебе. Тело мое, душа твоя, помоги мне, никто не может протянуть мне руку помощи. Сказали, чтобы я пришел к тебе, в Тикмедаш. Или ты, или никто, сказали мне.

Лекарь сначала проверил пульс больного, потом попросил показать язык, внимательно посмотрел зрачки. Молча, только промолвив «бисмиллах», вытащил из сундучка склянку с пробкой, поставил перед больным лохань, протянул склянку больному и сказал:

- Возьми, выпей одну треть.

Больной выпил столько, сколько велел лекарь. Не прошло и нескольких минут, как его затошнило, буквально вывернуло наизнанку, лохань наполнилась ярко-желтой жидкостью. Когда его отпустило, больной поднял голову и глубоко вздохнул.

- Кажется, мне стало чуть легче, Логман Баба.

Лекарь в присущей ему манере улыбнулся. Убрал лохань, потом, написав что-то на клочке бумаги, протянул больному:

- Возьми это, береги. Это рецепт, как приготовить настойку, которую ты держишь в руках. Твоя беда заключается в том, что желудок плохо переваривает пищу.

Больной смущенно, где-то даже жалостливо сказал:

- Логман Баба, я же не умею читать!

- Ничего страшного, сынок. То, что я тебе дал, выпьешь через каждые три часа два раза. Но за это время ничего не ешь. А в Урмии отдашь бумагу мулле, тот прочтет и объяснит. Впрочем, и я тебе могу объяснить. Как у тебя с памятью?

- Слава Аллаху, Логман Баба, не жалуясь. Могу с одного раза запомнить наизусть целый дастан.

- Прекрасно. Тогда слушай внимательно. Возьми сушеные яблоки и груши, семена черники, барбариса, гранат. Все это нужно хорошенько растолочь, в трех частях воды кипятить до тех пор, пока не останется одна часть. Потом нужно чуть сцедить, вновь кипятить, пока не получится шербет. Пить будешь за раз десять дирхемов⁷⁶. Иншаллах, за неделю все твои боли пройдут. Запомнил?

- Запомнил, да буду я твоей жертвой, еще как запомнил!

Больной открыл мешок и вытащил оттуда кувшин:

– Это черный мед. Это мед лесных пчел Урмии.

Логман Баба сперва хотел отказаться. Но ведь из этого меда он сможет приготовить много лекарств. Только он хотел поблагодарить больного, как послышался стук копыт и возле ворот остановились несколько всадников. Один из них показал рукой другому на Логман Баба. Тот спешился, вошел во двор, почтительно поздоровался:

- Ты Логман Баба?

Лекарь встал, ответил на приветствие гостя. Выйдя из-под навеса, подошел ближе к всаднику:

- Да, это я, дорогой гость, добро пожаловать. Проходите в дом, умойтесь с дороги.

- Нет, нет, – поспешно возразил гость, – у нас спешное дело, ты должен поехать с нами. До завтрашнего вечера мы должны быть в Султание.

- В Султание?! – удивился лекарь. – Что мне делать в Султание? Кто вы такие, вообще?

- Радуйся, Логман Баба, радуйся! Тебя зовет к себе сам Властелин мира Эмир Теймур. Приказал, чтобы мы тебя доставили к нему до завтрашнего вечера. Но не спрашивай, почему... Мы этого не знаем.

Логман Баба обернулся к ожидавшим его больным. Десятки глаз смотрели на него умоляюще, с надеждой. Оставив их в таком положении, он не мог уехать даже к Властелину мира. Он внимательно посмотрел на гостя:

⁷⁶ 1 дирхем — 3,12 грамм.

- Вы проходите в дом, отдохните. Через пару часов, иншаллах, тронемся в путь.

Гость, не выдержав пристального взгляда лекаря, опустил голову. У него не хватило смелости возразить. Напротив, глядя на этого мудрого лекаря, в нем стало расти чувство глубокого уважения к этому человеку. Нельзя было обижать этого убеленного сединами старика. Тем более что Эмир Теймур приказал обращаться с лекарем предельно почтительно.

Гость повернулся к всадникам, что-то сказал им, сам же пошел в сторону дома. Остальные тоже спешили и пошли вслед за ним.

На губах Логман Баба вновь заиграла присущая ему улыбка...

Теймур Ходжа Аг Буга и Джалал аль-Ислам как только вошли в Тебриз, без лишних разговоров арестовали всех местных чиновников и сборщиков податей. Не имело смысла тратить время на их оправдания и попытки свалить вину друг на друга. Потом началась серьезная ревизия. В канцелярских книгах была обнаружена крупная сумма налогов за несколько лет, которая должна была уйти в Самарканд, но не ушла. Она была присвоена, хищения были налицо. Было ясно, что сделать это, кроме Мираншаха, никто бы не осмелился. Казна была совершенно пуста! В качестве главных подозреваемых в этом деле из окружения Мираншаха были арестованы и увезены в Султанье Мовлане Мухаммед Кахистани, Устад Кутубеддин Наи, Хабиб Уди и Абдул Момин Гуенди (они были первыми в науке, литературе, музыке). Как их накажут за все деяния, зависело только от Эмира...

Мираншах был в жалком и полностью беспомощном состоянии. Казалось, его мир полностью разрушился. Когда его привели к отцу с веревкой на шее, он забыл ее снять даже в заточении. Не было ни сил, ни аппетита. От гуляки, распутника Мираншаха, готового утопить народ в крови, не осталось и следа. Глаза впали, щеки были бледны, словно намазанные мелом. Его внутренний опустошенный мир никак не соответствовал внешнему. Он не мог себе и представить, что отец его накажет, посадит под домашний арест. Если бы он знал, что это

случится, забрал бы свою армию и сбежал бы в Багдад, в Шам. А теперь у него не было даже одной закрутки опиума, чтобы отвлечься. Даже если бы у него в кушаке был запрятан терьяк⁷⁷, все равно не смог бы закурить. Потому что Эмир в любую минуту мог вызвать его к себе. А, увидев сына задурманенным, привел бы в чувство острием меча. Одного из тысячников Эмир за это собственным мечом порешил. О, Аллах, сохрани от самого худшего! Может, отец прикажет его казнить... Потерявшись между этими безответными «может», принц то ходил из угла в угол, то потухшим взором упирался в одну точку, напоминая каменного истукана. Он не хотел умирать, не хотел глядеть смерти в глаза. «Или пусть сразу убьют, чтобы не мучиться, или пусть отпустят». Эта мысль терзала его беспрестанно. Иногда, когда полог шатра отодвигался и входил слуга с едой, Мираншах испуганно вздрагивал: ему казалось, что за ним пришел палач, и его и без того беспокойное сердце начинало биться, как птица в клетке. А иногда ему чудилось, что ему в еду или в воду подсыпали яд. Сколько таких убийств совершил он сам! Ел и с удовольствием смотрел, как отравленный гость умирал в муках. Теперь такое же могло произойти и с ним. Последние дни его нервы были натянуты словно струны. То, крича «не хочу умирать!», он начинал бегать из угла в угол, то, вдруг скорчившись, замирал. Однажды в ярости ударил по подносу с едой. Потом, поняв, что оставил себя без еды, начал хохотать. Устав от всего этого, засыпал нервным сном, все время бредил, вскрикивал во сне «не души меня!» Ему ничего не хотелось. Но однажды он потребовал, чтобы к нему привели его жену Севим ханум. Ему хотелось провести с ней одну ночь, потом задушить. Но и этого он не смог сделать. Его мир сузился. К нему не пускали никого из родственников, даже сыновья Омар, Халил, Абу Бекр не имели права навестить его.

Его мир был разрушен, а те, кто жили в другом мире, покинули его. Всю жизнь занимавшийся чем угодно, только не государственными делами, Мираншах теперь был лишен всего. Ему оставили пока лишь одно – жизнь, и ему не хотелось вместо жизни получить смерть. Жизнь и смерть! Что будет выбрано для него, он не знал. Если бы он знал, что душа его после смерти будет жить, выбрал бы смерть. Но,

⁷⁷ Наркотик.

в отличие от Шахруха, Мираншах был невежественен и всего этого не знал. Его жизнь состояла лишь из скачек на конях, размахиваний мечом, казней, кутежей, слез, крови, избиений и оскорблений других. Оттого, что он не был созидателем, а разрушителем, ему было не понять разницы или схожести между душой и смертью.

...Человек, который разрушал все, сеял смерть, теперь ждал ее и дико боялся...

Когда ковровый занавес шатра вновь шелохнулся и приоткрылся, Мираншах вздрогнул. Вновь подумал, что это пришла его смерть. Сделав шаг назад, дико закричал:

- Нет! Я не хочу умирать! Не хочу... не хочу!

Свет из окна шатра падал прямо на ковровый занавес, и Мираншах, увидев благообразного, в белых одеждах, белобородого старца, решил, что это явился сам Азраил.

- Прошу тебя, не надо... Не забирай меня, я не хочу умирать!

Весь в потоках солнечных лучей, человек, вошедший в шатер, кротким голосом сказал:

- Успокойся, сын мой! Никто не пришел тебя забирать. Я лекарь.

- Лекарь? Я тебя не знаю! – вопль Мираншаха разлетелся по шатру, ударив по ткани.

Человек в блестящей от лучей солнца чалме будто не слышал воплей Мираншаха.

- Меня называют Логман Баба. Может, ты слышал обо мне, когда был в Тебризе.

Когда однажды Мираншах заболел, его супруга Севим ханум хотела пригласить Логман Баба, чтобы он осмотрел Мираншаха. Однако чиновники и друзья по застолью убедили его, что он абсолютно здоров, не позволив лекарю появиться во дворце. Так было несколько раз. Это было выгодно окружению, им нужен был именно такой Мираншах.

...Принц зажмурился, но никак не мог вспомнить имени этого лекаря. Правда, его кроткий голос успокоил Мираншаха. Он позволил, чтобы Логман Баба приблизился к нему. Вошедший следом слуга положил на пол сундучок лекаря и молча удалился. Придворный лекарь Эмира остановился в проеме двери, следя за всеми движениями коллеги. Но в его взглядах не было любопытства, скорее всего это была слежка. Логман Баба подошел к Мираншаху, взял его за руку:

- Подойди, дай при солнечном свете взгляну на тебя, подойди, ничего не бойся!

Логман Баба подвел совсем опустошенного, беспомощного Мираншаха к окну.

Мираншах был заморожен. Как маленький ребенок, молча, послушно, не сопротивляясь, пошел за лекарем и сел возле окна. Логман сперва осмотрел его рану на голове. Потом взглянул в покрасневшие глаза принца. Они были налиты кровью. Логман заставил Мираншаха встать и подвел его к своему сундучку. Вынул склянку, протянул Мираншаху:

- Пей, сынок, это тебе поможет, - и, как бы прочитав его мысли, добавил, - можешь быть спокоен, я не делаю вреда людям, а лечу их.

Замороженный Мираншах, не говоря ни слова, выпил содержимое склянки. Внутри сразу стало прохладно. В голове начало проясняться, он почувствовал легкость, мысли стали упорядочиваться. В первую очередь он вспомнил о веревке на шее. Чувство стыда окутало Мираншаха, захотелось куда-нибудь спрятаться. Что он сделал? Стыдливо взглянул то на веревку, то на лекаря. Логман Баба молча снял с его шеи веревку, бросил в угол. Еще неделю назад буйный, Мираншах теперь ходил на бессловесного ребенка. Логман Баба вынул из сундучка маленький кувшин и нож. Это не ускользнуло от внимания принца. Однако лекарь, взглянув на Мираншаха, улыбнулся. Чего только не было в этой улыбке для сына Властелина мира!.. Путь спасения пролегал через эту улыбку.

Послышался кроткий голос лекаря.

- Сынок, засучи правый рукав!

Мираншах молча засучил рукав. Логман Баба, произнеся «О, Аллах», небольшим ножом сделал надрез на вене руки Мираншах и подставил под стекающую кровь кувшин. Чем больше вытекало крови, тем легче становилось Мираншаху, даже цвет лица стал меняться. Когда кувшинчик наполнился наполовину, лекарь вынул что-то из сундучка и потерял им место надреза. Кровь постепенно перестала вытекать. Завершив все это, Логман повернулся к придворному лекарю, который с интересом наблюдал за происходящим:

- У принца воспаление мозга. Правда, это не так страшно. Продолжительное лечение позволит устранить болезнь. Если погода будет

жаркой, нужно будет делать кровопускание либо с вены на руке, либо со спины. Это надо делать, если у него будут сильные головные боли. Потом, в зависимости от сезона, ему надо принимать соки вьюнка, фиалки, свежей тыквы, листьев ивы, гранатов, огурцов, алычи, есть мел, прочищать желчный пузырь, кишки. В сок салата, мака, тыквы, граната добавляйте сок ячменя. Категорически нельзя пить вино и много воды. В холодные времена надо есть белые грибы, жить в светлом месте, принимать соки горчицы, ромашки, чабреца и ячменя.

Лекарь замолчал. Повернулся в сторону Мираншаха, что-то хотел сказать ему. Однако несколько бессонных ночей взяли свое: чуть пришедший в себя после нервного срыва Мираншах уснул там же, где и сидел, спал по-детски, подложив ладонь под щеку и поджав ноги к животу...

...Эмир Теймур за все деяния своего сына сперва намеревался его казнить, но не смог на это пойти. Это был очень тяжелый вопрос. Из четверых любимых сыновей двоих он уже потерял. Остались Шахрух и Мираншах. Возможно, если бы все четыре сына были живы, Эмир, невзирая ни на что, казнил бы Мираншаха. Теперь он был весь в думах, своими тайными мыслями ни с кем не делился. Ибо установленные им законы были обязательны для всех, их никто не мог нарушить, даже он сам. Да и решение было принято: за все деяния в Тебризе кто-то должен был быть казнен. Если не Мираншах, то четверо из его окружения. Несомненно, эти четверо пользовались беспутством, распущенностью и разгильдяйством Мираншаха, и обязательно с выгодой для себя. Кто пользовался этим, те и поощряли Мираншаха на такой образ жизни. Эти четверо и все их хитростью нажитое богатство уже было определено, подготовлены четыре виселицы. А вот насчет пятой виселицы решение он еще не принял. Он и не хотел этого. А когда услышал, что сын ведет себя как сумасшедший, у Эмира Теймура появилась надежда. Нельзя же вешать сумасшедшего! Правитель посоветовался с улями. Они заявили, что сумасшедший неприкосновенен. Это было очень странно: ученые, сейиды и... совершенно противоположные им умалишенные пользовались неприкосновенностью. Религиозные деятели, также взяв за основу этот момент, попросили Эмира простить Мираншаха. Но Теймура такими вещами обмануть было сложно. В некоторых высказываниях сына он видел не

признаки сумасшествия, а притязания на власть. Поэтому он принял решение привлечь не придворного лекаря, а пригласить со стороны. В таких делах он не мог верить придворным эскулапам. Для этого и был приглашен в Султанье Логман Баба.

...Когда лекарь вошел в шатер правителя, Великий Эмир еще не определился с судьбой сына. Мнение лекаря должно было пролить свет на многие темные моменты... Логман Баба, слегка склонив голову, приветствовал Правителя. Хотя Эмиру не понравился подобный поклон, но он не подал виду. Указав лекарю место, сам сел на дорожный трон:

- Ну, лекарь, в чем проблема Мираншаха, как его здоровье?

Перевидавший на своем веку не одного правителя, Логман Баба взглянул в раскосые, буквально пылающие глаза Эмира, и ему стало страшновато. Но он понял, что в отличие от всех, кого он видел, этот – самый могущественный и самый умный. Правда, и он мучился некоторыми болезнями. Еще раз внимательно посмотрев в глаза Эмиру Теймуру, Логман Баба сделал точный вывод. Он слышал о том, что Эмир хромает на правую ногу, и сегодня увидел это воочию. Увидел также, что и правая рука правителя плохо работает. Если бы лет тридцать назад к нему обратились, он мог бы помочь. А теперь было очень поздно. «Но мозг у него работает очень хорошо», - подумал Логман Баба.

- Страшного ничего нет, мой Правитель. В свое время его неправильно лечили. Поэтому болезнь несколько развилась.

- Так в чем же причина?

- Воспаление мозга.

Эмир вновь проявил терпение.

- То есть ты хочешь сказать, что от этой болезни до сумасшествия один шаг?

Проживший долгую жизнь, проводивший не одного правителя Логман понял, куда клонит Эмир.

- От этого нет, но это может быть от методов лечения или приема других вещей.

Эмир ничего не понял:

- Поясни!

Логман Баба погладил белоснежную бороду. При таких разговорах он любил это делать.

- Да здравствует наш Правитель! Дело в том, что эта болезнь дает сильные головные боли, голова раскалывается, больной не может найти себе место. Для того, что притупить, а, может, и приостановить боль, лекари в большинстве случаев советуют гашиш, анашу, терьяк и вино. Их прием в большом количестве притупляет все. После того как заканчивается их действие, боль начинается вновь, доходя до уровня сумасшествия. Одним словом, все эти средства делают человека зависимым от них. А это хуже сумасшествия.

Теймуру понравилась логичная, рассудительная речь лекаря. Пока тот говорил, Эмир думал: «Мираншах спасен от веревки».

Когда Логман Баба произнес последнюю фразу, он посмотрел на Эмира. Тот был в такой задумчивости, будто в шатре кроме него никого не было и он сидел один на один с шахматным столиком. Затянувшееся было молчание нарушил Логман Баба:

- Я знаю, Великий Правитель предложит мне остаться во дворце в качестве лекаря.

Великий Эмир сильно удивился. Ведь эта мысль пришла ему в голову буквально минуту назад. «Этот волевой старик еще и читает мысли? Нет, оставлять его во дворце слишком опасно. Он всех делает зависимыми от себя. Каждый будет бегать к нему с просьбой сказать, что о нем думает другой». Но ему было интересно, что на это скажет Логман Баба.

- Ты верно прочел мои мысли. Что ты ответишь на это?

Лекарь, вместо того, чтобы ответить прямо, начал издалека.

- Правитель, если позволите и если я не отнимаю у вас время, я хочу рассказать одну легенду о пророке Сулеймане, царство ему небесное! – И оба, подняв руки, прочли молитву, потом, проведя руками по лицу, сделали салават⁷⁸.

Теймур поудобнее устроился на троне, взглянул на старца и произнес «Изволь». Он очень заинтересовался тем, каким же образом этот волевой старик скажет ему «нет».

Логман Баба, не торопясь, с расстановкой, кротким голосом стал рассказывать:

⁷⁸ «Салла-л-Лааху алааихи ва салам» — фраза, которую мусульмане произносят после упоминания имени пророка Мухаммеда.

- Однажды пророк Сулейман, стоя на горе, у подножья которой протекала река, размышлял о мире и о жизни. Вдруг он увидел человека, который подошел к реке, умылся, потом расстелил скатерть, достал припасы и стал есть. Закончив трапезу, собрал еду в хурджун⁷⁹, но, вставая, сам того не заметив, уронил мешочек с деньгами. Потом подошел второй. Он, так же, как и первый, умылся, поел и тут увидел мешочек с деньгами. Забрал его и ушел. Подошел третий, но не успел он приступить к трапезе, как вернулся первый и стал требовать свои деньги. Третий клялся, божился, что не видел его денег. Спор начал разгораться, и тут первый, выхватив меч, убил третьего. Правда, обыскав убитого, он, ничего не найдя, ушел. Наблюдавший за всем этим пророк Сулейман воздел руки к небу и воскликнул:

- О Всевышний из Всевышних, разве это справедливо? Деньги нашел один, а погиб невинный!

Великий Эмир, нахмутив брови, внимательно слушал лекаря, а лекарь, глядя на Эмира, продолжил:

- С небес вернулось восклицание: «О пророк, не вмешивайся в дела Аллаха, ибо кто вмешается в Его дела, будет наказан в ответ. Помни, отец первого долгие годы должен был отцу второго деньги. Я вернул этот долг. Третий же должен был первому кровью. У них давно кровная вражда. И первый отомстил третьему. Как видишь, таким образом я вершу справедливые дела».

Логман Баба замолк. Теймур же, все еще в ожидании на свой ответ, сидел так же, нахмутив брови, глядя исподлобья, думал, каким же образом лекарь совместит рассказ с ответом. Старый лекарь тоже понял, что Великий Эмир ждет от него ответа. И заговорил, все также неторопливо:

- Один гвоздь может спасти одну подкову, одна подкова – одного коня, один конь – одного удальца, а один удалец – целый народ. Великий Эмир распространяет Ислам, бережет его, возвеличивает имя тюрка до небес. В одном из хадисов я прочел слова Аллаха: «Я создал тюрка для того, чтобы обращать его меч против тех, кто нарушает установленные мною правила». Ни виноватый не может быть необузданным, ни тюрк. Кто я такой, чтобы вмешиваться в дела Аллаха?

⁷⁹ Заплечная сумка из ткани или вязаная.

Как решит правитель, так и будет. Мы созданы, чтобы исцелять, - будь то хоть во дворце, хоть в шалаше.

Умный ответ старика понравился Теймуру. Перед ним сидел не только лекарь, но еще и мудрый человек. Теймур встал, стал прохаживаться по шатру. Встал и Логман Баба. Эмир подошел и стал перед ним.

- Твоя слава ходит по городам и весям. У меня будет к тебе одна просьба...

- Каково бы ни было желание Великого Правителя, наш долг его выполнить, - сказал лекарь, совершенно спокойно глядя на Теймура.

Этот светлый человек ко всему прочему был еще и почтительным. Слово мудреца, который помогал всем, которого почитали, могло быть весомым в любой ситуации. Назначить бы такого правителем вилаята⁸⁰, там царили бы мир и справедливость, люди жили бы в достатке, право и бесправие не сталкивались бы лбами. Однако он не согласится на это. Его дело – врачевание, и он получает от этого удовольствие. С другой стороны было бы неверным заставить такого человека сменить любимое дело на другое. Он не подходит для правления. Два пальца правителя из пяти всегда должны быть в крови, должны наказывать. А этот не сможет никого наказать, даже обидеть. Невозможно даже представить, как он может повелевать величественным голосом. Такой годится только для того, чтобы быть аксакалом, послом, заключать мир, остужать кровную месть, давать дельные советы. Но и это немало. Если бы в каждом вилайате было несколько таких аксакалов, это было бы сильнее всякого оружия, сильнее любого богатства.

- Знаешь, лекарь, из-за глупости, бестолковости Мираншаха люди разбежались по горам и долинам, даже воюют против нас. Я не могу отдать приказ поднять оружие против своих подданных. Это бросит тень на мою справедливость. Я знаю, что к тебе все прислушиваются. Этому, Году... Ну, тот, ты знаешь о ком я говорю... Как его зовут?..

Старый лекарь на мгновение нахмурил брови, задумался – для того чтобы понять, что стоит за словами Великого Эмира. Но он пре-

⁸⁰ Край, область.

красно понимал, что от Эмира ничего не скроешь – так же, как не утаишь шило в мешке. Волей-неволей лекарь попадал под влияние сильной воли Эмира.

- Его зовут Гасан, о Эмир.

- Да, я говорю о Гасане. Отправь ему известие о том, что Мираншах совершил большую глупость, вел себя как ишак... Я, Эмир Теймур, прощаю Гасана. Пусть возвращается, примыкает к нам, помогает управлять вилаятом.

Логман Баба глубоко вздохнул. Теперь все было ясно. Это дело для него не будет сложным, в то же время вилайат избавится от напрасного кровопролития. Словно тяжелый груз свалился с плеч лекаря. Да и тревога в глубине души улеглась.

- Да будет жизнь Великого Правителя долгой! Я сделаю все, чтобы мир, который ты принес с собой, стал продолжительным.

Эмир Теймур, щедро одарив лекаря, попрощался с ним.

Ближе к вечеру он принял Мираншаха. Не проявляя к нему благосклонности, Эмир Теймур, тем не менее, простил сына. Освободив его от должности правителя Азербайджана, назначил на его место своего внука, сына Мираншаха Мирзу Омара.

Утро в Султанье началось с азана. Призывы «Аллаху Акбар» далеко разносились по городу, одних призывали идти на намаз в мечеть, других – открывать магазины, третьих торопили выводить скотину на пастбища. Городская площадь сегодня убиралась особо тщательно. По периметру площади выстроились воины с копьями.

Глашатай, ударяя в бубен, стал ходить по улицам, по базару и выкрикивать:

- Слушайте, слушайте, не говорите, что не слышали! Сегодня четыре чиновника, разжиревшие, потерявшие совесть, будут казнены по приказу нашего правителя Эмира Теймура! Судьба тех, кто покусился на государственную казну, рано или поздно будет такой. Слушайте, слушайте, не говорите, что не слышали! Сегодня на площади будет казнь!

После каждой фразы глашатай ударял палкой по бубну, привлекая внимание горожан.

Слушавшие его горожане радостно переговаривались меж собой:

- Видишь, я говорил, что справедливость возьмет верх! Наконец пришел истинный хозяин. Конец этих бессовестных должен быть именно таким. Представь, насколько они обнаглели, что даже под ноги себе не смотрели!

- А я что говорил? Говорил, что Аллах велик, рано или поздно свое слово скажет!

Разговоры заглушили звуки бубна; глашатай пошел в сторону площади. Туда же сбегались дети с криками «Казнь будет, казнь будет!»

На подметенной, затем политой водой площади стояли четыре виселицы. Площадь постепенно заполнялась людьми. Всем было интересно то, что четыре известных человека Тебриза будут казнены в Султанье. Более того, разошлись слухи, что на казни будет присутствовать сам Эмир Теймур. Многие – пусть издалека – хотели хоть одним глазком взглянуть на великого правителя.

Когда большая арба, запряженная ослами, громко скрипя, въехала на площадь, по ней прокатился гул: людям показалось, что на площади появился Азраил.

Вначале Мираншах не хотел смотреть на казнь. Однако в своем новом положении и после помилования отцом он был вынужден присоединиться к толпе.

Когда Эмир Теймур в окружении приближенных появился на площади, толпа взорвалась приветственными возгласами. Доведенные до отчаяния выходками обнаглевшего Мираншаха, люди, преклонившие колена перед Эмиром, видели в нем спасителя. Мираншах же, дабы не очень мозолить людям глаза, был в самом конце процессии. Когда Эмир Теймур въехал на центр площади, охрана тут же заняла круговую оборону. Это было оправдано. Правитель тюрков-джагатай⁸¹, который, желая владеть миром, никогда не отделялся от народа, теперь, после омерзительных деяний Мираншаха, должен был прини-

⁸¹ От ханства Джагатай, простиравшегося от Самарканда до Западного Сибиряна, и названного именем второго сына Чингисхана — Джагатая (Чагхатая).

мать меры безопасности. Для того чтобы восстановить спокойствие в Азербайджане, вернуть доверие народа, сегодня, на этой площади, Эмир должен был выступить. То, что будет сказано здесь, дервиши и купцы разнесут по всему миру.

Выехав в центр площади, он поднял руку. Гудевшая от восторга площадь после этого знака мгновенно замолкла. Эмир Теймур, дабы слышали все, стал говорить громко:

- Люди! Однажды Пирим Абу Бекр Тайбади написал мне письмо из Хорасана. Там были такие слова: «О победоносный Теймур, в государственных делах не забывай три вещи: первое – совет, второе – терпение, третье – не допускай поверхностности в делах. Потому что конец государства, построенного без совета, это ошибка и сожаление. Управляя государством, нельзя гнушаться советами, иначе разочаруешься. И еще надо знать то, что, сталкиваясь с трудностями в управлении государством, нужно проявлять стойкость и терпение. Одним словом, проявляя стойкость и терпение, можно добиться многого, на мир будешь смотреть открытыми глазами». – Эмир сделал паузу и посмотрел на людей. Они слушали его с большим интересом. Тишину на площади иногда нарушало фыркание лошадей.

– То, что написал мне Пирим, - продолжил Теймур, - стало основой для управления государством. Поэтому во всех политических делах в девяти случаях из десяти я пользовался советами, и только в одном случае решение вопроса отпуская на волю меча. Помните, что я больше предпочитаю осмотрительность, ум и благоразумие. Во-время принятая мера позволяет победить непобедимую армию, взять неприступный город.

Эмир вдруг резко натянул поводья. Привыкшая к этому лошадь вздыбилась и громко заржала. Так громко в армии не могла ржать ни одна лошадь. Ржание пронеслось над головами людей, наведя на них страх, потому что многие просто никогда такого не слышали, и ушло за пределы площади. Для окружения же Теймура это было сигналом к тому, что выступление достигло пика. Эмир прекрасно знал, что и как сказать. Он продолжил громко и гневно:

- Я отдал приказ, что если с захваченных земель придут добровольцы, принять их в армию. Чтобы они защищали местное население от скверных происшествий, от убийств, грабежей, попадания в плен к чужакам. Еще отдал приказ, чтобы на всех захваченных нами землях с уважением относились к улям, сейидам, дервишам, странникам-богомольцам и отшельникам, чтобы обеспечили их месячным довольствием. Отдал еще один приказ: не собирать с людей налоги в том количестве, которое может нанести им или государству вред. Потому что опустошение государства есть опустошение казны. По этой причине разваливается самая мощная армия. Такое государство разграбляют враги. Снова издал приказ о том, что если государство сдалось добровольно, разобраться с выручкой и прибылью. Если местные подданные согласны с предыдущей данью, оставить все как есть. В противном случае ввести налоговые правила. Был еще приказ: не требовать налог за сбор урожая. Чтобы подданных не били, не заковывали в цепи. Следующий мой приказ был о том, что, если кто-то благоустроил какую-то местность либо восстановил разрушенное ранее здание, за первый год с него ничего не требовать. На второй год он может платить столько, сколько захочет. На третий год пусть платит как все.

Продолжая в таком же духе, Эмир Теймур объявил еще о нескольких приказах. Затем остановился, перевел дух и, чуть помедлив, указал нагайкой на четверых бывших чиновников, понуро сидевших в арбе:

- Эти четверо, управлявших вашей областью, нарушили установленные мною правила! Этого им показалось недостаточным, и они воспользовавшись болезнью моего сына Мираншаха, решили втянуть его в свои грязные дела. Они издевались над народом, разрушали святыни, не сделали ни одного доброго дела.

По толпе на площади пошел гул негодования. Воспользовавшись этим, Эмир решил сделать так, чтобы народ поддержал его решение:

- Какого наказания достойны эти неблагодарные, нарушившие закон?

- Смерть! Смерть! Виселица! – заревела толпа.

- Если так, ведите их к виселице!

- Забросать их камнями! – послышалось в ответ.

Великий Эмир поднял левую руку, площадь затихла.

- Учитывая все это, а также ваши пожелания, я отстранил Мираншаха от управления Азербайджаном! Вместо него назначил моего внука Мирзу Омара!

Вся площадь словно обрушилась на голову Мираншаха, он съежился, стал еще меньше. В эти минуты он просил у Аллаха только смерти. Ему хотелось, чтобы земля содрогнулась, разверзлась, и он вместе со своим конем провалился бы в преисподнюю. Теперь он чувствовал себя зайцем, убегавшим от гончей.

Площадь взорвалась радостным гулом. Казалось, большая стая голубей одновременно взмыла в небо.

- Да здравствует Эмир Теймур!

- Именно таким бывает справедливый правитель!

Эмир Теймур посчитал свою миссию законченной. Тронув уздечку, он подъехал к своим подданным, взглянув на Теймура Ходжу Аг Бугу, слегка кивнул головой. Теймур Ходжа прекрасно знал, что означает сей знак. Выехав на площадь, он вытащил указ Эмира Теймура и стал читать:

- Бисмиллахи, рахманир, рахим!..

Дочитав указ до конца, сделал знак палачу. Высокий, здоровый палач с закрытым лицом подошел к арбе. Указ Эмира ввел сидевших в ней в такой ступор, что эти жалкие людишки съежились и казались совсем маленькими. «Людской мясник» по одному, словно баранов, выволок осужденных из повозки, выстроил перед собой. Потом грубым голосом громко спросил:

- Ну что, каналби, с кого мне начать первым? На кого первым накинуть эту прекрасную петлю?

Один из приговоренных, Мовлане Мухаммед, всегда острый на язык, не удержался даже сейчас. Поднял голову, посмотрел на громаду палача. Он уже не боялся смерти, потому что после дня ареста умирал уже несколько раз.

- Устад Кутубеддин во всех делах всегда был впереди. И теперь нужно, чтобы он удостоился чести быть повешенным первым. – Скавав это, он обернулся к сгорбившемуся устаду.

Палач, не говоря ни слова, взял устада за руку и буквально поволок к виселице, накинул петлю. У того уже не было сил даже что-то

сказать. Хотя и сказанное сейчас не имело бы никакого смысла. Наказание за свои деяния он получал на этом свете. Но думал о том, какое же наказание ждет его в потустороннем мире. В мгновение ока перед глазами промелькнула вся его жизнь. Был ли он ею доволен, или нет, Кутубеддин не знал и сам.

Палач посмотрел на Аг Бугу, тот, в свою очередь, на Эмира Теймура. На лице Великого Эмира не было и тени жалости, поэтому Аг Буга легким кивком дал знак. Палач сильным ударом ноги выбил из-под ног устада подставку. Петля затянула шею Кутубеддина, ноги задержались, потом затихли. Казалось, в последний момент Кутубеддин пытался удержаться в этом мире, что-то сказать. Палач, деловито посмотрев на свою жертву, пошел за другой. Вторым был казнен лекарь Уди, третьим – Абдулмомин. Когда очередь дошла до Мовлана Мухаммеда, он повернулся в сторону Эмира Теймура и продекламировал:

Ты, богохульник, это последний шаг, конец всему
Куда-то пойду, куда – не знаю.
Если меня вздернут, словно Мансура,
Стой крепко, мужчина, это еще не конец света!

Потом, гордо подняв голову, пошел в сторону виселицы. Когда палач накидывал ему на шею петлю, Эмир Теймур со своими подданными уже выезжал с площади. Правитель сделал свое дело, теперь перед ним стояли другие задачи. Надо было сделать очередной ход на шахматной доске.

Люди на площади единодушно выражали свое восхищение Эмиром Теймуром. О своих соотечественниках, повешенных на площади, они уже забыли.

На следующий день правитель по дороге Гарадере – Ардебиль отправился в Карабах. В селе Готур неподалеку от Агдама был раскинут лагерь. Зиму Эмир Теймур собирался провести здесь. Это село было самым удобным для его армии.

...Теперь пришло время наказать высокомерных грузин...

Правитель Шеки Сейид Ахмед Арлат по горным дорогам направлялся в Шемаху. После того как его отец Сейид Али Арлат погиб вблизи крепости Алинджа, правление городом по наследству перешло к нему. Несмотря на то, что ему было всего двадцать пять лет, дальновидный правитель, как только услышал весть, что Эмир Теймур намерен перезимовать в Карабахе, приступил к поиску решения. Сейид Ахмед прекрасно знал, что за оказанную помощь его отцом и грузинами крепости Алинджа Эмир Теймур обязательно накажет и его, и грузин. Если не принять предварительных мер, Шеки будет разрушен и опустошен, а из голов пленников Эмир воздвигнет очередной холм или башню типа минарета. Это был метод наказания Эмира Теймура. О многочисленных минаретах из человеческих голов правитель Шеки слышал очень много. К ним даже вороны и ястребы близко не подлетали. Если и в Шеки вырастет такой холм, жизнь угаснет, выжившие больше не вернутся сюда.

После долгих раздумий он вспомнил о Ширваншахе Шейхе Ибрагиме в качестве гарантии мира. Собственно в округе больше не было правителей, которые могли бы замолвить слово Правителю. Поэтому он отправил в Шемаху гонца, через которого просил Ширваншаха об аудиенции.

...Теперь Сейид Ахмед Арлат направлялся в Шемаху, невзирая на опасные горные перевалы, в душе ища выход из положения. Интересно, даст ли согласие Ширваншах на посредничество? Если да, то услышит ли его Великий Эмир?

Он глубоко вздохнул и только тут осознал, что его до костей продирает морозный воздух. У него замерзли даже кончики пальцев на руках. Держа одной рукой повод, другой Сейид Ахмед Арлат достал из хурджуна рукавицы и надел. Сразу разлилось тепло. Тепло от шерстяных рукавиц согрело и душу, в ней стала теплиться надежда. Он опять глубоко вздохнул. И тут ему показалось, что грудь наполняется не морозным воздухом, а чем-то теплым, обнадеживающим. Когда кони, пройдя узкую тропу, вышли на склон горы, Сейид Ахмед, не выдержав, пришпорил коня. Скакун, уставший от трудного пути, заржав, резво прибавил ходу. Сопровождение, будто ожидая этого, с

криками «Эгей, эгей!» поскакало вслед за своим правителем. Кони скакали, приближая Сейид Ахмеда к месту его надежды...

Тем временем из Карабаха в Шемаху направлялась еще одна группа. Эмир Теймур отправил своего внука Халил Султана в Шемаху, чтобы передать Ширваншаху приказ срочно прибыть в Карабах. Принц помимо этого получил от своего деда еще ряд указаний. Теперь всадники во главе с Халил Султаном скакали в сторону Шемахи...

Шейх Ибрагим, услышав о скором прибытии Халил Султана, стал готовиться к визиту. Он хорошо понимал, что принц едет с указаниями от Эмира Теймура. Халил Султан по возвращении в Карабах доложил бы деду обо всем увиденном в Шемахе. В то же время к нему ехал, пусть неофициальный, но зять. В голову Шейха приходили разные мысли. «Может, Эмир Теймур знает о том, что Шады Мюльк моя дочь? Если да, то кто сообщил ему об этом? Купец Агбаба? Нет, это невозможно! Я доверяю ему больше, чем себе. Тогда почему едет именно Халил Султан?», - мучительно думал Шейх. Но, несмотря на все раздумья, он продолжал приготовления. Он принял решение встретить принца на перевале к западу от Шемахи. С этого перевала Аран виден как на ладони, подъезжающих можно даже пересчитать. Когда всадники стали подниматься на перевал, визирь Шейха Джафархан, приложил ладонь козырьком ко лбу, внимательно присмотревшись, промолвил:

- Кажется, они...

Ширваншах тоже посмотрел вниз. Впереди группы развеялся штандарт Эмира Теймура.

- Да, это они, - подтвердил Шейх слова визиря.

Шейх Ибрагим велел музыкантам приготовиться, и те быстро выстроились неподалеку от него. Когда группа приблизилась, Шейх подал им знак. Когда неожиданно забили барабаны и зазвучали карнаи, конь принца от испуга вздыбился, чуть не сбросив с себя всадника. Хорошо, что Халил Султан не растерялся. Обхватив бока коня ногами, он резко потянул поводья на себя. Конь успокоился. Группа всадников остановилась напротив шаха. Обе стороны спешили. Шах приветствовал Халил Султана легким наклоном головы, а его приближенные преклонили колена. Халил Султан таким же легким кивком ответил на приветствие и сказал:

- Приветствую тебя, Ширваншах Шейх Ибрагим!

Шейх обеими руками сжал руку принца и воодушевленно произнес:

- Добро пожаловать в Ширван, Великий принц! Для меня большая честь видеть любимого внука Великого Правителя Эмира Теймура в Азербайджане, более того в его сердце – Ширване. Прошу вас, поедем, мой принц!

Слуги тотчас подали коней. Через некоторое время холодный, морозный воздух остался позади...

Кони принца и шаха шли рядом, остальные ехали чуть поодаль. Шейх, дабы скоротать путь и завести разговор, спросил:

- Как себя чувствует Великий Эмир? Я слышал, на этот раз Великий Эмир пойдет на Грузию, наказать гяуров? Это правда?

Принц от такого количества вопросов не растерялся.

- Спасибо, уважаемый шах! Здоровье у моего деда нормальное. Ты наверняка знаешь, что правитель очень любит природу и воздух Карабаха. Иншаллах, там мы и перезимуем. А весной, если правитель издаст указ, поедем на гяуров. И то, что Великий Правитель отправил меня к вам, связано с этим. Дедушка зовет вас к себе.

Внутри Шейха что-то оборвалось, волна смятения захлестнула его. Но он постарался не подать виду. Он был уверен, что Эмир Теймур пригласит его в поход на Грузию. Потому что он никогда не изменял своему союзнику, всегда добросовестно выполнял взятые на себя обязательства. Знал это и Эмир Теймур.

- Предстать пред очи Великого Правителя для меня большая честь. Давно он не посещает наши места. Но, видимо, на это есть свои причины. Охотно подготовлюсь, и мы отправимся к нему.

Принц остался доволен ответом шаха, хотя другого и не ожидал. Но тут он вспомнил еще об одном поручении Великого Правителя и решил проверить шаха. Дед ему сказал такую фразу «Бросишь слово: кому надо, тот его подберет». Принц обернулся к шаху.

- О, почтенный шах, на одном из привалов с нами произошла интересная история. Когда наши лошади паслись, один возница прочитал красивую газель. Если не ошибаюсь, она звучала так:

Когда моя луна взойдет на небосклоне красоты,
Весь озаренный небосвод и лик луны увидишь ты.

Едва увидит райский сад твой величаво-стройный стан,
Падут и в ревности сгорят все кипарисы и кусты.

Когда, красой своей горда, с чела отнимешь ты покров,
Поникнут розы от стыда, кляня разбитые мечты.

Продекламировав газель, принц умолк. Молчал и шах, у которого вдруг екнула селезенка. Газель принадлежала перу поэта-хуруфита Насими. Что-то здесь было не так. Беспричинно Халил Султан не стал бы заучивать газель. Он говорил неправду, что услышав один раз, запомнил ее. Это невозможно. Скорее всего, и случая по дороге никакого не было. Это была часть некоей подготовленной игры. И в ней нельзя было ни самому подставиться, ни кого-то подставить. Не поворачивая головы, он спросил:

- Что было потом?

Принц поднял глаза и попытался взглянуть на шаха. Тот в этот момент повернулся и увидел в глазах принца не коварство, не хитрость, а, напротив, перед ним на коне сидел юноша, во взгляде которого лучилась жажда любви, кручина из-за разлуки и нетерпение.

- Шах, поверь мне, эти строки были такими сильными и так подействовали на меня, что в мгновение ока перенесли меня в Самарканд. – Принц отвел взгляд от вопросительного взгляда шаха и потупился. – Но возница, увидев нас, замолк. Я подозвал его. Хотел дослушать газель до конца. Спросил, кто автор этой газели. – Принц поднял потупленную голову, взглянул на шаха. – Наше странное одеяние несколько не смутило возницу, и он, не моргнув глазом сказал: «Насими!» Я ему сказал, что на территории правления Эмира Теймура стихи этого поэта-хуруфита запрещены...

Шейх отвел взгляд:

- Интересно, что ответил возница?

- Сказал... - принц смешался, - сказал, что мы можем подарить свое тело Эмиру Теймуру, но душу никому не отдадим. Это есть наивысшее, что ниспослано нам Аллахом. Если эти газели будоражат мне душу, почему я не должен их читать?

Шах понял, что в этом вопросе он может пасть в глазах Правителя. В таком случае ничто не спасет его. «Значит, так, этого принца любым способом нужно нейтрализовать. Иначе вместе со мной пропадет

и весь Ширван, останется под ногой теймуридов», - подумал шах, но ответил принцу совсем по-другому:

- Принц, возница сказал правду. У человека можно отнять все – богатство, жизнь, товары, дома. Но душу отнять невозможно. Душа человека служит либо сатане, либо благим делам. – Шах решил воспользоваться молодостью принца и перейти в атаку по принципу «лучшая защита – это нападение». – По велению Аллаха... Вы, принц, готовы на пути Великого Эмира отдать за него жизнь, но ваша душа возле другого человека. Ваша душа тянет вас в Самарканд. Разве не так?

Принц понял, на что намекает шах, вздрогнул, покраснел, опустил голову и, словно почувствовав себя виноватым в тоске по любимой, со всей силой хлестнул коня нагайкой. Вслед за ним шах и сопровождавшие их люди пришпорили коней.

На лице шейха блуждала улыбка, мелькнула мысль: «Он совсем беспомощен в политике».

...Во дворце шаха в Шемахе был организован роскошный обед в честь гостя. На расстеленных скатертях яблоку негде было упасть. Шашлыки из козленка и ягненка, отварная телятина, жаркое из перепелов и куропаток, парной и жареный жерех, различные соки из фруктов, соленья, вина, шербеты из фруктов и много других лакомств. Ашуги, мастера мугама развлекали гостей прекрасным пением. Танцовщиц к застолью не пригласили – это претило шариату; с другой стороны шах не хотел, чтобы принц подумал о нем плохо. Шах, будучи шейхом, не пил вина, но часто поднимал кубки в честь различных гостей. Халил Султан же, с удовольствием пробуя яства, иногда опустошал кубок с вином.

Сейид Ахмед Арлат к застолью пока приглашен не был. Ширваншах лично посчитал этот шаг правильным. Он пригласит его, когда наступит нужный момент. А пока вино делало свое дело, туманило головы, жестоких делало кроткими. Вино может внести раздор, но и помирит обиженных. И сегодня шах примиренческую роль отдал вину. В очередной раз подняв кубок, он встал. Все, поняв, что шах что-то хочет сказать, прекратили есть и пить.

- Досточтимые гости, достопочтенный принц Халил Султан! Я хочу поднять этот кубок за Великого Правителя, самую главную опору тюркско-исламского мира, за Великого Эмира Теймура!

Все участники застолья разом встали.

- Эмир Теймур великий человек, великая личность! Он умеет быть и другом, и врагом. А одно из его достоинств – превратить врага в друга. В наше время это требует особого таланта. Да будет вечен Великий Правитель Эмир Теймур!

Участники застолья хором повторили:

- Да будет вечен Великий Правитель Эмир Теймур!

Гости, выпив, уселись на свои места. Шейх Ибрагим обернулся к принцу:

- Я уверен, что способность Эмира Теймура из врага сделать друга перешла к его высочеству принцу?

Принц, несмотря на то, что выпил достаточно вина и был жизнерадостным, все-таки не позволял вину управлять собой.

- Что этим хочет сказать высокочтимый шах? – тихо спросил он.

Шейх Ибрагим ответил не сразу, немного помолчал. Ему надо было проверить терпение принца. Халил Султан же нетерпеливо глядел на шаха.

- Дело в том, о мой принц, что сегодня во дворец пожаловал еще один гость...

От шаха не ускользнуло то, что Халил Султан вопросительно обвел взглядом присутствующих.

- Кто этот гость?

- Правитель Шеки Сейид Ахмед Арат...

Наступила тишина. Шейх Ибрагим прекрасно понимал, что присутствие правителя Шеки здесь может создать для принца дополнительные проблемы. Ширваншаха не так могли понять. Но он был уверен в себе и в Эмире Теймуре.

Тишину нарушил принц:

- Кажется, у крепости Алинджа его отец бился против моего деда и дяди, там же и был убит.

Участники застолья, воспользовавшись беседой шаха и принца, наслаждались вовсю, поедая яства. Шейх Ибрагим подтвердил слова принца:

- Да, это так, о мой принц! Его отца уже нет. Да, он воевал против Эмира Теймура, если это так можно назвать. Но сын оказался умнее отца. Он хочет под флагом твоего деда воевать против гяуров. Мне кажется, что такую возможность упускать нельзя. Если вы и я возьмем на себя посредничество перед Эмиром Теймуром, от этого выиграет и Великий Правитель, и народ Шеки.

Эти мысли отрезвили принца. Он прекрасно знал умение деда превращать врага в друга. Теперь он прибыл пригласить Ширваншаха в Карабах. А ведь было бы неплохо взять с собой и правителя Шеки? Не понравится это Эмиру Теймуру, он прикажет тут же казнить правителя Шеки, одной проблемой будет меньше. А назначить в Шеки нового правителя – не очень сложное дело.

Обдумав все варианты, принц высказал свое решение:

- Конечно, превращение врага в друга это одна часть политики Великого Эмира. Не возражаю, пусть правитель Шеки войдет!

Шейх Ибрагим хлопнул в ладоши, и тут же подошел начальник охраны. Выслушав внимательно то, что сказал ему на ухо шах, поклонился и вышел.

В одной из комнат дворца сидел в раздумьях правитель Шеки Сейид Ахмед Арлат, так и не притронувшийся к еде, которую ему доставили. Когда ему принесли радостную весть, он вынул мешочек с золотом и протянул его начальнику охраны.

Первый этап был успешно пройден. Он стал должником Ширваншаха...

К концу застолья всем поднесли чаши с теплой водой и ткани, чтобы вытереть руки. Когда вошел Сейид Ахмед, застолье подходило к концу. Несмотря на это он выполнил свою миссию, преподнеся дорогие подарки шаху и принцу.

Халил Султан высокомерно окинул взглядом правителя Шеки. Но тот не был похож на плута и подлого человека. Руки трясутся, пересохшее от волнения горло не позволяет толком ничего сказать. Такой выполнит любое поручение, захочет проявить свою преданность. Но для полной уверенности можно было бы взять в заложники сына или дочь...

Когда подали шербет и сладости, Шейх Ибрагим чуть слышно прошептал Халил Султану:

- Если мой принц не возражает, я бы с вами поговорил об одном секретном деле. Если это вас устраивает, закончим застолье, проводим гостей и останемся одни.

Халил Султан сперва утвердительно качнул головой, но потом, передумав, дабы никто не слышал секретный разговор, показал рукой на музыкантов:

- А почему они не поют на стихи Насими? Я слышал, что народ Ширвана с большим уважением относится к газелям Насими, на самых уважаемых меджлисах читают его газели.

На самом деле принцу не очень хотелось оставаться наедине с умным Ширваншахом. Каждое его слово, каждое движение были безукоризненны. Поэтому он любым способом хотел отказаться от общения наедине.

- О чем будет идти речь, уважаемый Шейх Ибрагим? Мне кажется, этот секретный разговор мы можем отложить и на завтра. Прикажи певцам, пусть исполнят что-нибудь из Насими. Сейчас я этого хочу больше всего.

Сказав это, принц откинулся на подушки.

Шейх Ибрагим был не из тех, кого легко можно было положить на лопатки. Вначале он поручил главному распорядителю дать указание певцам по поводу газелей Насими.

- Как считает мой досточтимый принц, так и будет, - сказал он после некоторого молчания. - Но я... - Шейх вновь перешел на шепот, - я хотел поговорить с вами о любви, о Лятафет. Но раз еще время не наступило, отложим на другой день...

Халил Султан, услышав имя Лятафет, вздрогнул. Он вдруг разволновался, его бросило в жар. Ему вдруг сильно захотелось в Самарканд. Халил Султан вдруг очнулся, окончательно протрезвел, словно и не пил ничего. «Интересно, откуда Ширваншаху известно, что мою Шады Мюльк зовут Лятафет?» - подумал он. Никто, кроме него не знал, что у нее есть еще и это имя.

Но он уже не хотел ни о чем думать, а тем более показать себя перед шахом невнимательным.

- Не возражаю, о почтенный шах, - воскликнул принц, - если надо поговорить сейчас, так и поступим.

Шейх Ибрагим очень внимательно наблюдал за принцем. От него не ускользнуло то, что Халил Султан смутился и заволновался, услышав имя девушки. Ход шаха попал четко в цель. Правда, речь шла о его родной дочери. Шах глубоко вздохнул, потом несколько раз хлопнул в ладоши, привлекая внимание гостей. Отложили инструменты и музыканты, собравшиеся выполнить пожелание принца.

- Почтенные гости, торжественный обед закончен! Прошу вас оставить меня наедине с принцем.

Все еще взбудораженный услышанным, принц кивком головы подтвердил указание шаха.

Гости поспешно встали и с поклонами удалились. Сидевшие в углу музыканты начали тихо наигрывать лирическую мелодию. Обстановка позволяла вести разговор. Шах учел и это. После того как зал опустел, он обернулся к принцу:

- О мой принц, поклянитесь, что услышанное сегодня останется пока между нами большим секретом.

Хмель от вина давно улетучился, и теперь Халил Султан думал лишь о своей любимой.

- О почтенный шах, больше всех на свете я люблю Лятафет! Клянусь ее именем, что этот разговор будет нашим большим секретом столько времени, сколько вы посчитаете нужным.

Шах вначале мягко улыбнулся, потом его лицо погрузнело.

- О мой принц, дело в том, что девушку, которую вы называете Шады Мюльк, на самом деле зовут Лятафет, и это... моя родная дочь.

Халил Султан вздрогнул во второй раз. Он не поверил своим ушам. У него вдруг закружилась голова, в ней начали слышаться разные непонятные звуки. Неужели это опять действовало вино? Чтобы не потерять сознание, Халил Султан оперся на подушку. Как это могло быть? Ведь Лятафет ему никогда об этом не говорила. И потом, как случилось, что дочь шаха, который был другом Эмира, попала в плен?

Шейх Ибрагим спокойно, не торопясь, стал рассказывать принцу все, что произошло с его дочерью. Объяснил и причину того, почему он скрывает это от Великого Эмира. Потому что боится гнева Правителя. И поэтому не может в открытую потребовать дочь.

Отношение Халил Султана к шаху теперь было не тем, что прежде. Ведь перед ним сидел не только правитель Ширвана Шейх Ибра-

гим, а будущий тесть. Волей-неволей принцу пришлось чуть приструнить себя. Но с другой стороны, эта весть его обрадовала. Потому что теперь для их женитьбы не было никаких препятствий. В будущем он воспользуется тем, что раскрыл ему шах...

Они проговорили до утра. Музыканты давно ушли, а они продолжали беседу.

- Я могу найти газели Насими? – улыбаясь, спросил Халил Султан, когда они расставались.

Шах с улыбкой кивнул в ответ...

Через несколько дней Шейх Ибрагим уже был в лагере Эмира Теймура. Великий Правитель принял его очень хорошо. Принял он и Сейид Ахмеда и вновь поручил ему правление Шеки. Шейх Ибрагим в честь Эмира Теймура устроил застолье, подобное которому в Карабахе еще никто не видывал. Все продукты и даже повара были привезены из Шемахи. После застолья Шейх Ибрагим подарил Эмиру Теймуру большое количество тканей, драгоценных шелков, верблюдов, ослов, молоденьких девушек – рабынь. Отдельным подарком для Эмира Теймура был табун лошадей в шесть тысяч голов. Этот подарок не только особо понравился Эмиру – он не преминул лично объездить нескольких лошадей...

...Воздух предгорий Карабаха был полезен Эмиру, более стало меньше, он чувствовал себя намного лучше. Он вставал спозаранку, брал с собой внука Улугбека и они скакали на лошадях по бескрайним полям с запахом полыни, хотя на равнине погода была нежаркой, а по вечерам со стороны возвышавшейся вдалеке горы Муров и вовсе шел холод и к утру все покрывалось инеем. И каждый раз, когда они по утрам выезжали на прогулку, кони в покрытой инеем траве протаптывали новые тропинки. А когда возвращались, иней превращался в блестящую росу. В этих местах легко и хорошо думалось...

На этот раз во время конной прогулки они подъехали к какому-то зимовью. Чабаны только что завершили кормление ягнят и, отделив их от овец, загоняли в ясли. Они не позволяли ягням пастись вместе с матерями. Потому что в этом случае даже потерявшаяся овца к вечеру возвращалась на запах своего ягненка.

Когда они подъехали к зимовью, чабан, размахивая посохом, загонял ягнят в ясли, при этом напевая:

Овец стало десять,
Надень красное платье.
Овец стало пятьдесят,
Имя твое известно.

Овец стало сто,
Растворись в этой отаре.
Овец стало тысяча,
Вскакивай на коня.

Гойунун олду он,
Эей гырмызы дон.
Гойунун олду ялли,
Адын олду бялли.

Гойунун олду йцз,
Эир ичиндя цз.
Гойунун олду мин,
Кющлян аты мин.

Чабан был в чарыках, в цветных вязаных шерстяных носках – джорабах. Штаны и рубаха тоже были связаны из шерсти. На голове у него была папаха с бахромой из шкуры ягненка, на поясе висел кинжал. Черная бурка делала чабана еще больше. Бурка спасала его от холода, в степи заменяла одеяло.

Эмир Теймур натянул поводья, остановил коня. Пастушьи собаки, услышав ржание лошадей и чужие запахи, залаяли, и тут чабан обернулся. В этих местах собаке доверяли практически все. В частности, собаки первыми сообщали о посторонних. Чабан внимательно посмотрел на лошадей, на всадников, однако не признал никого. И только по одежде понял, что это люди Эмира Теймура. Ему и в голову не могло придти, что аксакал рядом с ребенком, гордо сидящим на коне, есть ни кто иной, как сам Эмир Теймур. Впрочем, независимо от того, кто эти люди, на зимовьях на первом месте всегда было гостеприимство.

- Салам аллейкум! Добро пожаловать, почтенные гости! – сказал чабан и обернулся к лающим собакам: - Пошли вон, собачье отродье! На место! Дорогие гости, есть только что надоенное, еще теплое молоко. Пройдите в дом.

Собаки, послушно замолкшие после окрика хозяина, тем не менее ушли недалеко и не спускали глаз с людей и лошадей.

Двое слуг подскочили к лошади Эмира, он оперся на одного из них, вынул ногу из стремени и легко соскочил на землю. Улугбек, увидев, что дед спешился, с детской резвостью соскочил с лошади.

- Алейкума салам! – Эмир Теймур, хромая, пошел в сторону чабана.

У чабана заныло под ложечкой. Такую походку имел лишь один человек – Великий Эмир. Да, ему никогда не приходилось видеть Правителя, но он так много слышал о нем и представлял он его себе именно таким. Нет, это не мог быть другой человек!

Когда чабан окончательно убедился, что перед ним действительно Эмир Теймур, у него непроизвольно подогнулись колени, чабан упал и лбом приложился к траве. Голос его раздался словно из-под земли:

- Да будет твоей жертвой весь мой род! Добро пожаловать в мою хижину!

- Ладно, ладно, встань, чабан, ничего не бойся, - ласково и с улыбкой сказал Эмир, подмигивая Улугбеку. – Мы не откажемся от свеженадоенного молока.

Чабан будто ожидал этого, резво вскочил и взволнованно стал кричать:

- Шахниса, Шахниса!

Шахниса, только закончившая доить последнюю овцу и отдыхавшая в доме, прокричала в ответ:

- Чего тебе?

- Быстро неси бадью с молоком, у нас дорогие гости.

У чабана не хватило терпения дожидаться жены. Он бегом бросился домой и через минуту вернулся с бадьей. На шум, буквально из-под земли – а домом на самом деле была землянка – по одному вылезли семь или восемь детей мал мала меньше и с интересом стали разглядывать приезжих. Эмир взял бадью и протянул ее Улугбеку. Тот взял ее двумя руками и принялся пить теплое молоко. Пока он пил,

стекавшее с губ молоко оставило на его одежде две белые тропинки. Напившись, он вернул бадью деду, тыльной стороной ладони вытер губы, промолвив «спасибо».

Теймур отпил немного из бадьи, вернул ее чабану, потом, показав на отару, спросил:

- Что это за порода? Я ее не знаю.

- Да буду я твоей жертвой, это порода Гарадолаг. Я получил ее от скрещивания карабахской и туркменской пород.

- И в чем же преимущество?

Чабан отвечал словно ученик, стоящий перед учителем:

- Два раза в год дает приплод, вес больше, чем у обычного бара-на, и шерсть очень качественная, густая.

Эмиру понравился ответ. «Надо будет, чтобы эту породу разводили и у нас», - подумал он. Правитель так был занят мыслями о породе Гарадолаг, что не заметил, как от него отошел Улугбек. Осмотревшись, он увидел, что Улугбек вместе с детьми чабана играет у яслей с ягнятами. Эмир подошел к ним. Улугбек, увидев деда, бросился к нему.

- Я вижу, тебе понравились ягнята. А ты можешь определить, сколько месяцев каждому из них и как их называют в связи с возрастом?

Улугбек с детской наивностью удивленно воскликнул:

- Нет! А как это можно сделать, деда?

Подданные, стоя неподалеку, с интересом слушали разговор де-душки с внуком. До сегодняшнего дня они никогда не слышали от Эмира Теймура о познаниях в животноводстве.

Теймур показал на маленького ягненка:

- Только родившийся называется молочным. – Потом показал внуку другого: - А вот это просто ягненок, ему еще нет шести месяцев. До двух лет этих животных называют барашками, овца до четы-рех лет – это шишек, баран после трех лет – гоч.

Пока Эмир Теймур говорил, чабан стоял, раскрыв от удивления рот. Ему казалось, что Великий Правитель всегда был чабаном. Даже карабахские беки не знали таких подробностей. А у Улугбека от инте-реса блестели глаза. Ему хотелось знать обо всем, что его окружало. Выслушав деда, он спросил:

- А как называют коз? – пальцем он указал на маленького козленочка.

Теймур улыбнулся – внук словно экзаменовал его.

- Только родившийся – оглаг, до одного года – чепиш, до двух лет – дибир, до трех лет коза – коар, самец – теке, после трех лет самка – коза, самец – эркес...

Издали послышался стук копыт. Со стороны лагеря к зимовью скакал всадник. Найти их в ровной степи было несложно. Да и следы на покрытой инеем траве могли принадлежать только Эмиру и его сопровождению. Всадник подъехал, остановился, спрыгнул с лошади и преклонил колени перед Эмиром Теймуром, не смея поднять голову и ожидая вопроса правителя.

- Подойди поближе. Что случилось?

Всадник уважительно сложил руки на груди:

- Мой правитель, меня отправил тысячник Тахмаз бек. Прибыли гонцы из Джете, Орды и Каира.

Эмир Теймур наморщил лоб. «Тахмаз бек мог бы дожидаться моего возвращения. Наверняка радостные вести заставили его отправить за мной гонца», - подумал он. Потом глянул на дым из трубы дома чабана.

- Я очень хотел бы разделить с тобой хлеб-соль в этом доме, но, видно, не судьба. Время не ждет, надо ехать. – И подозвал одного из подданных – приказал расплатиться за молоко.

Эмир Теймур был в своем шатре, но никого не принимал. Более того, даже самым близким велел его не тревожить.

Вести, привезенные гонцами, частично его обрадовали, частично озаботили. Он стоял рядом с жаровней, на которой алели угли цвета зерен граната. Эмир глядел на них, но мысли его были совсем далеко. Иногда он протягивал руку, держал над огнем, но из-за глубоких дум о будущем не чувствовал жара.

...Сперва он выслушал гонца из Самарканда. Хан Джете Хызыр Ходжа Оглан покинул этот мир, и теперь между его сыновьями Шами Джахан Огланом, Мухаммед Огланом, Ширали Огланом и Шахджа-

хан Огланом началась борьба за власть. С этого улуса, расположенного на востоке, начиналась империя, а народ из-за принцев начал воевать друг с другом. В татарском улусе уже не было единого правления.

Злоупотребивший ситуацией пятнадцатилетний внук Эмира Теймура принц Искендер собрал армию и пошел на Монголию. К нему присоединились полководцы Бердибек Сары Буга, Пир Мухаммед и другие, которых Эмир отправил охранять восточные границы. Войска принца Искендера, перейдя границу, заняли Яркенд, Сарыкамыш, Алакол, Яркурган, Коюкбаг и, приблизившись к Уджу, окружили крепость.

После сорокадневной осады крепость Агсу сдалась.

После того как войска принца заняли Хотан, открылась дорога на столицу Китая Ханбалыг⁸², но он не перешел границу Китая. Видимо, сорокадневный переход по степи Текле Мекан измотал его.

Ему было всего пятнадцать лет, и он пока не был готов войти в Китай. После того как Искендер взял все крепости, которые были в контакте с Китаем, он для зимовки отправился в Кашкар, одновременно отправив деду восемнадцать рабынь. Эмир Теймур, хотя и воспринял действия внука с улыбкой, но его самоуправство правителю не понравилось. Во-первых, молодой принц не посоветовался об этом с Мухаммедом Султаном, который был в Самарканде, а поступил самовольно. А куда смотрели его старые соратники на границе? А это означает, что после его смерти такие случаи будут иметь повальный характер. Какой же будет судьба империи в этом случае?

Во-вторых, Эмир Теймур возблагодарил Аллаха за то, что внук не сунулся в Китай. В противном случае ему пришлось бы отложить все выверенные с ювелирной точностью дела и пойти к китайской границе.

В-третьих, все восточные границы империи теперь были хорошо защищены, и он мог спокойно продолжать начатое дело.

Он подошел к шахматному столику возле горячей жаровни и внимательно посмотрел на доску сверху вниз. Здесь, на шахматной доске, положение противника становилось все хуже и хуже. Если бы

⁸² Пекин.

он перешел на другую сторону и сделал ход за противника, положение могло бы измениться.

...Второй гонец доставил известие из Орды. После яркой победы над Тохтамышем в улусе Джучу, на его место с согласия Эмира к власти пришел Теймур Гутлуг Оглан. Правда, Теймур и ему не верил, каждую минуту ждал, что тот поднимет восстание. Вести, полученные из Орды, и железная логика правителя позволяли ему размышлять таким образом. Он часто повторял такую фразу: «Человек готовится организовать восстание потому, что считает себя уже разжиревшим». Но у хана Орды не было времени возразить против этого, так как он покинул этот бранный мир. Поэтому в улусе Джучу были разброд и анархия. Нынешнее слабое состояние Орды обеспечило бы спокойствие на северных границах улуса.

Теймур вновь вернулся к жаровне и долго смотрел на ярко тлеющие угли. Потом взял кочергу, перемешал их. «Этой зимней холодной порой военно-политическая температура будет очень высокой. Время для этого, наконец, наступило», - подумал он. Кочергой разделил угли на четыре части. Угли, которые попали на восточную и северную стороны, начали гаснуть. С этих сторон опасности уже не было. А запад? Деля угли, Теймур большую часть переместил именно на запад. Для этого была своя причина. Вести, которые принес третий гонец, касались именно этой стороны: султан Египта и Сирии Малик аль-Захир Баркук скончался. В борьбе за власть было убито несколько достаточно богатых и влиятельных людей. На престол был посажен Фарадж – десятилетний сын усопшего.

У Эмира Теймура были свои счеты с султаном Баркуком. Еще в 1393 году во время взятия Багдада султан Ахмед сбежал в Египет. Именно в том году Эмир Теймур отправил в Каир родственника жены Фазиля Шейха Савена с пожеланием наладить дружеские отношения между двумя странами. Если бы ему удалось достичь согласия с султаном Египта, он смог бы нейтрализовать сразу три силы – султана Ахмеда, Черного Юсифа и Бязида. Однако, вопреки ожиданиям, случилось обратное. Султан Баркук бросил Шейха Савена в подземелье, затем приказал казнить его. Но этого Баркуку оказалось недостаточно. Он помог султану Ахмеду взять обратно Багдад и женился на одной из его дочерей. После этого между ними несколько раз была

переписка. Правитель вспомнил текст письма Баркуку: «У нас очень много смелых воинов и слава о них разнеслась далеко. Кони наши скачут только вперед, стрелы остро отточены, их наконечники сверкают, звон мечей наших подобен грому и молнии. Сердца наши крепки как горы, нас много, словно песчинок в пустыне. Никто не посмеет вторгнуться на наши территории, потому что границы наши неприкосновенны, власть же наша обречена только на торжество победы. Кто заключает с нами мир, тот обеспечивает свою безопасность. Но если кто надумает пойти против нас, он просто безумец».

Правитель вновь взял кочергу и смешал на жаровне «границы». Положив кочергу, уселся на трон. Попытался вспомнить ответ Баркука, отправленный ему шесть лет назад. «Чтобы превратить в пепел твою кожу, - писал Баркук, - приготовлен костер ада. Наши кони – барканы, стрелы – арабы, мечи – йеменцы, панцири – египтяне. Вряд ли кто-то может противостоять нашей силе, и мы торествуем как на Востоке, так и на Западе. Если мы убьем тебя, совершим благое дело. Однако если ты убьешь кого-то из нас, он сразу вознесется в рай».

Эмир Теймур встал. Голова болела словно тысячелетней болью. Сколько он может ее терпеть, Эмир не знал и сам. «Может, я превратился в заложника собственного идеала? Может, повернуть назад? Нет, это невозможно. После съезда в Балхе я еще ни разу не уходил с поля боя побежденным. От рук Бейзида трясется вся Европа. Он тоже борется с гяурами, буквально задушил Византию», - думалось ему.

Эмир Теймур в раздумьях мерил шагами похожий на великолепный дворец шатер. Вновь остановился у шахматного столика. Взял со своей стороны ферзя и долго вглядывался в него. «Может, сделать ход ферзем?.. Нет, нельзя! Рано еще. Надо пока продолжить переписку с ним. Но что делать сейчас?» Эмир положил ферзя на место, взял фигурку коня, поднес к глазам. «Нужен ход конем!», - осенило его.

Этот его ход отслеживали и в Европе.

Ватикан, начало 1400 года.

Переход Эмира Теймура в течение одного года из далекой Индии в Азербайджан, зимовка в Карабахе зажгла в Европе искру надежды на избавление от Бейзида. Короли Европы никак не могли переварить появление тюркско-исламских мечей на их территории. Они уже были уверены в том, что победить тюркско-исламский меч может только такой же меч.

...Светильники на стенах и свечи в канделябрах ярко освещали весь зал. Перед огромным стенным камином стояли три трона. Дубовые поленья, потрескивая, горели в камине, огонь колыхался, иногда пытаясь выпрыгнуть в зал, но сила тяги делала свое дело, и он утихомиривался. Уже несколько дней Ватикан принимал гостей. Папа Бонифаций IX чувствовал себя на высоте, порой презрительно, иногда высокомерно смотрел на православных и католических правителей, стремящихся к нему. Страх поверг этих правителей в полное уныние. Сегодня Ватикан больше представлял собой командный пункт, нежели религиозный центр. В свое время, когда Ватикан призывал страны к единению, к жертвованиям, они пропускали это мимо ушей. Отовсюду шли разные известия, но конкретного решения никто принять не мог. Один из них – король Франции и одновременно протектор Генуи Карл VI сидел по правую руку от Бонифация. Срочно прибывший в Ватикан после отвода Бейзидом войск от Константинополя и тем самым пытавшийся отсрочить конец Византии базилевс Мануил II сидел по левую руку. Несмотря на сотни лет религиозных разногласий между Константинополем и Ватиканом и тысячелетнюю вражду христиане-противники теперь объединились перед тюркско-исламской угрозой. На самом деле приезд базилевса в Ватикан давал Папе Римскому некоторые преимущества, потому что он более или менее и как бы неофициально признавал его власть. Папа сделал знак всем слугам, и после того как те удалились, заговорил:

- Ваши величества, дело в том, что сегодня мы должны придти к единому решению. Перед нами два врага, и оба очень опасны. Надо не

дать им возможность объединиться. Если они объединятся... - Папа воздел руки к небу. - Не приведи Господь! Если они объединятся, от христианской Европы ничего не останется. Не забывайте о том, что когда-то арабам это частично удалось. Вспомните, с каким трудом мы освобождали юг Франции и Испанию.

Внимательно слушавший Папу император Византии, задрав голову, смотрел на фрески с изображением святых. Потом опустил голову, уставился на огонь камина и подтвердил слова Бонифация:

- Ваше святейшество абсолютно правы. Если Тамерлан и Баязид смогут объединиться, на земле не останется ни православных, ни католиков.

Король Франции, проследив за взглядом базилевса, все еще уставившегося на огонь, бросил реплику:

- Я вижу, огонь настолько испугал тебя, что ты не можешь оторваться от него.

Мануил II тут же отреагировал:

- А почему бы и нет? Твое королевство слишком далеко. Если бы не Тамерлан, я бы открыл ворота Константинополя перед Баязидом. Только появление Тамерлана в Азербайджане вынудило Баязида изменить свое решение.

Карл VI хотел было возразить, но Бонифаций прервал его:

- Теперь не время словесной перепалки. Перед нами всеми одна угроза – тюркско-исламская.

Карл, будто бы на самом деле чувствуя эту угрозу, сделал смиренное лицо. «На самом деле нет места пустословию. Если бы Византия не приняла православное крыло, все были бы католиками, и теперь христиане, объединившись, захватили бы весь мир. Теперь мы должны отвечать за ошибки наших прародичей», - подумал он и повернулся к Бонифацию:

- Вы правы, ваше святейшество, сейчас действительно не место этому. – Этой фразой Карл попытался изменить тему разговора. - Я слышал, что Тамерлан, прежде чем придти в Азербайджан, обезвредил всех соседей. Я даже слышал о том, что во время похода в Индию, перед тем как взять Дели, он жестоко уничтожил сто тысяч пленных. Это правда?

- Правда, ваше величество, правда! – уныло произнес Бонифаций. – Этот Тамерлан... Я не знаю кто он, ангел смерти или еще кто, но он очень умен. Если бы хотя бы сотая часть его ума была у нас, мы бы давно завоевали весь мир. Наши умеют лишь кутить и развлекаться. Его лазутчики есть по всему миру, доставляют ему самые секретные сведения. Причем не поверят ничему сразу, пока не перепроверят из трех источников.

На этот раз от реплики не удержался Мануил II:

- Но вы же сами говорили, что ум мусульманина у него в пятке! Вот вам и умный мусульманин!

Бонифаций терпеливо восприняв реплику, поправил базилевса:

- Эта фраза касается арабских мусульман. А эти два наших врага – тюрки. Не забывайте об этом.

Король Франции, дабы перейти к сути вопроса, спросил:

- И что теперь сделает этот тюрк Тамерлан, пойдет на Беязида? Или как?

Бонифацию доставляли удовольствие вопросы короля Франции. Карл VI, дошедший со своим войсками до Генуи, никогда не советовался с Папой. Теперь, когда ситуация осложнилась, авторитет Папы возрос в разы. Все пытались с ним посоветоваться, даже Константинополь. Он удовлетворенно потер руки. Теперь он мог быть доволен своим положением перед королями.

- После того как я изучил тактику ранних сражений Тамерлана, пришел к выводу... - Папа сперва взглянул на Карла, потом на Мануила II и, убедившись, что оба внимательно слушают, продолжил, - что он не пойдет на Беязида.

Это имя Бонифаций произнес тоном, полным ненависти.

Оба гостя хором спросили:

- А что же будет?

Папа Римский хотя и улыбался, на душе у него было мутрно. «Вы только посмотрите, кто управляет такими крупными государствами! Ничего не видят дальше своего носа! Поэтому тюрки и идут на нас», - горестно подумал он.

- Если основываться на тактику Тамерлана, он, в первую очередь, нейтрализует соседей Беязида.

Базилевс встревожено заерзал на месте:

- Выходит, что первым он пойдет на меня?

- Нет, он не пойдет на тебя, - возразил Бонифаций, - ты для него слишком слаб, да еще и враг Бейзида. – Бонифаций умолк, а Мануилу II эти минуты молчания показались вечностью. – Тамерлан предпримет попытки нейтрализовать таких же сильных, как Бейзид, египетских тюрков. Если это свершится, решающий бой состоится с османскими тюрками...

Отворилась дверь, в зал с охапкой поленьев, неслышно ступая, вошел слуга. Аккуратно уложив их на угли в камине, он также неслышно удалился. Сухие поленья с треском начали разгораться, пламя заметалось, загудело, причудливо освещая углы зала.

Как только слуга вышел, король Франции спокойно спросил:

- И что мы теперь должны делать, ваше святейшество? Какие шаги нам надлежит предпринять?

- Да, действительно, что нам делать? – закивал головой базилевс.

Папа Римский был доволен. Наконец ответ королям в полной мере зависел от него. Он давно ждал этих вопросов, которые подтверждали, что Папа Римский по иерархии стоит на голову выше, чем короли. Это преимущество в будущем могло дать ему новые привилегии и налоги. Довольный собой, он важно произнес:

- Теперь вы оба отправите к Тамерлану своих послов с уверениями, что окажете ему всяческую помощь. Я уверен, что Тамерлан не отвергнет ваши предложения.

Папа Римский встал. Это означало, что аудиенция окончена. Одновременно с ним встали и короли. Однако в душе у Мануила оставались сомнения, его мучил еще один трудный вопрос. Он бы не успокоился, не получив на него ответ.

- Ваше святейшество! Меня мучает один вопрос, буквально ест изнутри. А что будет, если Тамерлан не захочет сразиться с Бейзидом? Бейзид пойдет на Европу, следом за ним придет и Тамерлан. Таким образом Европу сперва захватит султан, потом Тамерлан.

Надо сказать, что Карл VI до этого просто не додумался:

- Да, на самом деле... Что же будет в этом случае?

Бонифаций успокоил их:

- Оснований для беспокойства нет. Эти два врага обязательно столкнутся. Бездид не придет в Европу. — Хитро улыбнувшись, Папа Римский продолжил: - В окружении Бездиды есть люди, которые обязательно подтолкнут его к войне.

Королям нечего было возразить. Надо было переходить к делу. Оба, приложившись к руке Папы, удалились...

Эмир Теймур назначил правителем в Хузистан человека по имени Ширван, которому дал несколько поручений, признав при этом необходимым подключить к этому делу и купца Агбабу. Купец в это время находился в девяти фарсах⁸³ от залива. Но он не вошел в город Бахбахан, который находился на пути в Багдад, а сгрузил поклажу с верблюдов у реки. Умеренный климат залива добирался и сюда, поэтому, несмотря на зиму, холода не чувствовалось.

Ветерок, дувший с залива, шевелил похожие на копыя листья пальмы, пробирался между ними, обдувал лежавшего на ковре Агбабу, у которого от свежести ветра отяжелевшие веки закрывались сами собой. За последний год он не был в Шемахе, весточки о семье получал от таких же, как он, путников и купцов. Караванная усталость давала о себе знать. Казалось, на плечи была взвалена буквально верблюжья поклажа. На каждом привале хотелось только спать, спать и спать.

Солнце садилось, и тут издалека послышались ржание лошадей, людские голоса. В караване началось движение. Оттого, что кроме Агбабы никто не знал прибывающих, люди забеспокоились.

- Всадники приближаются!
- Только бы не разбойники!
- Защити нас, о Аллах!

⁸³ Около 70 километров. Фарсах, фарсанг (араб.), парасанга (перс.), мера расстояния, колеблющаяся в различных местностях и в разные эпохи. Обычно 6 км, но в Бухарском халифате — более 9 км. Обычно фарсах равен расстоянию, проходимого лошадей за 1 час; в зависимости от местности это расстояние составляет 6-7 км.

Слуга Агбабы Бехзад подбежал к хозяину, который, не обращая внимания на суету, продолжал дремать.

- Ага, приближаются всадники, что нам делать? Люди растеряны.

- Знаю, что приближаются всадники, это наши гости. Передай людям, чтобы не беспокоились, - не открывая глаз, сказал Агбаба.

- Будет исполнено! – кивнул слуга, повернулся в сторону остальных и крикнул:

- Не беспокойтесь, это гости!

Снова повернувшись к хозяину, спросил:

– Ага, какие будут указания?

Агбаба открыл глаза, потянулся, потом широко зевнул. Резво вскочил, пошел в сторону реки:

- Скажи, пусть приготовят еду, люди с дороги, устали.

...В лагере никто не обратил внимания на то, что на костры для приготовления ужина были поставлены дополнительные казаны. Погонщик верблюдов только сейчас понял, почему с утра хозяин поручил своему слуге купить необходимые продукты. Обычно Агбаба ужинал всухомятку – сушеное мясо, бастурма или жаркое.

Когда всадники подъехали к лагерю, вернувшийся от реки Агбаба с улыбкой пошел к ним навстречу:

- Добро пожаловать, Ширван ага!

Слуги подскочили к лошади правителя Хузистана, помогли ему спешиться. Тот пошел навстречу Агбабе:

- Здравствуй, купец Агбаба! Я рад вновь видеть тебя на этих землях! – Обернулся к ожидавшему приглашения эмиру Али Галандару:
- Подойди, я познакомлю тебя с известным купцом.

Эмир Али Галандар подошел, подал руку Агбабе. Купец взял под руку правителя и повел его к пальме, под которой некоторое время назад дремал. Эмир шел следом. Достархан⁸⁴ уже был уставлен едой; оттого, что уже темнело, рядом поставили две лампы. Ширван, увидев еду, куски отварного дымящегося мяса в мисках, довольно потер руками:

- Вот это очень хорошо! С утра ничего не ели, все в дороге да в дороге.

⁸⁴ Здесь — скатерть.

Не ожидая приглашения, Ширван ага сел, отрезал большой кусок хлеба, с трудом запихнул его в рот и с аппетитом стал жевать. С набитым едой ртом обернулся к все еще стоявшему Али Галандару:

- Чего ты ждешь, садись, ешь. Или ты думаешь, что здесь каждый день подают отварное мясо ягненка? – захохотал Ширван. – Эти купцы потому и богатые, что не любят тратить деньги на еду, едят все, что придется, лишь бы было мягче камня. А такой достархан...

Али Галандар скромно присел у края достархана. А правитель Хузистана, не обращая ни на кого внимания, брал жирными руками все новые куски мяса и отправлял их в рот. Прожевав очередной кусок, обратился к Агбабе:

- Куда путь держишь?

На самом деле он прекрасно знал, куда направляется караван. Купец, дабы обдумать ответ, взял кувшин, не спеша налил себе воду, отпил.

- В Багдад иду, - ответил он.

- Очень хорошо. Али Галандар тоже пойдет с вами. Не возражаешь? – И продолжил, не дожидаясь ответа: – Но тебе нужно будет одеть его в одежду купца. Пусть снимет военное снаряжение, а то заподозрят. Один из беков во дворце Багдада друг Эмира, но ненавидит султана Ахмеда. Переговоры будешь вести с ним.

Ширван крикнул своему слуге:

- Эй, ты, принеси-ка мой хурджун.

Слуга подбежал к хозяину и положил рядом с ним его сумку. Ширван ага вытер жирные руки о край льняной скатерти, вытащил из хурджуна сундучок из желтого металла, положил перед Агбабой:

- Вот, здесь десять тысяч золотых, можешь пересчитать. – Потом из другого кармана хурджуна вынул перо, бумагу и чернила. Пододвинув к себе поближе лампу, обмакнул перо в чернила. – Прошу, вот здесь подпиши. – И, как бы оправдываясь, добавил: - Ты ведь понимаешь, что правитель строг в таких делах. Поэтому ты уж прости меня...

Купец Агбаба взял перо, смазал чернилами большую печатку на пальце и приложил ее к бумаге, потом насмешливо улыбнулся Ширвану. Потом, словно что-то вспомнив, пониже печати поставил подпись.

- А-а, понимаю, пусть будет так, - Агбаба открыл сундучок, мельком взглянул на деньги, закрыл крышку.

- Про остальные дела Али Галандар расскажет тебе в Багдаде. Он же тебя сведет с Ядигаром Ахтачи беком. Будет лучше, передавая ему деньги, - Ширван ага показал на сундучок, - потребовать, чтобы и он подписал эту бумагу. Иначе ты не избавишься от подозрений Эмира Теймура.

Произнеся эту фразу, Ширван вновь захохотал, а жирные губы еще долго лоснились при свете лампы...

Багдад, начало 1400 года.

Алчность губит человека, иногда решая его судьбу. Там, где есть алчность, нет друзей, родины, родной земли, даже врагов. Алчность, словно дракон, перекрывший реку, готова продать и друзей, и врагов. Эмир Али Галандар был из таких. После того, как Ширван ага передал Агбабе десять тысяч золотых, Али Галандар потерял покой, не мог спать, есть. Он мучительно искал пути, как бы присвоить эти деньги, хотел насытить сидящего внутри дракона. Но пока он, в одежде купца, был в караване Агбабы и его людей, это невозможно было сделать. От этого ему становилось еще хуже, алчность грызла душу.

По прибытии в Багдад Али Галандару не составило особого труда найти своего старого друга Ядигара Ахтачи бека. Ахтачы горел диким желанием отомстить султану Ахмеду, убить его. Причина же была в том, что султан Ахмед приказал казнить его сына. А история была такой. Последнему представителю джелаиридов⁸⁵ приглянулся великолепный скакун сына Ахтачы, и он не только смог прибрать его к рукам, но и приказал казнить сына Ахтачы на глазах у отца. Переживший смерть сына на собственных глазах и полный желанием мести Ядигар Ахтачы, тем не менее, начал с еще большим рвением служить султану, смог убедить его в преданности и приблизиться ко двору.

⁸⁵ Династия султанов (1340-1410) в Передней Азии, происходившая из монгольского племени джалаир.

Убедить Ядигара Ахтачы совершить убийство не составляло труда, ибо его старый друг Али Галандар был в курсе того, что с ним произошло. Чувство мести, золото и обещание Эмира Теймура пожаловать его титулом эмира сделали свое дело – он, не раздумывая, согласился.

...Купец Агбаба, буквально за бесценок продав товары багдадским купцам, отдал золото, потребовав подпись за получение, и тронулся в путь к Эмиру Ширвану. Али Галандар же, отговорившись, остался в Багдаде. Первая часть дела была сделана, оставалось прибрать к рукам золото...

... Багдад уже не был таким, как раньше, не было прежнего величия, дни, когда отсюда управляли миром, остались позади. Прежние дни были уделом настоящих мужчин, теперь рассказы о них, передаваемые из уст в уста, превратились в воспоминания. В 1258 году, когда внук Чингиз хана Хулаки хан разрушил Багдад, политическое руководство перебралось в Султание. В Багдаде же остался халифат. Халифат раздирали междоусобные войны, он признавал власть то одного, то другого тюркского государства, хирел и слабел. Теперь этот город играл роль религиозного и культурного центра.

В 1393 году Ахмед Джелаири, не выдержав натиска войска Эмира Теймура, перешел реку Деджле. Но и здесь стремительные воины Теймура продолжали его преследовать. Преодолев путь в шестнадцать фарсахов⁸⁶ за два дня и войдя в Багдад, Эмир не остановил преследование султана Ахмеда. Султан Ахмед Джелаири, поняв, что на поле под Кербелой попадет в плен к Мираншаху, бросил семью, все богатства и бежал в Египет. Эмир Теймур, оставшийся в Багдаде на два дня, отправил всех багдадских ремесленников и религиозных деятелей в Самарканд. Поговаривают, что Эмир Теймур приказал все вино султана Ахмеда, хранившееся в бочках в подземелье, вылить в реку Деджле. Вина было так много, что несколько дней на реке всплывали вздувшиеся мертвые рыбы, а вода была красной.

Только в 1394 году султан Ахмед с помощью мамлюков смог взять обратно Багдад.

⁸⁶ Около 140 километров.

Несмотря на то, что после этих событий прошло шесть лет, Ахмеду удавалось удерживать Багдад. Его лазутчики сообщали ему о движениях армии Теймура. Но на сей раз судьба ему подготовила другую игру...

...Султан сидел, опершись на подушку, на ковре, раскинутом на зеленой траве во дворе дворца, лучи весеннего солнца прогревали ему кости и убаюкивали. Но с утра почему-то его одолевало непонятное беспокойство. В голове каждую минуту крутилась мысль о том, что Эмир Теймур в Азербайджане, в Карабахе, готовится к походу на Грузию. От злости он никак не мог сосредоточиться, придти к какому-то решению. Будто сидел и ждал, когда Эмир Теймур придет по его душу и обязательно казнит. Страх заполнил его сердце, сковал мысли. В сущности, султан Ахмед не был трусливым, он умел сражаться. Но если ужасом перед Эмиром Теймуром был скован весь мир, то и он не мог не бояться. Куда он мог бежать? После того как его зять султан Баркук отошел в мир иной, шла борьба за десятилетнего Фараджа. Аристократия Каира была в раздорах, раскололась на части. Спасение могло придти только от Беязида. Погруженный в эти тяжелые раздумья, султан Ахмед не почувствовал, как и когда рядом оказался начальник охраны. Лишь его легкое покашливание отвлекло султана от тяжелых дум. Глубоко вздохнув, он взглянул на начальника охраны, загородившего своим большим туловищем солнце, и прикрикнул:

- Абдуллах, ты почему загородил солнце, не видишь, какая прекрасная погода?!

- Это так, мой господин, - торопливо заговорил начальник охраны, словно пытаясь сообщить нечто важное.

- Надо брать от погоды все. Когда в Багдаде наступит жара, не то что во дворце, но и во дворе нечем будет дышать.

Начальник охраны, извинившись, сделал шаг в сторону так, чтобы солнце не било в глаза султану Ахмеду, когда он смотрит на него.

- Простите за смелость, за то, что отнимаю у вас время, мой султан, но в воротах дворца стоит странный человек, который послал вам эту бумагу. – И протянул султану листок бумаги. – Сказал, что это должны прочесть только вы. Мол, примет он меня или нет, дело десятое.

Султан Ахмед, прищурившись, посмотрел на начальника охраны, потом нехотя развернул сложенный вчетверо листок бумаги. Про-

читав тюркские фразы, написанные арабской вязью, резко выпрямился, потом вскочил и тут же замер. Придя в себя через некоторое время, закричал как сумасшедший:

- Где он?!

Начальник охраны, понявший, что хозяин неспроста орет словно от укуса змеи, кротким голосом сказал:

- Мой господин, на всякий случай я поручил его охране в воротах. Но он и не собирался уходить.

- Быстро, но очень незаметно проводи его в мою приемную.

Когда начальник охраны побежал за посетителем, султан Ахмед на всякий случай еще раз прочел записку: «Внук Эмира Теймура Рустам с войском из Шираза идет на вас. Во дворце на султана Ахмеда готовится покушение».

Перечитав, султан испугано оглянулся. Вокруг не было никого, кроме дворцовой охраны.

«Выходит, этот хромой смог добраться и до моего дворца. Интересно, кого он купил – беков, визирей, моих жен или поваров? Кого?.. Постой, постой... А, может, меня хочет убить именно тот, кто принес записку?» - И султан Ахмед еще раз испуганно оглянулся, но вокруг по-прежнему никого не было.

В комнате приемов его ждали. «Нет, напрямую идти нельзя, лучше я пойду через черный ход», - подумал он. Обошел дворец, прошел через черный ход, поднялся в свои покои. Всю дорогу потная от волнения рука была на мече. Ему казалось, что из-за какого-то угла коридора выйдет убийца и мечом разнесет ему голову, словно арбуз.

Потом пришла мысль: «А почему именно мечом? Может, меня кто-нибудь отравит?»

Как только султан Ахмед вошел в свои покои, он сразу осмотрел спальню, заглянул в гардеробную комнату, отдернул занавеси на окнах и в нишу. Вдруг увидел свое отражение в зеркале, вздрогнул. Ему показалось, что в зыбкой поверхности отражается чужой человек и в ту же секунду его убьет. Рука автоматически выдернула меч из ножен. Теперь перед ним в зеркале стоял вооруженный человек. Султан сделал шаг назад, взял маленькую сандаловую скамеечку и швырнул ее в зеркало. Большое, до потолка, зеркало со звоном разлетелось на кусочки, и человек в нем исчез. Султан, до которого, наконец, дошло

происходящее, криво усмехнулся: «Кажется, я начинаю сходить с ума».

Для того чтобы видеть всю комнату, он сдвинул подушки, на которых сидел, в угол. Меч положил на пол рядом с собой, чтобы был поближе. Раздался стук в дверь. Звук шел словно из глубины колодца.

- Войдите!

Начальник охраны Абдулах и еще один человек вошли в комнату. Султан Ахмед тут же вскочил:

- Ты обыскал его?

Начальник охраны, хотя и не понял, почему султан Ахмед передвинул подушки в угол, тем не менее, почтительно приложил ладонь к груди:

- Да, мой господин!

Султан Ахмед махнул рукой, иди, мол:

- Жди в коридоре и держи рядом с собой еще одного охранника. – Обернулся к вошедшему: - Кто ты такой?

- Ваш покорный слуга, эмир Али Галандар, о почтенный султан Ахмед! Если позволите, я бы удостоился чести поцеловать подол вашего платья. – Сказав это, вошедший опустился на колени и пополз в сторону султана, однако тот его остановил:

- Постой, в этом нет необходимости. Скажи, то, что написано в записке, это правда?

Внутри Галандара будто что-то оборвалось. Он понял, что султан Ахмед ему не доверяет и не намерен его и близко к себе подпускать. Но надо было срочно отвечать повелителю.

- Правда, да буду я твоей жертвой. Этот проклятый хромой приказал своему внуку Рустаму идти с войском на Багдад.

Султан Ахмед решил перепроверить сведения:

- А где он сам, хромой?

- Он сейчас на пути в Грузию, - не моргнув глазом, ответил Галандар. – К нему присоединились правитель Шеки и Ширваншах.

Султан Ахмед Джелаири, услышав эту новость, оцепенел, потому что его сын Эмир Тахир был у грузинского царя Мелика Гургена. «Кажется, этот эмир говорит правду», - подумал он и сел на свое место.

- Встань!

Галандар вскочил, губы тряслись от страха.

- Кто меня хочет убить в моем же дворце, кто готовит покушение?

Эмир Галандар рассказал ему все, под конец добавил:

- Я понимаю, мой султан, трудно поверить человеку, которого видишь впервые, но тот человек, который получил сундучок с золотом, положил его в большой сундук в подвале дома у реки Деджле. Можете проверить.

Султан Ахмед вскочил как помешанный. Схватив меч с пола, подскочил к эмиру Галандару. Подняв меч, острие направил к горлу Галандара:

- Ты мне столько времени сказки рассказываешь, однако имя того, кто покушается, не назвал. Может, это ты сам?

Острие меча уже поранило шею Галандара, кровь стекала за ворот. Галандар, не выдержав, застонал. Хотел что-то сказать, однако меч не позволил это сделать. Ноги задрожали, он упал на колени, стал умолять султана перестать, но меч неумолимо жалил его шею.

- О мой господин, да буду я твоей жертвой, я пришел сюда с открытым сердцем! Пришел, чтобы служить вам, есть объедки с вашего стола. Я знал об опасностях, грозящих вам. И это мне награда?

- Ты мне скажешь имя?! – заорал султан Ахмед. – Если ты знаешь все, значит, знаешь и имя человека. Говори, иначе будет поздно.

- Имя убийцы... Этот один из ваших поданных... Ядигар Ахтачы.

Услышав это имя, султан Ахмед отвел в сторону меч, отошел в угол. Лицо окаменело, взгляд уставился в одну точку. Это известие выбило его из колеи. С таким же каменным лицом он прошел на свое место. Эмир Галандар, все еще не пришедший в себя, зажимал рукой рану на шее.

Султан Ахмед Джелаири засунул меч в ножны и сжал в задумчивости челюсть в ладони. Вспомнил, что когда-то приказал казнить сына Ядигара Ахтачы. То, что сказал доносчик, было похоже на правду. Как же он мог упустить из виду такую возможность?

- С Ядигаром Ахтачы все ясно, в свое время я приказал казнить его сына. Но почему ты предаешь своего хромого? У тебя какой интерес?

Спросил и тут же призадумался: «Не нравится мне этот человек, это шпион Теймура. Этот хромым – искусный мастер выстраивать

многоходовые операции. Это явная ловушка. Думай, Ахмед! Думай! Не попади в ловушку!».

Али Галандар упал на колени:

- Мой господин, моя ненависть к проклятому хромоту настолько велика, что словами не описать. – И сделал вид, что всплакнул. – Как только я вспоминаю ту трагедию, сердце разрывается... Этот хромотой в Исфагане вырезал всю мою семью, лишил меня богатства, все отнял...

Пока Галандар говорил, султан Ахмед встал, начал тяжело ходить вокруг него кругами, потом остановился за спиной. Вдруг с резкостью кошки выхватил меч и полоснул по шее Галандара. Ничего не успевший понять эмир Галандар только успел произнести «Мой султа...», как повалился на бок.

Султан Ахмед Джелаири, вытирая меч об одежду убитого, зло произнес:

- Подохни! Всех шпионов хромоты постигнет такая же участь!

Засунув меч в ножны, дважды хлопнул в ладоши.

Когда в комнату вошел начальник охраны, лежавший на полу и захлебнувшийся в собственной крови Галандар все еще хрипел. Начальник охраны сделал каменное лицо, ибо ожидал этого. Подошел к султану, который все еще стоял над издыхающим эмиром Галандаром и при этом вид у него был такой, будто он убил самого Теймура, тихо сказал:

- Да, повелитель...

Султан Ахмед показал на труп:

- Бросьте эту падаль в реку. Потом идите в дом Ядигара Ахтачы на берегу реки и откройте большой сундук в подземелье. Там маленький сундучок, набитый золотом, принесите его сюда.

Начальник охраны, сказав «Будет сделано!», хотел выйти, но султан Ахмед остановил его.

- Да, кстати, ко всем бекам в приемной приставьте охрану, никого не выпускать, даже если им захочется по нужде.

Страх смерти победил алчность. Тот, кто рыл яму другому, попал в нее сам. Труп Али Галандара забрали вместе с окровавленным ковром, в покоех расстелили новый. Султан Ахмед посмотрел на слуг с опаской и отвращением, перешел в тайную комнату. На его лбу вновь

была печать задумчивости. «У этого Ядигара очень хорошие отношения со всеми во дворце, даже с моей матерью Вафой хатун. Да, вспомнил!.. Мать несколько раз просила меня за него. Ты смотри... Неужели та, кто меня произвела на свет, кормила грудью, пела колыбельные, с ним заодно? В этом дворце все против меня. Хорошо, что в свое время я взял эту охрану у Черного Юсифа, иначе хромой в Багдаде купил бы всех».

Он стал прохаживаться по своей тайной комнате. Ему казалось, что после ухода охраны прошло несколько суток. Давно ушли и слуги. Два часа он мучился в раздумьях, и если бы не стук в дверь, возможно, мучился бы еще несколько часов. Султан Ахмед задрожал: «Наверное, те, кто в приемной, перерезали охрану, и теперь ищут меня». Усилием воли султан взял себя в руки. «Если меня хотят убить, то зачем стучат?», - подумал он.

- Входи!

Вошел начальник охраны Абдуллах с сундучком подмышкой.

- Пожалуйста, о мой господин, где вы сказали, оттуда мы его и взяли.

Султан Ахмед открыл крышку сундучка. Когда увидел золото, понял, что Галандар сказал правду и что это золото есть плата за его смерть. Но о том, что убил предателя, не сожалел. То, что тот рассказал, было выдумкой. Жаль, он поторопился, было бы интересно отследить эту игру. Правда, если опоздать, можно угодить в ловушку Теймура. Пусть Эмир Теймур думает, что его ловушка сработала.

- Ты слишком дешево оценил мою голову, Хромой, - глухим голосом произнес он, - Я пока жив и много раз буду портить твои сны. Так же, как и ты не даешь мне покоя...

Ядигар Ахтачы, войдя в покои султана Ахмеда, в первую очередь увидел сундучок, который различил бы среди тысячи таких же. Не только из-за золота, но и из-за орнамента. Как правило, на сундучки не наносится позолота, так как желтый цвет обозначает разлуку. Стало ясно, он влип! Султан Ахмед все знает! Но как сюда попал сундучок, это оставалось загадкой. Вопреки своей привычке султан Ахмед не положил ладонь на эфес меча, а держал обе руки за спиной. Царило молчание. Оба стояли, безмолвно глядя друг на друга. Когда Ядигар Ахтачы заходил к султану Ахмеду, у него отняли меч. Неожиданно

Ахмед подошел к нему, а в руке оказался кинжал с длинным блестящим клинком.

- Когда я приблизил тебя к себе, должен был учесть казнь твоего сына! – тихо сказал султан Ахмед. – Должен был знать, что твоя ненависть когда-нибудь выплеснется на меня... У кого на этом свете преданность может быть превыше, чем желание отомстить палачу сына? Тебе не стать вторым пророком Ибрагимом, который в доказательство своей преданности пожертвовал собственным сыном. Кто у тебя во дворце сообщники? – вдруг дико закричал султан Ахмед.

Крик и полные ярости глаза султана невольно вынудили Ахтачы сделать шаг назад. Но потом он с ненавистью сделал шаг вперед. Было уже поздно, все концы теперь обрублены.

- Я не такой слабый, как ты, чтобы нуждаться в чьей-то помощи! – с неприкрытой ненавистью в голосе сказал Ахтачы. – Бездушный! Ты нанес моей душе такую рану, что она за многие годы не зажила!

- Твой сын был моим воином, а мои воины должны умирать за своего правителя! Ты думал, что он грудью защитил меня от стрелы?

- Н-е-е-т, это другое дело. Ты казнил моего сына на моих глазах, глазах отца. За что?! За какого-то паршивого коня? Даже если бы мне не дали это золото, – показал Ахтачы на сундучок в углу, – я бы все равно привел приговор в исполнение. Ты достоин смерти, и ты ее когда-нибудь получишь. Жаль, что у меня отняли оружие, иначе сейчас я бы отрубил тебе голову, как слепой курице.

Султан Ахмед направил кинжал на Ахтачы.

- Если кто-то и отрубит чью-то голову, так это я твою! Скажи, кто с тобой в сговоре в этом дворце, и твоя голова останется на плечах.

Ахтачы краем глаза посмотрел на начальника охраны, стоящего позади. Он ждал момента напасть на султана Ахмеда и задушить его голыми руками.

- Ты спрашиваешь, кто со мной в сговоре? – Ахтачы сделал шаг вперед, и острое кинжала вонзилось ему в живот. Он почувствовал боль – это была боль смерти. Он решил отвлечь Ахмеда: – Во дворце все против тебя. Наверное, ты спросишь все их имена. Сядь, я буду диктовать, ты пиши.

Султан Ахмед краем глаза посмотрел на перо и бумагу на столе. Этого Ядигару было достаточно, чтобы броситься на султана. Но тот

не отвел кинжал, и не успел Ахтачы добраться руками до его шеи, как почувствовал острую боль от вошедшего в живот оружия. Руки и ноги в момент ослабли. Когда султан Ахмед отскочил в сторону, на него и на недавно постеленный новый ковер фонтаном брызнула кровь. Ахтачы с криком «Да накажет тебя Аллах!» упал на ковер.

- Сдохни! – закричал султан Ахмед. – Конец предателей всегда будет таким!

Потом он поднял кинжал над головой и вонзил его в сердце стонущего, но не просящего пощады Ахтачы. Раненый вскрикнул в последний раз и затих. Но в широко открытых глазах все еще плескалась лютая ненависть. Султан Ахмед, как ни в чем ни бывало, вынул кинжал из сердца Ахтачы и вытер оружие об одежду убитого.

- Пусть его кровь вытирает его же одежда, - сказал он и посмотрел на начальника охраны. – Убери это отсюда! Где моя мать Вафа хатун?

Доселе спокойно наблюдавший за этой сценой, от которой у других волосы встали бы дыбом, начальник охраны хладнокровно ответил:

- Она у себя, мой повелитель, кажется, немного приболела.

- Хм... Увидит любимого сына – либо встанет с постели, либо...

- И сделал знак следовать за ним.

Страх смерти победил и ненависть.

Теперь по коридорам дворца он шел смело и спокойно. Внутренний страх смерти подстегивал в нем ярость.

Когда он вошел в комнату матери, начальник охраны согласно дворцовому этикету остался в коридоре. Слуги, молча склонив головы, вышли. Султан Ахмед подошел к постели, на которой стонала его мать:

- Как здоровье любимой матери? – присел у изголовья Ахмед.

- Кажется, я умираю, - застонала Вафа хатун.

Султан Ахмед взял подушку, чтобы якобы поправить ее, и несколько раз смял.

- Ты права, что пришел твой конец. Скажи, а думала ли ты об этом, когда предавала меня?

Вафа хатун ничего не поняла. Чуть приподняла голову и произнесла:

- Что ты хочешь сказ...

Она не успела закончить фразу, как султан Ахмед обрушился на нее с подушкой. Старая женщина, почти неспособная сопротивляться, несколько раз дернулась, потом задергались ее ноги... Она все же попыталась оторвать подушку от лица, но сильные руки сына не позволяли ей этого сделать. Дернувшись в последний раз, женщина затихла. Султан Ахмед встал, снял подушку с лица матери. Глаза и рот мертвой были открыты. Султан Ахмед презрительно усмехнулся, потом приподнял голову матери, положил подушку на место. Еще раз посмотрел ей в лицо и скривил губы. Внутри не было никаких чувств от содеянного. Султан Ахмед вышел из комнаты и тихо сказал слугам:

- Мать отошла в мир иной.

Страх смерти победил любовь к матери.

Стук каблуков по вымощенному камнем двору дворца словно отсчитывал число людей. Но это число не могло соответствовать тому, скольких близких людей он будет считать предателями.

Всего за неделю султан Ахмед казнил из своего окружения около двух тысяч человек. Но страх смерти не отпускал его. Каждый, кто казался ему врагом, моментально должен был быть казнен. Слуги близко не подпускались к покоям, а тем более не могли войти в спальню султана. Еду ему клали под дверь, робко постучав, и бросались бежать.

Султан Ахмед уже боялся и собственной спальни, даже не боялся – ужасался. Наконец, однажды ночью, бросив все, незаметно перебрался на другой берег Деджле и отправился к Черному Юсифу. Но и там не придя ни к какому решению, сбежал к Беязиду.

Эмир Теймур страшно не любил безделье. Он считал, что если человек ничего не делает, его мозг тупеет. Такими были и его воины. Если они долгое время не участвовали в сражениях, расслаблялись, теряли выучку, жирели от безделья, превращаясь в никуда не годную, ненужную ношу.

Зимовавший в Карабахе Эмир Теймур слушал по ночам «Зафар-наме»⁸⁷ Низамеддина Шами, давал советы, вносил поправки. Но все равно книга ему не понравилась. В одну из длительных зимних ночей, слушая очередную главу, он дал поручение написать о себе новую книгу – «Зафар-наме» была написана сложным языком. Правитель так и сказал автору: «Фразы из твоей книги так сложны, что я с трудом их понимаю. Книга пишется для народа и должна быть понятной». Больше он не приглашал к себе престарелого историка-летописца, чтобы читать книгу. Ему казалось, что лучше его самого о пройденном им пути, о его победах не напишет никто⁸⁸.

...Стояла зима 1400 года. Эмир Теймур сидел в шатре и слушал суру «Ценность» из Корана. Когда его внук в голос читал 56-й аят, Теймур принял решение. В аяте была такая фраза: «Пророк, награди тех, кто борется против гяуров». Теймур прямо в шатре отдал приказ:

- Чем армия будет простаивать, лучше ей отправиться в поход! После этого аята мое желание воевать с гяурами еще более усилилось. Готовьтесь, идем на гяуров!

Один из эмиров осмелился возразить:

- О, Эмир, вот уже двадцать дней как в горах идет снег, дороги стали непроходимыми. Мы можем погубить войско.

Эмир Теймур, сидя возле жаровни с пышущими углями и ни на кого не глядя, погладил по голове сидящего рядом с ним Улугбека.

- Разве в горах Гиндукуша было лучше? Нет, вспоминая те тяжелые переходы, эти кажутся просто раем. Слушайте мой приказ! Каждые трое из десяти воинов с продовольствием и снаряжением должны быть готовы с завтрашнего дня. Идем в долину Хамша гяуров грузин!

Инженерный полк за несколько дней возвел мост через Куру. Затем войско направилось в направлении Шеки, где воины Шейха Ибрагима и Сейид Ахмеда присоединились к войску Теймура.

Грузины считали, что из-за непроходимых лесов в долине Хамша, в лютые морозы и при снеге по колено Теймур не сможет пройти. Теймур же вышел в поход именно с этим расчетом: пройти непроходимые леса! Приказ был короток и ясен: прорубить в лесах дорогу!

⁸⁷ «Книга побед».

⁸⁸ Потом Эмир Теймур напишет книгу «Тузукат-и-Теймур» («Дни Теймура»), которая станет популярной в мире.

Войско за десять дней топорами и пилами проделало длинную просеку. После завершения этой операции на не ожидавших нападения грузин, словно черный ветер, налетело войско Теймура. С возгласами «Аллах Акбар!» дело было закончено. Спасти смогли только правитель Хамши и его окружение. Войско, преследовав их до Ахсунинской долины, повернуло назад. Более двадцати дней падал сильный снег. Прежде чем забрать все богатства грузин, Теймур отдал приказ вырубить все виноградники. Ему сообщили, что «здесь покойников обмывают вином, потом хоронят».

После этого похода Теймур вновь вернулся на зимовку в Карабах...

...Продолжавшийся несколько дней снег покрыл белым одеялом всё и вся. Военный лагерь совершенно преобразился. На шатрах красовались снежные шапки, отливавшие на солнце всеми цветами радуги. Дым из шатров, курясь и принимая причудливые формы, придавал своеобразный аромат морозному воздуху. Правда, после утреннего намаза картина вновь преобразилась. Воины тупыми концами копий приподнимали пологи шатров, чтобы сбросить снег с куполообразных крыш. Снег скатывался к подножью шатров и, чтобы он, тая и превращаясь в воду, не протекал внутрь, воины щитами разбрасывали его поодаль. К шатрам со всех сторон были прислонены пики, а их нижнюю часть обрамляли щиты.

Со стороны военный лагерь напоминал небольшой городок. Здесь были улицы, баня, мечеть, неподалеку даже раскинулся базар, возглавляемый купцом Афшаром.

Под ногами хрустел свежевыпавший снег. Чтобы он не набивался в чарыки, Логман Баба и Гасан по кличке «Году» шли по проложенной между шатрами тропинке.

...Гасана в Тикмедаш вызвал с гор Логман Баба, разъяснил ему ситуацию, сообщил, что правитель его помиловал. В сущности, Гасана не обременяла жизнь в горах, но он понимал, что с сотней воинов добиться чего-то достаточно сложно. Несмотря на молодость, он был умен и сметлив. И потом, привыкший ежедневно видеть любимую девушку, в горах он теперь узнавал о ней только по весточкам. Жившие в пещере среди остроконечных гор воины, иногда получив сведения,

спускались в деревни, где бесчинствовали воины Мираншаха, дерзко напали на них, потом опять уходили в горы.

А когда Эмир Теймур пришел в Азербайджан, Гасан перестал спускаться с гор. Этой победоносной армии нельзя было дерзить. Чтобы получить вести, иногда он тайно отправлял в Тебриз своего человека. Когда гонец Логман Баба пришел к нему, Гасан понял, что пока он пощажен. Пойти к Эмиру Теймуру он согласился на одном лишь условии: Логман Баба не оставит его одного. Хотя прекрасно знал, чего стоит слово, данное самим Эмиром Теймуром. Но в этом мире полностью доверять можно было только Аллаху.

По мере приближения к шатру Великого Теймура число охранников в черных одеждах росло. Глядя на бесчисленные шатры, на дым, курившийся над ними, Гасан все больше убеждался, что противостать такому войску не дано никому. «И против кого я воевал?», - вопрошал он себя. С другой стороны он гордился, что с малочисленной группой не отступил, не испугался и не был побежден.

...Оставалось несколько шагов до шатра правителя, как Логман Баба увидел Мираншаха, в окружении нескольких человек шедшего навстречу. Он с момента лечения хорошо запомнил его внешность. Лекарь, не оборачиваясь, тихо сказал Гасану:

- Мираншах идет, ты молчи, не подавай виду, что знаешь его. Нам только зайти к Эмиру Теймуру, остальное, иншаллах, само по себе сладится. Он совершенно невменяемый, если узнает тебя, попытается отомстить и все испортит.

Гасан сперва с ненавистью взглянул на Мираншаха, потом оглянулся вокруг. В случае чего он собирался как следует врезать Мираншаху, потом, петляя между шатрами, сбежать и вернуться в горы.

Мираншах тоже узнал лекаря и поэтому прибавил шаг. Приблизившись, громко поздоровался, схватил лекаря за руку, поцеловал ее и приложил к своему лбу.

- Я очень рад видеть знаменитого лекаря в Карабахе!

Потом, вперившись взглядом в высокого, красивого Гасана, спросил:

- А кто этот молодой человек?

Логман Баба не обратил внимания на его вопрос, положил ладонь на лоб Мираншаха, потом двумя пальцами раздвинув ему веки,

внимательно взгляделся в зрачок. Во время всей этой процедуры Мираншах стоял перед лекарем безмолвно, словно провинившийся школьник.

- Ты продолжаешь принимать то, что я тебе прописал?

Мираншах отрицательно покачал головой:

- Нет, придворный лекарь сказал, что в этом нет необходимости.

- Да, выглядишь ты неплохо, видимо, поэтому мой коллега и принял такое решение. Но проверить тебя еще раз не мешает. Если не возражаешь, я, когда выйду от правителя, на всякий случай еще раз тебя осмотрю.

Мираншах ответил на это согласием.

- Я не возражаю, но... может, в этом нет необходимости? – Он еще раз подозрительно посмотрел на Гасана. – Но ты не сказал, кто этот молодой человек.

- Мой ученик, - пренебрежительно ответил Логман Баба и сделал шаг вперед. - Правитель ждет меня...

Мираншах и его люди пошли своей дорогой...

В шатре на переносном троне сидел Эмир Теймур. Для того чтобы шатер хорошо прогревался, Теймур приказал по обеим сторонам трона поставить по жаровне. Кроме Теймура, напротив другого выхода сидел купец Агбаба. Он уже отчитался перед правителем по багдадским событиям, описал сложившуюся там ситуацию. Логман Баба, чуть склонив голову, поздоровался, пожелал правителю доброго здоровья. А Гасан, как ранее научил его Логман, преклонил колени и, не поднимая головы, замер. С самого начала Эмир Теймур показался ему очень суровым. Это был настоящий правитель! Весь мир должен был поклоняться ему!

- В этом году в Азербайджане очень холодно, - сказал Теймур. – Как погода в Тебризе? Холодно, как и здесь, или теплее?

Логман Баба понял, куда клонит Эмир Теймур.

- Нет, мой правитель! В Тебризе не бывает таких холодов, как здесь. Иногда случается морозная погода. Мой правитель, после того, как вы побывали там, морозы отступили... - И указал на коленопреклоненного Гасана. – И чтобы дальше было так же, я сдержал свое слово.

Эта фраза, сказанная лекарем как бы между прочим, удовлетворила Теймура.

- Мы тоже никогда не отказываемся от данного нами слова, - надменно произнес Теймур. - Наше слово едино, это слово тюрка! - Потом, показав на Гасана, спросил: - Это тот самый Году, о котором ты говорил?

- Да, это так, мой правитель, это Гасан. Он носит имя второго имама.

- Встань, - обратился Теймур к все еще стоящему на коленях Гасану. Гасан тяжело поднялся, но взгляд от пола так и не оторвал. Эмир тоже встал и, волоча ногу, подошел к нему. Одновременно с ним встал и Агбаба. Теймур внимательно посмотрел на рослого, стройного, крепкого Гасана и неожиданно сказал:

- Хочешь у меня служить?

От неожиданного вопроса Гасан растерялся, не знал, что ответить. До прихода сюда ему казалось, что он будет просить пощады у Эмира, потом, если правитель позволит, вернется в Тебриз и отправит Логман Баба в качестве свата к родителям любимой девушки. А тут вдруг все изменилось! Разве возможно такое предложение? Теймур без слов не только простил его, но и предлагает служить ему! Это не укладывалось в голове Гасана. Если откажется, это разозлит правителя. А это будет концом его возвращения в Тебриз.

- Для меня это большая честь, о мой Эмир, - не поднимая головы, сказал Гасан и опять опустился на колени. - Служить правителю, который сотрясает весь мир, великая честь!

Тут Эмир решил упрекнуть Гасана, спросив, как он посмел восстать против правителя, сотрясающего мир, но тут же, вспомнив деяния собственного сына Мираншаха, остановился.

- Ты умеешь вовремя принять умное решение. Встань! Весть о тебе дошла до Самарканда. Скажи мне, где твои соратники?

Гасан выпрямился и застенчиво произнес:

- То, что говорят обо мне, слишком преувеличено, мой правитель! Я боролся только против несправедливости. Я знал, что все происходящее претит вашей справедливости, знал, что рано или поздно вы примете меры. Так и случилось: как только вы пришли в Азербайд-

жан, сразу восстановили справедливость. А мои соратники все еще в горах. Как только вы прикажете, они тоже будут готовы служить вам.

Эмир Теймур довольно сжал губы, покачал головой, вернулся к своему трону:

- Отлично! Ты готовься, возьми всех своих людей. Пойдешь с караваном Агбабы в Сивас. – И Эмир оглянулся на молча стоявшего поодаль Агбабу. – Что нужно будет сделать, начальник охраны Тахмаз бек тебе разъяснит. А когда закончится все это, в Тебризе мы тебе устроим хороший праздник.

Гасан прекрасно понял, что имел в виду Эмир последней фразой. Он, оказывается, знал обо всем!

- Будет исполнено, мой правитель!

Теймур о чем-то задумался, долго молчал, потом взглянул на довольного Логман Баба.

- Логман Баба, ты, наверняка перед приходом видел Мираншаха. Неплохо было бы еще раз его осмотреть.

- Видел, о Великий Эмир! Как только мы закончим, я пойду к нему в шатер.

- Ну, Аллах с вами, не мешкайте.

По вечерам Халил Султан уединялся с Улугбеком в угол шатра, при тусклом свете свечи читал ему привезенные из Шемахи стихи Насими. Он читал, иногда объяснял маленькому принцу значение некоторых слов, мыслей. Голос Халила иногда переходил в проникновенный шепот, неслышимый в другом углу шатра:

Когда моя луна взойдет на небосклоне красоты,
Весь озаренный небосвод и лик луны увидишь ты.
Едва увидит райский сад твой величаво-стройный стан,
Падут и в ревности сгорят все кипарисы и кусты.
Когда, красой своей горда, с чела отнимешь ты покров,
Поникнут розы от стыда, кляня разбитые мечты.
Твой лик, сверкая белизной, затмил и пристыдил луну:
Она ущербной и больной взошла в оправе темноты.

Когда моя луна взойдет на небосклоне красоты,
Весь озаренный небосвод и лик луны увидишь ты.
Едва увидит райский сад твой величаво-стройный стан,
Падут и в ревности сгорят все кипарисы и кусты.
Когда, красой своей горда, с чела отнимешь ты покров,
Поникнут розы от стыда, кляня разбитые мечты.

Шаша, кюнлцм пярیشان олду сянсиз,
Ъизярим допдолу ган олду сянсиз.

Йягиндир сяндян айры, шащи-хубан,
Бу кюнлцм тяхти виран олду сянсиз.

Кимя бяззярсян ей сян, мащпейкяр,
Ки, алям бянди-зиндан олду сянсиз.

Эюзцм йашы ъашан тутду, ей ъан,
Эюрян айдыр ки, туфан олду сянсиз.

Нясими гулуна гыл чаря, дярман
Ки, ъанлы эялди, биъан олду сянсиз.

Халил лег на спину, закинув руки за голову:
- Хорошо сказал поэт:

Когда, красой своей горда, с чела отнимешь ты покров,
Поникнут розы от стыда, кляня разбитые мечты.

Йягиндир сяндян айры, шащи-хубан,
Бу кюнлцм тяхти виран олду сянсиз.

Читая, он мечтал: «О Аллах, эти стихи написаны будто для меня. Интересно, а что сейчас делает Лятафет?» Мысленно он гладил ее шелковистые волосы, старался вспомнить черты ее лица. Смотрел в ее голубые глаза, чувствуя, что тонет в них, как в родниковой воде. Ему хотелось быть рядом с Шады Мюльк, плыть в этом счастье люб-

ви. Шады Мюльк была рядом с ним и счастливо улыбалась. Разве не являлась такая красота чудом?

Шепот Улугбека отвлек его от радостных мыслей, счастливое лицо Шады Мюльк тут же исчезло.

- Халил, а почему нас не учат по этим стихам? Таким, как написал Насими.

- Не знаю, главный мулла говорит, что он гяур. Поэтому дедушка запретил его стихи.

- Ты дашь мне книгу почитать?

- Дам, но ради Аллаха, чтобы никто не знал, иначе дедушка всех накажет.

- Будь спокоен, никому не покажу.

- Хорошо, тогда я перепишу это стихотворение, отправлю в Самарканд и отдам тебе книгу.

Принц встал, взял свечу, вынул из сундука в другом углу шагра перо и бумагу, каллиграфическим почерком переписал стих, свернул четверо листок.

- Отдам кому-нибудь, кто поедет в Самарканд.

...Сарай Мюльк ушла с пиршества, устроенного Эмиром Теймуром, в полночь. Ей не нравились полуголые танцовщицы, привезенные из Индии. Она считала, что это развращает молодых, уводит их с праведного пути. Молодежь вместо подобных развлечений должна была думать о доблести и мужестве. Она несколько раз порывалась уйти с пиршества, но вынуждена была остаться. Пока Теймур был на пиршестве, никто не имел права покинуть его.

Когда она вошла, служанка, стоявшая в углу, осветила лампой шатер. Увидев в дальнем углу еле светящийся огонек свечи, удивленно спросила:

- Кажется, принцы еще не спят?

Принцы же, поняв, что в шатре кто-то есть, сразу насторожились. Халил Султан проворно спрятал книгу, которую они читали, в наволочку от подушки.

- Да... Мы еще не спим, беседуем.

Когда Сарай Мюльк, придерживая подол широкой юбки, подошла к ним, принцы встали.

- Дедушка спрашивал вас обоих. Я сказала, что двоюродные братья беседуют, но скоро лягут спать.

Халил внутренне похвалил бабушку. Сейчас ему не очень хотелось, чтобы дедушка позвал его к себе. Сухие, жесткие правила и приказы иногда напрягали его. При дедушке невозможно было ни думать, ни быть раскованным.

- Ты права, бабушка, мы действительно беседуем.

Сарай Мюльк, краем глаза взглянув на внуков, ласково сказала:

- Интересно, о чем же вы беседовали?

Халил Султан, запнувшись, сказал.

- Сейчас скажу. Брат, ты можешь пройти в другой шатер? – обратился он к Улугбеку.

Младший принц нехотя встал, но по подмигиванию Халила понял, что надо уйти. Халил Султан, взяв бабушку за руку, подвел ее к жаровне посреди шатра:

- Давай посидим.

После того, как оба сели, он взял кочергу, поворошил угли, которые тут же вспыхнули ярким огнем. Халил положил в огонь еще одно полено:

- Как настроение у дедушки?

Сарай Мюльк поняла, куда клонит принц.

- Слава Аллаху, все хорошо.

- Ты рассказала дедушке?

- Как я могу сказать? Ты же знаешь, что он против женитьбы на девушке из низшего сословия.

Халил Султану это и нужно было.

- Она не из низшего сословия, бабуля.

- А кто же она? – удивленно вздернула брови Сарай Мюльк. – Столько лет живет в Самарканде. Ты так говоришь, будто мы ее не знаем.

Принц застенчиво взглянул на бабушку. На его лице смешались любовь, смятение, щеки подрагивали. Эта гамма чувств была знакома Сарай Мюльк. Ее внук был безумно влюблен! Это была настоящая любовь! В свое время она это пережила. В молодости она тоже была влюблена, но не достигла желаемого – потому что она была из ханского рода и ее выдали за хана, а в сердце осталась щемящая рана. О,

от судьбы уйти невозможно! Она была довольна своим положением. Но быть первой женой Эмира Теймура – это была нелегкая задача. Но она справилась с этим. И вот теперь влюбился ее внук. Но он не должен был пережить то, что пережила она. Надо было обязательно ему помочь.

- Что тебя заботит, расскажи. Постараюсь помочь моему любимому внуку. – И она нежно провела пальцами по его щеке. - Только будь со мной откровенен.

Халил взял мягкую руку бабушки. Она, поняв, что внук очень взволнован, улыбнулась и вздохнула.

- Хорошо, - согласился принц. – Только дай слово, что о сегодняшнем разговоре никому ничего не расскажешь. Пока так надо. Дашь слово?

Сарай Мюльк вновь улыбнулась. Но эта улыбка была совсем другой. Отняв руку, она обняла внука:

- Конечно, даю слово, мой маленький.

Халил Султан подробно рассказал ей все, что услышал от Шейха Ибрагима. Она слушала его внимательно, иногда задавая уточняющие вопросы. Ее обрадовало, что Шады Мюльк дочь шаха. Но в то же время расстроило. Невозможно было обо всем этом объявить во всеулышание и снять с девушки печать низшего сословия.

- А девушка знает об этом?

- Не знаю, - пожал плечами Халил. – Если знала, сказала бы. – Задумался и произнес: - Да, она ничего не знает, ведь она мне доверяет.

Этот разговор серьезно обеспокоил Сарай Мюльк. Складывалась очень странная ситуация. Прямо как в сказках. Но сказки, как правило, завершались хорошим концом. У реальной же жизни были свои жесткие правила. Ситуация все более усложнялась.

- Хорошо, когда вернемся в Самарканд, я поговорю с дедушкой. Но, - она приложила палец к губам, - пока об этом никому ни слова. Никому! Так будет лучше. Это очень непростое дело. Его надо очень и очень осторожно проверить. Но я это дело так не оставлю, будь спокоен.

Халил Султан на радостях обнял и расцеловал бабушку.

- Ты единственная такая бабушка на свете! Клянусь Аллахом, таких больше нет!

В начале весны, когда почки, набухая, лопаются, а затем превращаются в нежные зеленые листочки, Эмир Теймур провел в Карабахе большой курултай⁸⁹. На курултае присутствовали его сыновья Мираншах и Шахрух, внуки, старые и новые соратники, эмиры и беки, улямы. В тот день Эмир Теймур еще раз убедился, что куда укажет его перст, в том направлении полководцы и поведут войска. Поведут и вернуться с победой. Воины, в походе на Индию взявшие богатые трофеи, теперь ждали новых походов. Но никто из них не знал, каким будет поход на запад – в отличие от похода в сотни фарсахов в Индию, причем осуществленного в течение всего одного года. Никто не смел даже спросить, почему здесь собралось многотысячное войско и что оно будет делать. Знал он один, и этого было достаточно. На самом деле на курултае Эмир Теймур дал всем путеводную ниточку, заявив: «Для нас самое важное – идти на гяуров. Сперва разберемся с ними, а потом, если будет необходимость, пойдем в другие места». Когда он сказал «другие места», никому и в голову не пришло, что более чем через два года в смертельном бою сойдутся два могучих тюркских властелина мира. А пока эмиры думали о гяурах и новых трофеях. Великий Эмир в это время на шахматной доске выносил приговоры тем, кто в будущем может стать его противником. В этом ряду на первом месте была Грузия. Поход на эту страну имел сразу несколько целей.

Во-первых, грузины при осаде крепости Алинджа оказывали помощь Нахичевани и даже отправляли туда своих воинов.

Во-вторых, грузинский царь Мелик Гурген пригрел у себя сына султана Ахмеда Эмир Тахира, сбежавшего в Грузию после падения крепости Алинджа. Эмир Теймур такие вещи не прощал никому.

И, наконец, в-третьих, не в правилах Эмира Теймура было оставлять у себя за спиной силы, которые ему не подчиняются. Просчитывая все с математической точностью, Эмир Теймур двигался к намеченной цели. Никто не только не пытался, но даже не задумывался над тем, чтобы преградить ему путь. Это было невозможно, ни у кого на это не хватило бы духу, исключая Сейида Берке. А тому вовсе не

⁸⁹ «Книга побед».

хотелось останавливать победное шествие Эмира Теймура. Это было бы важным уроком для тюркской истории. Что будет потом? Впрочем, у каждого взлета есть падение. Но для будущих поколений надо было оставить повод для гордости. История не судит победителей.

В сущности, для похода на Грузию был повод. Еще раньше Теймур отправил гонца к Мелик Гургену с требованием выдать сына султана Ахмеда Джелаири Эмира Тахира. Правитель Грузии не только не попытался исправить ситуацию и заработать уважение Эмира, но и гонца отправил обратно с пустыми руками.

После завершения курултая Эмир Теймур щедро одарил полководцев, беков, а некоторым пешим воинам, отличившимся в предыдущих сражениях, подарил коней. Рано утром, после завершения пиршества, семью и младших внуков он отправил в Султанье.

...На провинции Мелика Гургена словно обрушились громы и молнии. Выжигались села и деревни, с корнем вырубались виноградники, сады и огороды, мечом карались все, кто попадался навстречу. Из-за того, что у одного правителя плохо было с логикой и тактикой поведения, тысячи людей оказались под угрозой смерти. Не было числа ни живым, ни мертвым. Теймуриды шли по этой земле словно селевой поток, остановить который было невозможно. За короткий срок непобедимая армия взяла пятнадцать крепостей. В итоге местное население крепостям уже просто не доверяло. В тех крепостях, которые оказывали сопротивление, теймуриды не оставляли в живых никого. Создавалось впечатление, что грузины попали под гнев Великого Создателя. Азраил в лице войска Теймура сеял смерть, сметал на своем пути все.

Понимая, что спасения в крепостях нет, местное население стало сперва уходить в леса, а затем забираться выше, в горы. Люди, спасая тела и души, пытались прятаться в заранее заготовленных пещерах...

...Люди Шахруха, преследовавшие неприятеля, были немало удивлены, увидев, что грузины словно сквозь землю провалились – под вечер спрятались в лесу. Шахрух, понимая, что поиски в темноте бесполезны, остановил преследование. Наутро его люди прочесали всю округу, но, никого не обнаружив, вернулись обратно. Все были в недоумении. Мгновенное исчезновение стольких людей было, по меньшей мере, чудом. И лишь последний отряд, вернувшись, привел

с собой обросшего до плеч и глаз волосами и бородой, похожего на вурдалака, босого, с опухшей ногой невысокого грузина. Оттого, что он не мог ступить, два воина поддерживали его. Подведя грузина к Шахруху, они бросили его ему под ноги, придавив его коленями.

- Мой принц, мы нашли только его. Этот не смог сбежать из-за опухшей ноги, - приложив ладонь к груди, произнес десятник.

Принц внимательно посмотрел на лежавшего перед ним грузина.

- Где вы его нашли?

- В дупле большого дерева. Нам даже в голову не могло придти, что он там прячется. Проходя мимо дерева, мы услышали стон. Рядом с ним был кусок черствого хлеба и кувшин с пробкой из теста. Сперва мы подумали, что там вода, но потом, обнаружив – по резкому запаху, что это вино, вылили на землю.

Принц еще раз обошел стонущего грузина.

- Нет, столько людей не могут спрятаться в дуплах деревьев! Поднимите его.

Двое, придавившие грузина коленями, рывком подняли его и поставили на ноги. Принц знал, что население этих краев владеет тюркским, более того – армяне и грузины меж собой говорят именно на этом языке.

- Куда делись ваши люди? – спросил он по-тюркски.

Грузин продолжал стонать, будто ничего не понимая. Голова его свисала на грудь.

- Пусть придет переводчик! – закричал принц.

- Слушаю вас, мой принц, - склонился перед Шахрухом подбежавший переводчик.

- Спроси этого горемыку, где их люди, куда они пропали? Где Мелик Гурген?

Переводчик перевел грузину вопрос принца. Более того, чтобы припугнуть пленника, добавил несколько слов, вроде «если хочешь жить, ворочай языком живее, иначе эти люди разрежут тебя на куски размером с твое ухо».

Грузин вновь застонал, но на этот раз с трудом произнес несколько слов:

- Гурген сбежал в Сванетию, а где остальные, я не знаю...

Переводчик, дабы понять несвязную речь, буквально приблизил ухо к его грязному, вонючему рту.

Когда он перевел слова грузина Шахруху, тот рассердился:

- Врет, собачий сын! Если он знает, куда сбежал Гурген, то должен знать, где и остальные. Бедреддин!

Из-за второго шатра вышел здоровенный, уродливый детина с усами чуть ли не до ушей, сложил руки на груди:

- Приказывайте, мой принц.

- Заставь его говорить!

Громила Бедреддин, пробормотав «Будет исполнено, мой принц», подошел поближе.

- Сейчас он у меня будет щебетать как соловей, - сказал Бедреддин и, подойдя к грузину, схватил огромной ручищей за шею, приподнял над землей так, что у того ноги задергались, ища опоры. В таком положении он отнес его в шатер. Переводчик, независимо от себя пришедший в ужас от такой неимоверной силы, волоча ноги, пошел за ним. Через некоторое время стали раздаваться дикие вопли грузина, которые были слышны не только в лагере, но и разносились по всему лесу и горам. Не исключено, что эти вопли, способные навевать ужас на любого, слышали и спрятавшиеся грузины.

Бедреддин вышел из шатра так же, как и вошел, с болтающимся на руке грузином. Грузин уже не стонал, а глухо выл. Из опухшей ноги сочилась кровь. Палач сперва разворотил ему рану, потом присыпал ее солью. Бедреддин остановился перед Шахрухом. Он напомунал виселицу с повешенным бедолагой, ноги которого болтались в полуметре от земли.

- Ну что, заговорил?

Бедреддин заулыбался, показав щербатые гнилые зубы:

- А что ему останется, мой принц? В моих руках и не такие начинали говорить. Я заставлял говорить даже немых, а этот...

- Ладно, ладно, ты слишком много болтаешь, говори, где прячутся люди, - нетерпеливо прервал он хвастливого Бедреддина.

Бедреддин начал размахивать полумертвым грузином словно кулкой. Тот, с трудом поднял руку, показал на гору:

- Там... в пещерах...

- Отведите его, пусть лекарь осмотрит, он нам еще понадобится, - приказал Шахрух. - Кажется, он хорошо знает эти места.

Бедреддин посмотрел на болтающегося в его руке грузина, что-то подумал, потом взял руку пленника, пощупал пульс. Щербатая улыбка сползла с его лица:

- Мой принц, кажется он... подох.

Принц хладнокровно обвел взглядом окружающих:

- Что теперь поделаешь, одним гяуром стало меньше.

Через некоторое время тысячник Сафар бек собрал воинов, приученных к горным сражениям, и направился с ними в сторону пещер.

Пещеру, которая находилась в труднодоступных скалах, с первого раза действительно нельзя было обнаружить. Скалы, в которых была пещера, были обрублены словно ножом, даже горные козлы не смогли бы туда добраться. Не было даже небольших уступов, за которые можно было бы зацепиться. Если бы кто и попытался подняться, рисковал сверзиться в пропасть и стать кормом для птиц и зверей. Сафар стоял в раздумьях и тут понял: если там есть люди, значит, должна быть и тропинка. Отдал приказ:

- Подняться с обратной стороны горы!

Когда самые смелые предприняли попытку подъема, уже темно. Сафар бек всю ночь следил за пещерой, из которой шел тусклый свет. Если бы набожный Сафар не знал, что там прячутся гяуры, он принял бы свет из пещер за деяния дьявола. Но теперь он был уверен, что там прячутся сбежавшие грузины.

Еще не рассвело, даже птицы не пели, когда Сафар вместе с остальными начал подъем к пещере. Здесь были тропинки, по которым можно было идти. Но чем дальше, тем все труднее становился подъем. Вверх шли абсолютно ровные стены, внизу же была бездонная пропасть. Взглянуть вниз было страшно, кружилась голова, начинали дрожать колени.

Когда Сафар бек поднялся до своих воинов, они уже готовились ворваться в пещеру...

На специальных веревках вниз к входу пещеры были спущены плетеные корзины, в которых сидели по два воина. Около сотни желтых корзин на голых скальных стенах напоминали небольшие стога сена. Как только корзина приближалась к входу в пещеру, один из воинов, дернув веревку, подавал сигнал: «мы уже на месте».

В пещере начался переполох – воины, словно свалившиеся с неба, ворвались внутрь. Неожиданная атака сделала свое дело: не-

которые грузины пытались сопротивляться, но им мешали паника и переполох. Один из воинов врывался внутрь, второй, подстраховывая товарища, прямо из корзины поражал стрелами сопротивлявшихся.

Через пять-шесть часов в пещере не осталось ни одного живого человека. Теймуриды, обыскав всю пещеру, нашли казну Гургена, которую он хранил здесь более двадцати лет.

А в это время Эмир Теймур, в течение семи дней проведя подготовку у крепости Зарит, за один день сравнял ее с землей.

Мелик Гурген, услышав, что Эмир Теймур приблизился к крепости Сванет, сбежал в Абхазию.

Теймуриды, в одно мгновение заняв крепость Сванет, продолжили преследование Мелика Гургена. Мелик, перейдя реку Ингури, понял, что уже не сможет защитить принца Тахира. Если это преследование след в след продолжится еще один день, он либо попадет в плен к теймуридам, либо потеряет голову от меча. Теперь, после того как тысячи его людей были убиты, он очень сожалел, что не ответил на послание Теймура... Но дело уже было сделано, назад пути не было, и он отослал принца Тахира к Бязиду, а сам посредством посла Исмаила отправил письмо, в котором говорилось: «За все свои плохие деяния я наказан справедливо. Если правитель простит меня, он еще раз докажет свое величие. Клянусь после этого не выходить за границы повиновения и служения вам. Я принимаю налог, который вы определили для меня, и каждый год обязуюсь лично доставлять его в вашу казну».

Такое унижение правителя никогда уже в будущем не позволило бы ему совершать подлости. И будет лучше назначить правителем его же, а не другого. Ведь этот человек фактически выполнял бы роль сборщика налогов. Исходя из этих логических размышлений, Эмир Теймур простил Мелика Гургена и вновь назначил его правителем. Сам же отправился в область, где жили черношитники, впоследствии ставшие тюрками-месхетинцами.

Эмир Теймур разбил свой лагерь в местечке Мингель⁹⁰ на востоке Анатолии. После этого он дал команду тысячникам начать заготовку продовольствия, фуража для животных. В это время в лагерь с

⁹⁰ В переводе с тюркского «Тысяча озер»

жалобой на Беязида прибыли правители Карамана, Ментеше и Гермияна. Сперва рассказали о том, что османский владыка несправедливо отнял у них земли, оставшиеся еще от сельджуков. Потом выяснилось, что правитель Сиваса, известный на весь тюркский мир поэт Гази Бурханеддин убит при взятии Сиваса. Великий Эмир выразил свое огорчение гибелью известного поэта и пообещал всем прибывшим правителям решить все их проблемы.

Потом Эмир Теймур принял послов короля Франции Карла VI и императора Византии Мануила II. Оба правителя заверили Эмира Теймура в поддержке со своей стороны.

Эмир Теймур прекрасно понимал намерения короля и императора и, слушая послов, посмеивался в усы и идти на Беязида пока не торопился. Его сметливость, логика и опыт не позволяли ему верить европейцам. Он никогда не общался с европейскими дипломатами, ибо считал, что гяурам верить нельзя. Но и прекрасно знал, что Беязид, от одного имени которого в Европе у всех волосы вставали дыбом, далеко не султан Дели. Здесь требовалось делать очень тонкие ходы. Если бы он пошел на сражение с Беязидом, тогда получалось, что он бьется с единоверцем, тюрком по крови. Независимо от того, какая бы сторона не выиграла, проиграл бы Ислам, тюркский мир.

Но в то же время надо было достойно преподнести себя султану Ильдрому Беязиду.

После всех этих расчетов и раздумий Эмир Теймур вызвал к себе секретаря. Секретарь вошел, поклонился и, привычный к таким вызовам, поставил перед собой небольшой столик, вынул из сундучка перо, чернила, бумагу, вопросительно глянул на правителя. Правитель встал с трона, прихрамывая, стал ходить по шатру. Мысли его были то в горах, та на равнине. Потом остановился перед секретарем, приказал:

- Пиши! ...Аллах милостив к своему рабу для того, чтобы он знал себе цену, знал свое место и делал то, что ему позволено. Сегодня по милости Аллаха страны в четырех сторонах света находятся под нашим правлением. Султаны мира подчинены нам. Правители этих стран склоняют головы перед нашей волей. Даже очень самодовольные склоняют головы перед нашими дверями. Нам известно, что твоя

династия берет начало от туркмена-морехода⁹¹, и я думаю, об этом говорить не стоит. Перестань кичиться. Доселе мы не переходим твои границы лишь потому, что ты воевал против франков. Если бы мы тогда это сделали, мусульмане огорчились, а гяуры радовались бы. И еще хочу сказать, не сходи с пути, проложенного нашими отцами, не будь чванливым. Аллейкума салам и рахматуллаху баракату⁹².

Все, что Эмир Теймур продиктовал на одном дыхании, секретарь еле успевал записывать. И услышав заботливое «Успел написать?», он с гордостью ответил:

- Да, мой правитель, успел!

Секретарь поднял бумагу, помахал ею, чтобы чернила высохли. Вынул из сундучка свечу и сургуч. Высек кремнем огонь, зажег свечу, подержал медную мисочку с сургучом над огнем. Через несколько минут сургуч расплавился, и секретарь вылил чуть-чуть на письмо. На дощечке, обтянутой материей, поднес письмо Эмиру Теймуру. Тот приложил к сургучу перстень-печатку, которую носил на большом пальце. Потом Эмир Теймур приказал срочно доставить письмо в Барлас Ильдырму Беязиду.

Ответ на это письмо определил бы многое. Если Беязид согласится, то он сможет продолжить. Теймур сможет выполнить то, что желал выполнить Беязид, реализует то, что тот не смог реализовать...

Бурса, 1400 год

Крепость Бурса была расположена на высоком горном массиве. Из крепости, окруженной крепкими каменными стенами, была видна снежная шапка горы, сперва называемой Кешиш, а теперь именуемой Улудаг. Летом, когда в Бурсе была жара, на Улудаге даже в летний зной было холодно. Температура не повышалась выше двадцати градусов. Каждый, кто хотел отправиться из Константинополя в Анатолию,

⁹¹ Эмир Теймур писал об этом, чтобы рассердить Беязида. На самом деле Ильдырм Беязид был четвертым правителем османов, а его прадед, отец Гази Османа — правителем провинции.

⁹² Приветствие в начале и конце письма.

сперва посещал центр империи Бурсу, потом направлялся в другие области. Это была вынужденная мера, ибо путь из Константинополя в османские земли пролегал через Бурсу. Еще во времена деда Османа Эртогрула округа Сеют и Доманич считались его бекством. Сеют был передан тюркам как зимовье, а Доманич – в качестве летних пастбищ. Во времена Гази Орхана османские земли были расширены, потом, учитывая стратегическую, политическую роль Бурсы, после взятия города столица из Изника была переведена в Бурсу. В это время сила османов возросла раз в десять. В мавзолее посреди крепости Бурса были могилы Гази Османа, Гази Орхана и членов их семей. Когда Гази Орхан был еще жив, он после взятия Бурсы перенес могилу отца в город и построил там мавзолей. Его самого похоронили там же.

После того как его сын Мурад отошел в мир иной, пришедший к власти Баязид значительно расширил земли, вышел на Балканы и, прекрасно маневрируя в быстрых сражениях, сметал все на своем пути, за что враги, дрожавшие от одного его имени, нарекли его «ильдрым», что означало «молния».

С почтением относившийся к предкам, Баязид хорошо знал историю, получил в медресе превосходное образование. Последнее время у него в армии, кроме тюрков, были и христиане, поэтому его целью было расширить империю и, пусть не силой, но повсеместно распространить ислам. В одном из боев он получил ранение в левый глаз и поэтому видел плохо. Последнее время слава о нем распространялась стремительно, по этой причине в характере появилась тщеславность, он стал считать себя непобедимым полководцем.

...Баязид не спешил принимать гонца Эмира Теймура эмира Барласа. Хотя письмо Эмира Теймура ему было уже вручено, в приемной дворца Бурсы, украшенной цветными коврами, стояли сын Лазаря Стефан, полководец Челеби, сбежавший к Баязиду султан Ахмед и Черный Юсиф, ожидавшие, что ответит Эмиру Теймуру разгневанный владыка Османской империи. Он же отвечать не торопился. Присутствующие в комнате боялись пошевелиться. В сущности, султан не мог найти себе места. На самом деле он был оскорблен. Через некоторое время Баязид, помахивая письмом в руке, встал с трона и подошел к ним. Сперва сердито засопел, потом заговорил:

- Ты посмотри на смелость этого хромого! Какой-то хромой, из рода мелких эмиров угрожает мне! А как он говорит о моей династии?

Туркмен-мореход! Мой род – мореходы? – Султан гневно рассмеялся. – Н-е-е-т, этого хромого надо проучить. Обязательно!

Челеби попытался его успокоить:

- О мой султан, он вас специально выводит из себя, но он сам навлечет на себя гнев Аллаха. Пусть молниеносные мечи нашей непобедимой армии покарают его, тучи наших стрел, затмевающих солнце, вонзятся в него. Этот хромой разве не знает, что ваш род берет начало от Киник хана? Разве он не знает, что его сын Сельджук захватил весь мир? Разве он не знает, что султан Санджар – из вашей династии? – Говоря это, полководец Челеби чувствовал, что гнев Бейзида остывает. Поэтому продолжил: - О мой султан, а он что, не знает, что земли от Мавреннеха до Хорасана, Шираз, Азербайджан, Анатолия – это на самом деле земли потомков огузов – сельджуков? Нет, он все это прекрасно знает, но не хочет с этим мириться.

Султан, успокоившись, вернулся на свое место.

- Все это правильно, Челеби хан. Но все равно надо как-то ответить этому зарвавшемуся хромому. Иначе он подумает, что мы испугались его.

Не знавший о династии султана столько, сколько об этом знал Челеби, мастер по внесению раздоров князь Стефан из последней фразы Бейзида понял, что его миг наступил. Даже не испросив разрешения, он вступил в разговор.

- Вы абсолютно правы, ваше величество. Надо ответить этому хромому. У нас армия, которую еще никто не победил. Наша непобедимая армия должна поставить на место этого зарвавшегося правителя...

Стефан, якобы что-то вспомнив, осклабился и остановился.

- Что такое, князь, что-то не так?

- О мой султан, вы сказали – зарвавшийся, и я вспомнил о бешенных собаках. Мне кажется, прежде чем с ним воевать, надо на него напустить наших собак. У нас около десяти тысяч специально обученных собак.

Ильдрым Бейзид засмеялся, потом, правда, взял себя в руки, сделал серьезное лицо.

- Сейчас не до шуток, князь! Говорите о том, что надо сделать. А что думает по этому поводу султан Ахмед?

Последний представитель джелаиридов только-только пришел в себя после багдадских потрясений. В Бурсе он получил еще одно тяжелое известие: люди Эмира Теймура взяли в плен его семью – старшую сестру Султан Дильшад, жену и дочь. После этого известия он горел желанием мести, хотел, чтобы Баязид пошел на Эмира Теймура. Прежде чем начать говорить, Ахмед слегка склонил голову:

- О мой султан, вам известно, что уже много лет я воюю с этим проклятым человеком. Хорошо знаю его характер. Если он написал такое письмо, значит, обязательно сунется в Анатолию, на ваши земли. Надо подготовиться к этому. С нашей стороны мы представим воинов...

Ильдрым Баязид, повернувшись к Стефану, спросил:

- Где сейчас Теймур?

- Ваше величество, по сведениям наших шпионов, он в Мингеле, ведет подготовку.

Султан встал, задумчиво потирая челюсть, начал ходить взад вперед.

- Значит, пойдет на Сивас.

- Да, это так, - подтвердил Стефан. – В связи с этим у меня есть несколько предложений в плане подготовки.

Султан остановился перед ним.

- Говори.

- Как вам известно, среди армян, живущих на его землях, есть четыре тысячи воинов, имеющих опыт сражений и готовых выступить. Они находятся в лагере под Сивасем. Для защиты крепости необходимо отправить дополнительные силы. Мне кажется, что принцам Гурашчы и Темирдашу нужно со своими войсками тоже отправиться к Сивасу.

На самом деле, размещая армянских воинов рядом с Сивасем, Стефан соблюдал свои меркантильные интересы. Он дал задание командиру армян Аракелу любыми средствами настроить народ Сиваса против Баязида, и в последний момент сдать крепость Эмиру Теймуру. В этом тоже был его личный интерес. Возможен был вариант, что Эмир Теймур возьмет Сивас, но султан Баязид откажется воевать с Эмиром. А Эмир Теймур, воодушевленный победой в Сивасе, обязательно пойдет на Анатолию. Тогда у Баязида не остается иного пути, как воевать...

Ничего не ответив князю, Беязид подошел к Черному Юсифу и остановился перед ним. Высокий, похожий на пехлевана⁹³, с густыми усами и громким голосом потомок Гарагойунлу, Черный Юсиф склонил голову в ожидании, что скажет Султан.

- Что скажет предводитель Гарагойунлу?

Ничем не отличавшийся от всех полководцев, находившихся здесь, Черный Юсиф⁹⁴ заговорил:

- О мой султан, я тоже думаю, что Эмиру Теймуру надо ответить. Если теймуриды войдут в Анатолию, войска гарагойунлу ударят с тыла, ваши доблестные силы спереди, а воины султана Ахмеда со стороны Багдада. В этом случае они уберутся с наших земель, подбирая кишки.

Султан Беязид с этим предложением Черного Юсифа согласился. Посмотрел на полководца восточных войск Челеби хана. Тот кивнул в знак согласия.

- Хорошо, пусть будет так! Ему надо ответить. Я принимаю все ваши предложения. Надо срочно действовать! Быстро вызовите мне секретаря! – приказал он начальнику охраны, стоявшему в дверях.

Через некоторое время появился секретарь с пером в руках.

– Пиши, - приказал султан: - «Нас не беспокоят бродячие псы. Мы уже долго мечтаем сразиться с тобой. И теперь с помощью Аллаха приняли решение выступить против тебя с нашей доблестной армией. Если ты не выйдешь на сражение с нами, мы найдем тебя сами и будем гнать до Тебриза и Султание. Там посмотрим, на чьей стороне небеса, кто возвысится как победитель, а кто позорно падет».

...Потом Ильдрым Беязид дал в честь посланца Эмира Теймура эмира Барласа роскошный обед. Эмир Барлас остался этим очень доволен. Но когда Ильдрым Беязид при всех зачитал письмо, адресованное Эмиру Теймуру, он понял, что это было просто издевательством над Теймуром. Получив письмо, не находящий себе места, от злости кусавший губы эмир Барлас, не теряя времени, отправился в Мингель к своему правителю.

⁹³ Богатырь.

⁹⁴ Десять лет спустя он создаст большое государство Гарагойунлу, с границами от Багдада до Хоросана и столицей в Тебризе.

Это письмо было объявлением войны. А вина за эту войну ложилась на плечи Беязида. Эмир Теймур, не мешкая, пошел на Анатолию. Направление было на Сивас. Два тюркских правителя, наводившие ужас на весь мир, должны были встретиться здесь. Никто из них еще ни разу не знал горечи поражения. О том, что сыновья Беязида Курашчы и Темирдаш с войсками идут на него, Эмир Теймур узнал уже в пути. Он приказал Джаханшах беку, Шейху Нуреддин беку, Севинджек беку, Сейиду Ходжа и Шейх Бахадур беку встретить неприятеля. Сыновья султана, узнав о том, что Эмир Теймур отправил часть войск в Кайсерие, на них, быстро ретировались обратно.

10 августа 1400 года Эмир Теймур начал осаду Сиваса.

Сивас, как и все большие города, был расположен в красивой местности. Чистые как слеза родники, прекрасный воздух были полезны для здоровья. К тому времени городу было уже несколько тысяч лет. В 1240 году, при правителе Аладдине Кейбудаге, он стал центром внимания сельджуков. При их власти Сивас начал стремительно развиваться и приобрел стратегическое значение. В 1243 году город взяли моголы.

Сивас окружал ров глубиной в десять-двенадцать зира⁹⁵. Крепостные стены шириной в одиннадцать зира, а в высоту двадцать, были выложены из массивных камней. Ров с северной и южной стороны был так глубок, что пройти его было невозможно. Но с западной стороны можно было сделать подкоп...

Аракел разместил своих армян в Сивасе и ждал удобного момента выполнить поручение. Несмотря на то, что в городе было сто двадцать тысяч населения, осадной атмосферы не ощущалось. Правитель Сиваса Гасан, назначенный Ильдрымом Беязидом, был далек от мысли сдать город Эмиру Теймуру. После того как он прибыл в Сивас, он разместил там и своих сторонников. Каждый день обходил город, проверял обстановку. Часто отправлялся в христианский квартал, садился со своим другом Гюльбабой в любимой корчме, правда,

⁹⁵ 5-6 метров. Зира — мера длины, равная примерно 50 см.

вина они не пили, но прислушивались к разговорам тех, кто к вину равнодушен не был.

В корчме стояли длинные столы, вдоль которых были расставлены такие же длинные скамейки. Когда они приходили в корчму, то, как правило, садились за стол в углу, заказывали пити⁹⁶ и запивали его холодным айраном⁹⁷.

Начальник армянского отряда Аракел после прибытия в Сивас со своим помощником Акопом часто бывали в этой корчме. Каждый раз они приводили в корчму несколько человек, напивались вина до столбняка, потом Аракел забирал из корчмы одну из проституток и поднимался с ней на второй этаж.

К вечеру жара над Сивасем отступила, повеял свежий ветерок. Когда Гасан, как всегда, пришел в корчму, Аракел со своими друзьями сидел за средним столом. По разговорам чувствовалось, что они сидят уже давно и изрядно пьяны.

Гасан с другом сели на привычное место и спросили у хозяина корчмы, кто эти люди. Тот важно погладил свои пышные усы, и, гордясь тем, что он армянин, важно сказал:

- Ара, это начальник наших соседей, наш падишах отправил его сюда, защищать нас. – Потом перешел на шепот. – Ара, есть хорошие армянские девушки, выбирайте любую.

Гасан, улыбнувшись, покачал головой. Для него собери хоть три тысячи армянских девушек, он не променял бы их на одну любимую тюркскую.

Посреди корчмы компания уже веселилась вовсю. Кувшины с вином сменяли друг друга, обслуживала их толстая, неопрятная, с полуголой грудью женщина. Каждый раз, когда она, тряся грудями, подходила к столу, Аракел встречал ее с распростертыми объятьями, а, провожая, звучно шлепал по большой заднице, при этом вся компания начинала хохотать.

Говоря очередной тост, Аракел, еле держась на ногах и опершись об стол, сказал:

⁹⁶ Национальное мясное азербайджанское (тюркское) блюдо в горшочке.

⁹⁷ Национальный азербайджанский молочный напиток.

- Ара, ахперджаны⁹⁸, давайте выпьем эти бокалы за нашего Вазгена. Если бы не он, мы бы давно подошли. – Аракел, пытаясь, пытается сохранить равновесие, взобрался на стол, принял серьезный вид. – Ребята, вот этот наш Вазген общается только с верхами, дружит с шурином падишаха, Стефаном! А с другой стороны он вхож к Папе Римскому. Давайте выпьем за него.

- Выпьем, ахперджан, выпьем! – вскричал Акоп, опрокидывая бокал с вином.

Остальные армяне поддержали Акопа:

- Да здравствует Вазген!

Аракел с трудом сел на скамью. Акоп налил из кувшина вина и посмотрел на начальника.

- Ара, Аракел-джан, когда мы разберемся с этими басурманами? А то от безделья наши мечи заржавели.

Аракел, услышав это, приложил указательный палец к губам: «тс-с-с». Потом осторожно огляделся и, увидев, что никто на них не обращает внимания, тихо сказал:

- Совсем мало осталось. Этот хромой окружил крепость, ждем сигнала. Все, что должно случиться, будет сегодня.

Гасан понял, что армяне что-то замышляют. Но что? Это он должен был узнать.

Аракел крикнул женщине:

- Роза, тащи вино, - и перевернул кувшин. – Видишь, ничего не осталось.

Роза поспешно поставила на стол новый кувшин вина. Потом, якобы получив удовольствие от шлепка по заднице, захихикала.

- Матах⁹⁹, сегодня ночью девушка будет?

Когда здоровенный Аракел от полученного ответа удовлетворенно кивнул головой, Гасану показалось, что она похожа на арбуз. – Вот та, которая была вчера, пусть она придет.

Хозяин корчмы понял, что его клиенты уже созрели. Роза подмигнула девушкам, чтобы они спустились вниз. Когда ярко раскрашенные девушки, жеманясь, подошли к ним, настроение Аракела еще

⁹⁸ Ахперджан — брат (арм)

⁹⁹ Родной, родная (арм)

больше повисилось. Обняв одну из них, он посадил ее к себе на колени. Небольшого роста девушка в объятиях этого громилы казалась совсем незаметной.

- Оставайся, ахчи¹⁰⁰, сегодня ночью вкусим всю сладость любви.

Полуголая девица буквально впилась в губы Аракела. Через некоторое время Аракел, оторвавшись от ее губ, взял ее на руки, тяжело поднялся.

- Ара, Акоп, я поднимусь наверх, ее маму, и ее... Ара, а ты из них никого не хочешь? – показал на сидящих девушек. – Посмотри, какие красотки.

Акоп пощупал груди сидящей рядом девушки.

- Нет, Аракел, они у нее слишком крепкие, я таких боюсь. Это не для меня, будет лучше, если я пойду к своим солдатам.

Аракел, поставив девушку, которую держал на руках, громко расхохотался.

- Ты что так быстро погас, Акоп? Если ты не сможешь, она тебе поможет. Может, тебе из солдат отправить какого-нибудь здоровяка? Он тебя, а ты ее! Ха-ха-ха! – Обернулся к стоящей рядом девушке: – Ахчи, ты беги в комнату, я сейчас приду.

Остальные армяне встали, чтобы уйти. Акоп подозвал тысячника Армена:

- Ара, Армен-джан, сделаешь все так, как мы договаривались.

Армен пьяно покачал головой:

- Ахперджан, будь спокоен, как ты сказал, так и будет. Я долго ждал этого дня.

Акоп, которого уже развезло от вина, не обратил внимания на их разговор. Армен со словами «ара, пойдем» взял его под руку. Остальным двум армянам Аракел приказал:

- А вы ждите меня здесь.

Гасан с Гюльбабой, расплатившись за еду, тоже вышли на улицу. Гасан шепотом сказал:

- Эти что-то затевают, ты скажи людям, чтобы были готовы, а я пойду за ними.

Когда они вышли из корчмы, уже смеркалось, темное звездное небо, словно одеялом, заволокло город. Армен с Акопом, покачива-

¹⁰⁰ Девушка (арм)

ясь, шли по улице. На одном из перекрестков Армен вдруг резко отнял руку и встал прямо перед Акопом, резко спросил:

- Акоп, ты помнишь мою свадьбу?

Акоп с довольным видом кивнул головой:

- Ара, разве можно забыть такую свадьбу. – Он поднял большой палец руки. – Все было великолепно!

- Ты, наверное, имеешь в виду мою жену Сирануш! И она была великолепной, не так ли? Признавайся!

- Да, Армен-джан, не скрою, твоя жена в постели была как змея!

- Да, я помню, в день свадьбы мы так напились, что я двинуться не мог. Сказали, что ты в мое вино добавил терьяк. Я, якобы, сказал – пусть это останется на завтра, но ты настоял, что к невесте надо идти сегодня. Я сказал, что сегодня ни на что не способен. И ты ответил: разве мы не друзья, я сам пойду. Кто там разберет в темноте? Ты сказал и сделал это. Мне ничего не оставил от первой ночи. А ведь мы были друзьями! Наверное, это и Сирануш понравилось. Мне сказали, что ты опозорил меня при всех.

Акоп попытался поправить его:

- Родной, это я первый зашел, или Аракел?

- Ты первый вошел, - схватил его за грудки Армен. – Аракел только на следующий день попросил у меня разрешения, а я решил, пусть идет, а то еще и обидится. Он настоящий мужчина!

- Армен-джан, ты же не был таким! Вспомни, что Сирануш раньше встречалась с Аракелом. Потом Аракел ее сам мне отдал. А я тебе отдал...

- Нет, Акоп-джан, ты не должен был заходить к ней в день свадьбы! Это ты меня напоил! Я этот день очень долго ждал. Теперь настало время рассчитаться. Я себе дал слово, что отомщу тебе. Твоя Айкануш после этого достанется мне. А ты отправляйся в ад! – Он резко схватил Акопа за ворот, притянул его к себе и вонзил ему в живот заготовленный кинжал. – Твоя смерть – это гарантия того, что армяне будут жить.

Не успевший ничего понять Акоп схватился за живот и только успел крикнуть:

- Ты что делаешь...

Армен, как ни в чем не бывало вытер кинжал об одежду Акопа. Акоп, которого Армен все еще держал, обмяк, потом свалился набок. Прятавшийся в стороне Гасан наблюдал всю картину происходящего.

Армен, с криком «наших убивают!» бросился в сторону корчмы.

На крики и шум на балкон второго этажа заведения выскочил полуодетый Аракел.

- Что случилось?

- Акопа убили!

- Кто?

- Басурмане!!!

Аракел, якобы удрученным голосом приказал:

- Срочно сообщи нашим, пусть будут готовы. За Акопа надо достойно отомстить. Я сейчас иду.

...Мусульманские кварталы спали крепким сном. Осада, тревога хотя и не довели людей до последней точки, тем не менее напряженность чувствовалась.

В городе про Эмира Теймура ходили разные слухи. Каждый говорил свое...

Тамам, бывшая на восьмом месяце беременности, еще с вечера замесила тесто, встала тогда, когда лучи солнца еще не озарили вершины гор, и пошла к тендыру печь хлеб. Когда дрова в тендыре отгорели и превратились в угли, Тамам взяла заготовку из теста, покрутила в руках, превращая в форму хлеба, разложила ее и обмазала яичным желтком. Опустила платок до самых глаз, чтобы жар тендыра не обжег. Через некоторое время по двору распространился запах свежего хлеба.

Ардам поворочался в постели, привстал. Ароматный дух поднял настроение. Ардам глотнул слюну, оделся, вышел во двор. Сын с дочерью еще спали. Взяв у двери кувшин для омовения, поздоровался с женой.

Тут раздались крики, в квартале послышался топот воинов. Ардам, будто предчувствуя что-то, обвел взглядом двор, ему стало страшно.

- Кажется, теймуриды вошли в город, ты иди в дом, а я посмотрю, кто это такие. Да поможет нам Аллах!

Шум в квартале все усиливался. Кто-то попытался открыть его ворота. Снаружи послышался голос:

- Чего ждешь, ломай!

Ардам бросил кувшин, побежал в дом за мечом.

Когда пришедшие, сломав ворота, вбежали во двор, Ардам стоял с мечом наголо. Когда он увидел семь-восемь воинов-армян, немного успокоился.

- Чего вы хотите?

- Сегодня ночью убили нашего Акопа. Мы пришли отомстить за него.

Ардам попытался оправдаться:

- Мы ничего не знаем об этом, уходите.

Армянин ослабил:

- Куда мы уйдем, ара, нам нужно отомстить за него, - сказал армянин и неожиданно нанес мечом удар по голове Ардама.

Ардам от неожиданности и дикой боли вскрикнул и свалился оземь.

Командир отряда приказал:

- Обыскать комнаты, никого не щадить. Кровь Акопа должна быть отомщена.

Один из воинов бросился в комнату и через некоторое время выволок оттуда за волосы Тамам. Когда Тамам увидела на земле убитого Ардама, с диким криком вырвалась из рук армянина и упала на тело мужа. Из дома вышли и другие армяне. Один тащил малолетнюю Айсель и пятилетнего Орхана. Дети истошно кричали, зовя мать на помощь.

- Больше никого не осталось?

- Нет, никого, только эти.

Командир оглянулся и вдруг увидел тендыр. Он тоже учуял запах свежего хлеба. С удовольствием втянув в себя этот запах, посмотрел сначала на тендыр, потом на Орхана. Взял мальчика из рук воина, пошел в сторону тендыра. Тамам, не видя этого, тормозила Ардама, пытаясь поднять его.

- Ну что, тюркское отродье, когда ты вырастешь, будешь нашим губителем. Но тебе это не будет суждено.

Тамам, услышав это, обернулась и тут же поняла, что хочет сделать армянин. Вскочив, она бросилась к нему. Однако стоявший рядом воин локтем нанес ей сильный удар. Тамам потеряла сознание. Орхан дико кричал «Отец, отец!» Когда армянин открыл крышку тендыра, оттуда пыхнуло жаром. Выждав немного, он бросил мальчика в тендыр, быстро закрыл крышку и встал на нее. Но, почувствовав, что горят подошвы, отскочил.

- Горишь, тюркское отродье! – загоготали армянские воины.

Орхан уже не кричал.

Доселе не обращавший внимания на крики маленькой Айсель, командир вдруг обернулся к ней и сердито закричал на воинов:

- Вы что, не можете ее заткнуть?

Один из армян, словно ожидавший этого, побежал к тендыру, ногой отшвырнул крышку. Из тендыра пошел запах жженого человеческого мяса. Не обращая на это внимания, армянин бросил Айсель в тендыр и закрыл крышку.

- Ты сказал, заткни ее, я ее заткнул, - со смехом отчитался армянин.

Командир посмотрел на распростертую на земле Тамам:

- Так, осталась эта. Уложите ее на тендир на спину, да держите за руки, за ноги, чтобы не дрыгалась.

Воины бросились к Тамам, волосы которой разметались по земле, а лицо было в крови, подняли ее и уложили на тендир. От сильного жара Тамам очнулась, но не понимала, что происходит. О том, что в тендыре сгорели ее дети, она не знала. Когда командир с мечом подошел к ней, женщина закричала «Помогите!»

- Теперь тебе никто не поможет, - осклабился армянин.

Рукояткой меча он нанес сильный удар по животу женщины. Тамам вновь потеряла сознание. Потом он провел острием по ее большому животу. Когда он проткнул ее пупок, женщина застонала, потом, открыв глаза, посмотрела на того, кто держал ее за руки, и умерла. А командир продолжал разрезать ей живот. Показался младенец. Армянин схватил его за ноги и дернул, потом покрутив над головой, грохнул оземь. Приказал своим:

- Отпустите ее, она давно умерла. Обыщите дом, заберите все, что есть ценное. Здесь нам уже делать нечего. Пошли в другие квар-

талы мстить за Акопа. За одного Акопа мы принесем в жертву сто тюрок. Разве они могут быть такими мужественными, как Акоп?

Когда Гасан со своими людьми подоспел в мусульманские кварталы, армяне успели пролить немало крови, убили женщин, детей, стариков. У многих были выколоты глаза, у младенцев отрезаны головы, руки-ноги, женщины были изнасилованы на глазах у мужей, родителей, а потом убиты.

Они столкнулись с отрядами армян в верхних кварталах. Гасан выхватил меч:

- Бейте собачьих детей, никого не щадите!

Его люди, обнажив мечи, с криками «Аллах, Аллах и Мухаммед!» бросились в бой. Армян хотя и было немало, они не сопротивлялись, на шум выскакивали из дворов. Начался кровавый бой. О зверствах армян в городе уже знали. Через некоторое время в верхние кварталы стали подтягиваться мусульмане, кто с вилами, кто с топорами и даже мечами. В этот момент армяне стали теснить отряд Гасана, потому что преимущество численности было на их стороне. Однако появление подкрепления, присоединившегося к отряду красношапочников, изменило ход боя. Армяне сперва отступили, потом бросились бежать. Население города было в шоке от их деяний. Многие хотели преследовать армян до победного конца, но Гасан их успокоил. На небольшой площади яблоку негде было упасть. Теперь он был их героем. Народ поднял на руки двух его соратников. Гасан взметнул меч над головой:

- Люди, вы видели, что сделали эти безродные?

- Смерть гяурам! Смерть, смерть! – вновь забурила площадь.

- Эту бесчеловечность можно смыть только кровью!

- Идем на них, их нужно уничтожить!

Площадь буквально кипела, все жаждали мести. Глаза всем застилала кровь. Гасан поднял руку. Народ успокоился в ожидании, что скажет Гасан. В этот момент со стороны западной башни крепости раздался сильный взрыв. Детвора, которая была на крышах, закричала:

- Башня упала, башня упала!

- Люди, слушайте меня внимательно. Через некоторое время теи-муриды войдут в город. Западную башню уже взорвали. Теперь мы

должны идти на армян. Их немало и все они вооружены. Если теймуриды войдут в город, они никого щадить не будут. Получится, что нас начнут убивать и наши соплеменники по религии, и эти безродные армяне.

Стоявший напротив старик, глаза которого от ярости были нали-ты кровью, взмахнул небольшим мечом:

- Что ты предлагаешь? Я муфтий этого квартала. Наши погибшие валяются во дворах, на улицах. Мы теперь даже не успеем их похоронить, как нас убьют. Есть какой-то выход из этого положения? Разве можно терпеть такое?

- Есть выход, аксакал, есть выход, люди. – Гасан сперва посмотрел на муфтия, потом на народ на площади, жаждавший мести. Он понял, что любое его предложение будет принято. – Народ, вы знаете, что Теймур с большим уважением относится к муфтиям, сеидам, улям-мам. Он же является защитником Ислама.

Кто-то из задних рядов прокричал:

- Что ты тянешь кота за хвост, говори быстрее!

Гасан обернулся в сторону голоса, но не смог определить хозяина реплики. Но продолжил выступление:

- И я об этом. Пока не поздно, пойдёмте во дворец правителя Мустафы бека. Пусть сдаст город. – Показал рукой на верхние кварталы. – Итак, у нас много жертв, нельзя позволить, чтобы их число увеличилось. А сейиды пусть сообщат Эмиру Теймуру о зверствах армян. Армяне должны ответить за все. И еще. Нам уже ясно, что Мустафа бек не в состоянии нас защитить.

Со всех сторон раздались одобрителльные возгласы:

- Он прав!

- Очень умное предложение!

- Идем во дворец!

Гасану именно это и нужно было. Масса людей во главе с ним направилась в сторону дворца Мустафы бека.

Народ поставил Мустафу бека перед фактом. В сущности, у него не оставалось выбора. На семнадцатый день осады была взорвана западная башня, помощь, отправленная Беязидом, повернула назад, в самом городе армяне устроили бойню. Если не поторопиться, будет поздно. Время работало против него...

Когда открылись ворота крепости, Теймур сидел перед шатром, вдыхая свежий вечерний воздух, о чем-то раздумывал. За эти семнадцать дней осады все дервиши, купцы, отправленные им в разные концы света, возвращались с новостями. Даже небольшая, на первый взгляд, неважная весточка укладывалась в логические размышления правителя. Он как бы по кусочкам, слепляя, восстанавливал разбитое зеркало. И в этом зеркале ясно были видны все возможные шаги его противников, каждая новая весть подтверждала это.

О том, что правитель Сиваса Мустафа бек в сопровождении самых уважаемых людей, сейидов, улямов вышел из ворот города, Великому Эмиру первым сообщил Сулейманшах.

«Молодец, Гасан, свое дело сделал», - подумалось Теймуру.

Правитель, приняв прибывших послов, пообещал, что не прольет в городе ни капли крови. Ограничится лишь налогом помилования с мусульман. Но после того как ему Гасан и муфтий рассказали подробности о зверствах армян, он переменял свое решение. Но, тем не менее, он уже дал слово не проливать кровь...

Чуть позже войско вошло в город. Армяне без сопротивления сдались полностью. По приказу Эмира Теймура четыре тысячи армян отделили и выстроили возле крепостной стены. Обезоруженные армяне поняли, что будут наказаны. Они знали, что за совершенные зверства правитель их не простит.

Один из армян не удержался от реплики:

- А говорили, что после того, как город сдастся, кровь проливаться не будет. Это ли слово Правителя?

Эту фразу тотчас передали Эмиру Теймуру. В сущности, Эмир, несмотря на данное им слово, уже нашел способ наказания. Приказал, чтобы на месте построения армян десять тысяч воинов вырыли ров глубиной в два с половиной метра. Сулейманшах, собрав население города, зачитал указ:

- За жестокое убийство мусульманского населения армянские выродки приговариваются к смертной казни. Но, Великий правитель дал слово населению города, что не прольет ни капли крови. – Сулейманшах остановился, обвел взглядом собравшихся. Толпа недовольно загудела. – Поэтому совершившие зверства армяне будут заживо закопаны в землю.

Закончив, полководец дал команду воинам привести приговор в исполнение.

Теймуриды начали по одному сталкивать армян в ров. Тех, кто пытался сопротивляться, сгоняли ударом, но без крови. Вопль отчаяния, мольбы о пощаде стоял над рвом. Но пощады не было! Никому. Воины быстро забросали ров землей. Никто не смог выбраться. Через некоторое время стоны из-под земли прекратились. Закопанные люди стали пешками в большой игре.

...Гасан и его соратник Гюльбаба до этого ходили по рядам армян, выискивая Аракела. Но тот будто сквозь землю провалился. Ничего не дали тщательные поиски и в городе.

В один из дней Гасан со своим другом стояли возле западных ворот крепости. В этот момент мимо них проехал некий муфтий на ишаке. Муфтий ему показался очень знакомым. Но сколько Гасан ни думал, вспомнить не мог. Но муфтий явно был похож на кого-то. Вспомнил! Аракел... Но не смог его остановить. Против хитрости надо было проявить хитрость. Он вспомнил несколько армянских слов, запомнившихся в Сивасе. Наконец, догнав лжемуфтия, он спросил по-армянски:

- Вонцес, аймард? Хайес, тюркес¹⁰¹?

Услышав армянскую речь, муфтий вздрогнул, испуганно оглянулся. Поняв, что за ними никто не наблюдает, тихо сказал по-армянски:

- Хайес, ара, хайес¹⁰². – Потом перешел на тюркский: – Ара, вам что, голова на плечах надоела? Здесь теперь нельзя говорить на армянском.

Гасану это и нужно было. Схватив за ворот, он повалил муфтия с ишака на землю:

- Ты, собачий сын, Аракел, я тебя обыскался по всему городу! Ты собирался сбежать?! – И Гасан стал бить его ногами.

Аракел, поняв, что его маскарад раскрыт, начал хватать Гасана за ноги, умолять:

- Да умру я у ваших ног, не сдавайте меня теймуридам! Они или посадят меня на кол или заживо похоронят. Возьмите все, что у меня есть.

¹⁰¹ Как дела, мужик? Армянин, турок? (арм)

¹⁰² Армянин, ара, армянин. (арм)

Ему ответил Гюльбаба:

- Ты слышал, что копающий другому яму сам попадет в нее?

Гасан еще раз сильно двинул Аракела ногой в бок.

- Встань, сын безбожника! Твое золото и серебро правитель велит расплавить и влить тебе в глотку. – Гасан воздел руки к небу. – Слава Аллаху! Он не оставил не отмщенной кровь невинно убитых женщин, детей и стариков.

Взвалив Аракела на лошадь поперек седла, они привезли его в лагерь Эмира Теймура. После подробного допроса о его деяниях и связях Аракела посадили на кол. Это было самое страшное наказание. Целый день просидел он на этом колу, с нетерпением ожидая приготовления для него виселицы. Он стонал, умолял воинов быстрее соорудить виселицу. Когда его сняли с кола, Аракел не мог сделать и шага. Подхватив под руки, его подвели к виселице. Хотя это было сделано для назидания всем предателям, кто-то из толпы предложил отрезать кусок его тела и закопать у ног невинных жертв. Поэтому стало невозможным держать его висевшим несколько дней. Но никто так и не узнал, где похоронен этот негодяй.

Эмир Теймур приказал все крепостные стены сравнивать с землей. Больше эта крепость не сможет оказывать ему сопротивление.

Взятие Сиваса сделало неизбежным столкновение двух тюркских покорителей мира. В Европе это понимали все. Даже Папа Римский в честь этого устроил небольшое пиршество. Короли уже подумывали о спасении Европы и в связи с этим поздравляли друг друга.

Все двигалось в сторону сильной опасности. Это сражение будет далеко не из простых. Это Ильдрым Беязид прекрасно понимал, но не торопился отдать приказ о формировании большой армии.

Не торопился готовиться к неизбежному сражению и Эмир Теймур. Но это не было оттягиванием времени для уклонения от сражения. Сведения, собранные лазутчиками еще перед взятием Сиваса, заставляли его быть осторожным. По этим сведениям Ильдрым Беязид намеревался завлечь его вглубь Анатолии. В этот момент его могут атаковать с трех сторон: Черный Юсиф из Диярбекира, султан Ахмед со стороны Багдада и Ильдрым Беязид спереди. Самая большая опасность ожидалась из Сирии. Многочисленная армия султана Фараджа получала хорошую возможность нанести сокрушительный

удар. А впереди стоял Ильдрым Беязид, желавший получить реванш за Сивас. Если он пойдет вглубь Анатолии, то за последние тридцать лет получит первое поражение. Империя, с таким трудом созданная за многие годы, развалится. Победа под Сивасем подтверждала его превосходство, но это означало выиграть не войну, а одно сражение. Для того чтобы выиграть войну, нужно сделать многое, выиграть много сражений...

Отдельные счеты у Эмира Теймура были и с султаном мамлюков. Еще в 1393 году до Рождества правитель отправил посла в Египет, к султану Баркуку, но султан, совершив поступок, не подобающий султанам, велел казнить посла. Якобы, это должно было понравиться султану Ахмеду, сбежавшему из Багдада. После того как Эмир Теймур получил известие о казни своего посла, он сразу решил пойти на земли мамлюков. Но этому помешали события в Дашти Кыпчаке и Джете. Ему могли нанести удар с тыла, со стороны Тохтамыша. Поэтому, оставив Аталмыш Гевчи в крепости Авник, сам отправился в Дашти Кыпчак. После того как войско Эмира Теймура отправилось в Дашти Кыпчак, Черный Юсиф атаковал крепость Туркмен Авник, пленил Аталмыша и отправил его в Египет. Баркук и сейчас держал Аталмыша в тюрьме.

Еще будучи в Малатье, Эмир Теймур отправил посла по имени Гардун Гулам с письмом к султану Фараджу. «Твой отец занимался плохими делами. Одно из них – приказ о казни нашего посла. Такое не сделал бы ни один правитель. Посла нельзя убивать, это запрещено. Один из наших слуг Аталмыш Гевчи со связанными руками и ногами брошен в темницу. Ты можешь с ликованием править в Сирии и Египте. Но если пойдешь против нас, все беды, какие висят на плечах твоего отца, лягут и на твои плечи. Ты будешь нести ответственность за то, что пролил кровь мусульман», - говорилось в письме.

Как только Гардун Гулам доехал до Хелеба, правитель города, узнав о прибытии посла Эмира Теймура, приказал связать ему руки и ноги, и отправил к султану Фараджу. Фарадж, как будто ничего не произошло, приказал бросить посла в темницу.

Столкновение с султаном Египта и Сирии тоже было неизбежно. Но Эмир Теймур и здесь ждал своего часа. И он наступил. Того, кто с ним не считается, стоило бросить под ноги и заставить умолять.

Все подготовительные работы для похода на Сирию были проделаны. Завтра войско должно было отправиться из Сиваса. Такой неожиданный ход мог сделать только Эмир Теймур. Тогда как вся Европа ожидала сражения хромого Теймура с Ильдымом Беязидом, Великий Правитель оставил многих только мечтать об этом.

Он принял решение провести вечером в шатре последнее совещание. Шатер был освещен свечами и масляными лампами, внутренние стены оторочены шелком, а нижняя часть с целью прохлады приподнята на две пяди. По правую руку Эмира Теймура сидели сыновья, Мовлане Абдулджаббар, Ширваншах, правитель Шеки, по левую руку – эмиры.

Открыл совещание он сам:

- Мои храбрецы, моими приказами мы проделали долгий путь. Все, кто выходил навстречу, подчинились нам. Не подчинившихся мы наказали, выжав их, как сок плодов. – Теймур обвел взглядом эмиров, увидел признаки усталости на их лицах. – Но мы никогда не останавливались, не отказывались от намеченных целей. Наше упорство, наша неотступность ведут нас к новым победным вершинам. Я верю, что путь, который мы наметили, мы пройдем до конца. Наш путь в Сирию...

Завершив выступление, он взглянул на сыновей – Шахруха и Мираншаха, на внуков. Желаящие по молодости совершать героические поступки, они согласно кивнули головой. На левой же стороне движения не было. Тишина, будто в болото с лягушками бросили камень. Беки сидели, опустив головы. Эмир Теймур сильно удивился. «На них это непохоже. Кажется, за молчанием каждого кроется какая-то проблема», - подумал он.

- Мне было бы интересно услышать мнение Сулейманшаха, - обратился он к своему старейшему соратнику, с которым прошел, что называется, огонь, воду и медные трубы.

Сулейманшах тяжело поднялся. Казалось, на плечах у него два мешка соли и вот уже несколько месяцев он не может сбросить этот груз. Вид у него был подавленный и невеселый.

- Да продлятся годы правителя, - начал Сулейманшах, не глядя на Теймура. – Когда произносится ваше имя, птицы теряют перья, хищные звери – когти. Куда не направляется войско Эмира Теймура, оно без победы не возвращается...

- По тому, как ты говоришь – не поднимая головы, я понимаю, что хочешь сообщить нечто серьезное, - перебил его Эмир Теймур. – Я мог ожидать этого от кого угодно, но не от тебя. Если есть какая-то проблема, говори, не робей. Вы же знаете, что я всегда внимательно слушаю вас.

Сулейманшах поднял голову и взглянул на Эмира Теймура, который будто читал его мысли. Увидел во взгляде Эмира не гнев, а внимание, и набрался смелости:

- Да простит меня правитель!.. Под руководством великого Теймура войско отправилось в Индию, поставило эту страну на колени и подчинило себе. Вернувшись оттуда, мы без передышки отправились в Азербайджан и дальше в Грузию. В этих странах тоже, можно сказать, ни разу не отдыхали. Оттуда отправились в Рум, заняли приграничные пункты Рума и Египта. Опять не отдохнули. А теперь правитель желает идти в Египет и Сирию. Это очень тяжелый поход. Оружие воинов этих стран и их способность воевать известны всему миру. Если правитель проявит милосердие и разрешит армии вернуться домой и несколько дней отдохнуть, мы бы пришли в себя, смыли копоть и ржавчину. А потом, если нужно вернуться, придем с новыми силами. Однако если это предначертано судьбой...

Эмир Теймур пристально смотрел в глаза Сулейманшаха. В этих глазах не было страха. В них была безысходность от усталости. Он посмотрел на других эмиров. Чувствовалось, что они согласны с Сулейманшахом. В шатре наступило молчание. Эмир Теймур движением руки позволил Сулейманшаху сесть, по привычке помассировал правую руку, несколько минут молча раздумывал. Он верил этим людям, умел их убеждать и вести к победам.

- Победа и удача – это важнейший подарок, ниспосланный нам Великим Создателем. – Он обвел взглядом всех эмиров, которые внимательно его слушали. – Я не вижу ничего плохого, когда говорят о славе и победах наших воинов. Мы видим, что Аллах во всех делах нам помогает, усиливает нас, а врагов делает слабыми. А теперь мы должны направить все усилия на то, чтобы наша сила, душа были крепкими, потому что Великий Создатель всегда на нашей стороне. А причиной нашего похода в Египет и Сирию является неосторожность султанов этих стран, проявленная в отношении нас. Вы знаете, что несколько лет назад был отдан приказ казнить нашего посла. Им по-

казалось это недостаточным, и теперь сын султана бросил в темницу другого нашего посла. Если на все это не будет дан ответ сейчас, это будет неуважением к самим себе. Они решат, что Эмир Теймур боится султана, которому чуть больше лет, чем моему внуку. Разве я не прав, беки?

Эмиры молчали. После такой железной логики возразить было сложно. Если бы это выступление не удовлетворило бы их, Эмир Теймур представил бы им более глубокие и серьезные причины и доводы. Но этого выступления было достаточно, и все присутствующие с ним согласились. Султаны Египта и Сирии на самом деле оскорбили Эмира Теймура и каждого из них.

Когда официальная часть совещания завершилась, Эмир Теймур неожиданно приказал начальнику охраны Техмез беку:

- Введи этого гяура! – сказал он и посмотрел на Шейха Ибрагима Ширваншаха. – Я говорю о Насими, поэте-хуруфите...

Все удивленно переглянулись. Только Шейх Ибрагим Ширваншах опустил голову...

...Халилу Султану после взятия Сиваса было поручено проверить все тюрьмы, выяснить, кто за что туда попал. Он сидел в комнате начальника тюрьмы, по одному вызывал заключенных, расспрашивал, при необходимости давал указание об освобождении, или же отправлял обратно в тюрьму. Очередным заключенным был одетый в холщовое рубище дервиш. Помня отношение деда к дервишам, он предложил тому сесть. Этот дервиш не был похож на других. Одежда его совсем прохудилась, волосы из-под остроконечной шапки ниспадали до плеч, заросшее бородой лицо излучало свет. Халил Султан спросил, как его зовут.

Понимая, перед кем он сидит, дервиш, тем не менее, не теряя достоинства, ответил:

- Насими... Имадеддин Насими!

Халил Султан, услышав это имя, так вздрогнул, что табурет под ним закачался. Изумленно посмотрел на этого необычного человека. Он не мог поверить ни глазам своим, ни ушам. Поэт, которого он любил больше всех в мире, сидел напротив! После того как он прочел его стихи, ему казалось, что такой поэт вообще не жил на свете. Просто где-то в этих местах живет его душа и пишет стихи. Такие

поэты бывают только в сказках. О них слагают легенды. Его стихи не вмещались во времени и пространстве, и кому могло придти в голову, что человек, который пишет эти стихи, вот он, рядом, дышит тем же воздухом, что и все. Живет судьбой, предначертанной Аллахом.

- Как вы сказали? Насими?..

Насими, видя растерянность молодого человека, улыбнулся.

Кивнул головой:

- Да, Насими...

- Но ведь Насими... Он...

- Может, вы считали, что я просто пространство? Это как сказать: где, когда и для кого...

Халил Султан от волнения не совсем понял, что хотел сказать Насими, и непроизвольно прочел две строчки стиха:

Когда твой образ создавать писец предвечный стал,
Он капли-родинки ронял, как точки зерн-семян.

Шаща, кюнлцм пярیشان олду сянсиз,
Бизярим допдолу ган олду сянсиз...

Насими удрученно улыбнулся и продекламировал вторую часть стиха:

Где розы выросли, скажи, подобные тебе?
Да есть ли кипарис в саду, стройнее, чем твой стан?

Йягиндир сяндян айры, шащи-хубан,
Бу кюнлцм тяхти виран олду сянсиз.

Потом ушел в глубокое раздумье. Он словно не замечал Халил Султана, разговаривал с ним отрешенно.

- Я вижу, мои стихи дошли и до Самарканда. Наверное, это хорошо.

Принц не знал, что говорить и что делать дальше. Ему даже трудно было принять решение об освобождении поэта.

Его колебаниям положил конец сам Насими:

- Я вижу, ты колеблешься, молодой человек. Это для вас хорошая возможность взять меня. Если ты не сообщишь обо мне Теймуру, он тебя накажет. Будет лучше, если ты скажешь ему. Я давно смирился со своей судьбой...

Когда Халил Султан сообщил об этом деду, тот не поверил. Этот дервиш на самом деле Насими? Его мог узнать только Шейх Ибрагим. Теймур не стал его принимать напрямую. Может, это просто какой-то мошенник, желающий попасть на прием к Теймуру. Он немало видел таких на своем веку.

Когда Шейх Ибрагим увидел в шатре Насими, он изумился и покраснел. По-видимому, устраивая им очную ставку, Эмир Теймур что-то хотел доказать ему. Но все получилось иначе.

- Этот человек называет себя Имадеддином Насими? – спросил Теймур.

Ширваншах еще раз посмотрел на Насими. После его ухода из Шемахи жизнь дервиша сильно изменила его. Но глаза... Они были такими же лучистыми и глубокомысленными. Даже больше, чем раньше. Непонятной была только улыбка. Стоя перед властелином мира, он продолжал улыбаться, не думая о том, какая опасность ему грозит.

Опустив голову, Ширваншах тихо произнес:

- Да, это он. Перед вами Имадеддин Насими.

Эмир Теймур совсем не ждал этот ответ. Удивленно посмотрел на поэта, ему показалось, что весь мир обрушился ему на голову. Он защелкал четками, но не сказал ни слова и взгляд от Насими не оторвал. Насими тоже глядел на него с легкой улыбкой, словно не видя и не понимая, кто перед ним.

Молчание в шатре затянулось. Мовлане Абдулджаббар, глядя на Насими, не понимал, почему Эмир Теймур устроил эту встречу, и в его голове крутились самые разные мысли. Его внутреннее волнение перемешалось со страхом, он не мог говорить. Радовался этому лишь один Халил Султан. После того как он сдал Насими деду, поэта никто не видел, даже он сам. И теперь он радовался, видя его. Шахрух хотя и не любил поэта-суфия, его ханум Гевхар Шад в Герате обожала любовные стихи Насими. Мираншах же вертелся, сопел, не мог найти себе место. Он тоже долгое время пытался напасть на след Насими, но

у него ничего не получилось. А теперь отец всего как год приехал, и на тебе, Насими перед ним. Он не мог забыть, что хуруфиты называли его не Мираншах, а Мараншах, что означало «змея-шах». Устад хуруфитов Ферзуллах Наими тоже ему часто снился. И это тоже было неслучайно. После того как он его казнил, узнал о том, что родившийся в Тебризе, но выбравший центром хуруфитов Баку, Наими в тоже время был искусным толкователем снов. Прежде чем ему пришел такой дар, он побывал в Хорасане, Багдаде, Бухаре, Самарканде, Мешхеде, Мазандаране, Исфагане, встречался со многими улями.

В этом месте, называемом Азербайджан, было очень много чудес. Но самым главным чудом были его люди. Он больше нигде не встречался с такими чудесами.

...Говорят, что Наими даже свою смерть увидел во сне. Еще в те времена, когда восхождение Эмира Теймура не началось, Наими приснилась увеличивающаяся на Востоке яркая звезда. Свет ее слепил всем глаза. От этого яркого света он и проснулся, но даже наяву звезда долго не уходила. Он рассказал сон окружающим, задумался. И сам же растолковал его. Сказал, что когда-то эта звезда издаст указ о его казни. Так и случилось. Когда Эмир Теймур первый раз завоевал Азербайджан, Наими написал ему жесткое письмо и отправил в Самарканд. После этого везде началось преследование хуруфитов.

Про него рассказывают легенды. Говорят, что однажды, когда Ферзуллах был в Исфагане, к нему подошли два молодых человека. Родители этих молодых людей куда-то закопали деньги и, никому об этом не рассказав, умерли. И теперь они просили помощи в поиске денег. Ферзуллах посоветовал им после утреннего намаза выйти за город, вернуться и рассказать ему о первом увиденном. Молодые люди так и сделали, вернулись и рассказали, что увидели кабана и свинью. Свинья, увидев их, убежала, а кабан некоторое время крутился вокруг них, потом убежал в ту же сторону, что и свинья. Ферзуллах так растолковал этот сон: место, где кабан делал круги, - у ваших ворот, там и ищите ваши деньги. На следующий день молодые приходят к нему и показывают деньги. Он им разъяснил, что мужчина, который знает об этих деньгах, знает еще о многом другом. Но ему не нужны чужие деньги, они их по праву...

Теперь в этом шатре один из ярчайших учеников устада Сейид Имадеддин Насими стоял перед Эмиром Теймуром со связанными руками.

Два великих человека стояли друг против друга. Один мечом завоевывал земли, всех ставил на колени. Другой словом заворачивал души, будоражил умы, не склонял голову ни перед кем.

Время жестокой рукой прошло по обоим. Насими, который был наполовину младше шестидесяти четырехлетнего Эмира Теймура, выглядел на столько же, борода его уже начинала седеть. Часть волос, ниспадающих на плечи из-под остроконечной шапки, уже была пепельного цвета. Но осанка была гордой. Войдя в шатер к великому устату сражений, уstad слова лишь чуть склонил голову, но не поклонился в землю. Находящиеся в шатре были изумлены этим поведением. Самые заклятые враги, известные полководцы склонялись в поклоне перед величием Эмира Теймура. Но правитель не обратил внимания на изумление своих людей. Среагируй он по-другому, это было бы его поражением. Лучшим было не подавать вида в таких ситуациях. Прошел к своему трону, сел и издали опять стал наблюдать за поэтом. Нет, у него не получилось «принизить» высокого Насими, даже на расстоянии поэт выглядел величественно. Наконец-то перед ним появился человек, который ничего не боялся, даже смерти, был смелым и достойным. Если он не склонялся перед ним, значит, он сильнее. Правда, перед временем и он был бессилён...

- Время состарило тебя, поэт, - нарушил тишину Теймур. – Ветер старости причесал твои волосы...

- Меня могут привести к тебе со связанными руками, - показал Насими на свои руки, - но никто не сможет заставить преклонить перед тобой колени мою душу...

В шатре зароптали, ибо это было высшей степенью неповиновения. Эмир вновь не обратил на них внимания. Чем дальше, тем больше ему нравился этот мудрый поэт.

- Развяжите ему руки, посмотрим, будет ли тело свободно, как душа?

Охранник подскочил, развязал поэту руки и тут же удалился.

Насими потер посиневшие от веревок запястья.

- Для того чтобы тело было свободно, правитель должен издать указ, а для свободы души в этом нет необходимости. Душа принадлежит Всевышнему. Свободный дух стоит выше правителя.

- Выше правителя только Аллах, опять претендуешь на божественность? – спросил Теймур, гневно глядя на Насими.

Другой под таким взглядом потом бы истек, разволновался бы и замолк. Но поэт не обратил на это внимания.

- Аллах есть везде. В каждом камне, дереве, земле, птицах, в людях живет его олицетворение. Все это песчинки, созданные им.

Эмир Теймур встал. За ним встали все. Хромая, он подошел к Насими, остановился перед ним. Посмотрел ему прямо в глаза. В глазах поэта была величественная скорбь.

- Гяуры, сошедшие с пути Аллаха, тоже есть крупинцы, его олицетворение?

Насими не отвел взгляда от Теймура. Кажется, коса нашла на камень.

- Они тоже созданы Аллахом, его милостью и состраданием, но сбились с пути. Из-за внутренних переживаний, быта, зависти, ненависти, иногда силой меча они забыли, что Аллах един. Потушив огонь Аллаха внутри, копаются в пепле.

Эмир Теймур не захотел согласиться с ним.

- Хорошо, но для того, чтобы снова зажечь в людях огонь Аллаха, я многие годы на коне, прохожу тысячи фарсахов, мечом и огнем пытаюсь гяуров вернуть к Аллаху, чтобы они признали Его – Единого. У меня ни дня, ни ночи. От конского седла у меня мозоли. С этим войском, - он показал на стоящих рядом полководцев, - я был в Кафистане, в Индии. Чуть не побывал в столице урусов – Москве. Часть грузин обратил в мусульманство. Армян выгнал с тюркских земель. Везде поднял флаг Ислама. Но вы, хуруфиты, восстали против меня, в Азербайджане поддержали повстанцев. Почему?

Насими улыбнулся:

- Правитель, религия, насажденная силой, недолговечна! Моя страна не приемлет силу, не приемлет войну.

- А что приемлет твоя страна?

- Наша наука проповедует видение Аллаха через восприятие. А главное – знания, образование. Мы, хуруфиты, не присоединились к

повстанцам, лишь показали им путь. Мы им объяснили, что, порой, вовремя сказанное слово равносильно действиям армии. Ключ всех сложностей – в науке, даже познание Аллаха.

До этого момента весь на нервах слушавший этот диалог Мовлане Абдулджаббар не выдержал. Испугался, что правитель отпустит поэта. Даже представив плаху палача, он набрался смелости, заговорил:

- Правитель, прошу прощения за смелость, - сказал он, указал пальцем на поэта, - но вы не очень-то слушайте этих хуруфитов. Они своим сладким языком уводят сущность Ислама с праведного пути. Вносят раздор в религию. Можно подумать, нам недостаточно проблемы суннитов и шиитов, так и они туда же со своим хуруфизмом. В их религии говорится, что олицетворение Аллаха, прежде всего, в цифрах и числах. Если это не так, то, значит, и Аллаха нет.

Слова Мовлане будто разбудили остальных, послышались возгласы «Он правду говорит!»

Поэт иронично улыбнулся, глядя в глаза Мовлане:

- Ваша смелость имеет такой предел, какой вам позволит правитель. И ваша свобода не дальше этого. Аллах не любит тех, кто искажает.

Эмир Теймур понял, что если поэт продолжит свои высказывания и дальше, он свернет Мовлане в бараний рог. Это ему было件 нужно. И Теймур вернулся на свое место.

- Прекратите! – приказал он всем сесть движением руки.

Абдулджаббар, недовольно ворча себе под нос, прошел на свое место. И тут Эмир Теймур, неожиданно для всех, объявил совершенно противоположное решение:

- Поэт, ты свободен. Но не появляйся там, куда распространяется моя власть.

Это было окончательное решение Эмира Теймура. Абдулджаббар, не выдержав, вновь встал и выразил свой протест против такого решения.

- Правитель, нельзя отпускать этого гяура хуруфита. Он всех сведет с праведного пути.

Эмир Теймур не рассердился на Абдулджаббара, а в душе даже оправдал его. Но решение было принято.

- Не волнуйтесь, - гневно сказал он, - в век властвования мечей он далеко не сможет уйти. Напорется на чью-то фетву¹⁰³. Но я, Эмир Теймур, завоевавший мир мечом, не могу стать причиной смерти человека, пишущего такие прекрасные строки, не могу попасть в историю с кровью на руках!

И он зачитал один из стихов Насими:

Пришла весна, весна идет в красе зеленого покрова,
Забудь незрелых дум разброд, - вино в кувшинах бродит снова!

«Внемли, - мир тайн ко мне воззвал, - здесь все твое: уста красавиц,
И хмелем брызжущий фиал, и сад, расцвеченный пунцово!»

Пусть суфий чистый хмель не пьет – не обращай к нему укоров:
Ему дан высший дар щедрот – осадок, пенная основа!

Мцняввяр ябщярин тцркц евин йаьмалады яглин,
Моболь щяр ганда варыrsa дцщяр тараьц йаьмайа.

Нясими чцн сяни булду, дц алямдян вящид олду,
Кясилди мавц мянликдян, улашды зати-йектайя.

Присутствующие в шатре с удивлением и восхищением слушали Эмира Теймура. Его ставший кротким взгляд уходил в далекие края...

Освобождению поэта от души радовался лишь один человек – Халил Султан.

В 1399 году султан Баркук, один самых сильных и упрямых противников Теймура, скончался. На трон был посажен его десятилетний сын Фарадж. С его приходом к власти при дворе начались раздоры. Если бы Эмир Теймур не воспользовался этим, он не был бы великим полководцем. Еще перед тем, как на мировой арене появился Гази Осман, египетская империя, в XII веке возглавляемая Салахаддином, считалась оплотом Ислама. Это была единственная сила, способная защитить Ислам от крестовых походов.

¹⁰³ Эмир Теймур был прав. Через двенадцать лет после его смерти поэта казнили, живьем содрав с него кожу.

После того как обитавшие во Владимире и Киеве кыпчаки-гузы ослабели, русские князья брали в плен их мальчиков, вывозили к портам Черного моря и продавали в Византию и другие страны. Халифы, султаны с охотой покупали этих физически здоровых детей, включая их в личную охрану. Если эти дети проявляли себя проворными, воинственными, то получали свободу, но продолжали служить. В Египте считали, что, получив свободу, служить они будут очень верно. Однако пленные кыпчаки – мамлюки, полностью сформировав военную элиту, совершили переворот и в 1250-1517 годах заложили основу новой династии. В 1517 году, когда султан Салим I завоевал Египет, мамлюки признали себя его вассалами. Во времена Салахаддина был возвращен Иерусалим, территории Сирии и Египта были объединены и на этой основе создана большая империя.

Во времена Байбарса империя мамлюков переживала свой самый пышный расцвет. Байбарс впервые в 1260 году остановил нашествие татарского хана Хулаки, одержав над его армией в Палестине убедительную победу. Он не стал преследовать бежавших татар, пойдя на крестоносцев. В 1263 году, одержав над крестоносцами блестящую победу, отнял у них Антохию. С этого момента начался взлет Египта. Современники пишут, что в каирском порту Булак было втрое больше кораблей, чем в Генуе и Венеции. При поддержке Каира и Дамаска мамлюки держали под контролем морской торговый путь в Индию. Под их неусыпным контролем были и паломники, отправлявшиеся в Мекку и Медину. Когда татары взяли Багдад, халифы перебрались в Египет.

Во времена правления султана Фараджа от былого великолепия не осталось и следа, каждая область страны была фактически в состоянии войны с какой-то другой областью.

Эмир Теймур, взвесил все это и, невзирая на расчет Европы и османского султана, повел войска не вглубь Анатолии, а повернул в сторону Сирии. От имени правителя Шахруху пришел первый приказ: «Выступить в авангарде со своим войском и осадить крепость Би-хишти!» Когда Эмир Теймур подошел к Би-хишти, крепость с четырех сторон была окружена людьми Шахруха.

Крепость Би-хишти располагалась в долине между горами. Стены ее были крепкими, выложенными из камней скальной породы. На

стенах размещалось двадцать катапульти. Начальник крепости, после того как она была осаждена, совершенно спокойно закрыл ворота и приготовился к осаде, будучи уверен в неприступности своей цитадели. Так как с восточной стороны Бишишти проходил караванный путь, то остановившиеся в крепости рассчитывали некоторое время переждать под защитой ее стен, думая, что из Хелеба или из другого места к ним придет помощь.

...Осень только вступала в свои права. Оттого, что в этих местах жара еще не отступила, и осажденные, и осаждающие мечтали о свежем ветерке и прохладе. Жаркие солнечные лучи так прогревали долину, что у людей останавливалось дыхание, они с нетерпением ждали наступления вечера и ночи, когда становилось не так жарко. Солнце уже садилось; Эмир Теймур, обошедший крепость по периметру, не стал заходить в шатер, а присел в тенечке, приготовившись принять решение. В этот момент одна из катапульти на крепостной стене ухнула и в сторону лагеря полетел огромный камень. По полету камня и по тому, как тяжело сработала катапульта, он определил, что в каменном снаряде не менее четырех пудов. Ему стало интересно. Его внимание было приковано к катапульте с крепостной стены. «Другие не работают, только эта кидает камни. А почему бездействуют другие? И куда нацелены выстрелы катапульти?», - подумал он.

Долго ждать не пришлось. Когда огромный камень со свистом упал прямо на его шатер, земля вздрогнула. Пыль, взметнувшаяся столбом, через некоторое время осела. Прибежали его люди из соседних шатров. Но, увидев, что Эмир Теймур сидит в стороне, возрадовались и возблагодарили Аллаха. Как хорошо, что правителя не было в шатре! Правитель, хотя и посмеялся над их молитвами, но причину не сказал. Вместо этого приказал подогнать катапульту на колесах и установить ее на месте разрушенного шатра. Через некоторое время место, где стоял его шатер, было расчищено и катапульта установлена.

- С какой катапульти сюда был брошен камень? - спросил он у стоящего рядом Тахмаза.

За крепостными стенами были видны только верхушки катапульти. Тахмаз бек указал пальцем на ту, которая была напротив шатра Эмира.

- Если я не ошибаюсь, мой правитель, вот с той.

Теймур посмотрел в направлении, указанном Тахмазом, потом обернулся к десятнику, стоящему возле катапульты:

- Ты сможешь снести ту катапульту на крепостной стене?

Десятник, приложив руку козырьком, взгляделся, на глаз определил расстояние, потом чуть ослабил натяжную веревку катапульты, регулируя расстояние броска каменного снаряда. И только после этого доложил:

- Мой правитель, я снесу ее одним выстрелом, вы только прикажите.

- Тогда начинай, дай достойный ответ. Пусть поймут, что мы стреляем не хуже их.

Когда каменный снаряд, брошенный катапультной, полетел в сторону крепости, Эмир Теймур проследил за ним, так же, как его десятник, приложив руку козырьком ко лбу. Снаряд упал на заднюю часть крепостной катапульты, свалил ее за каменную стену. От катапульты в разные стороны полетели доски и бревна.

- Молодец, молодец! – раздалась возгласы.

...В провинции Фарс принц Рустам присоединился к войску деда. Показал ему все добытые богатства. К этому времени готовящиеся подкоп воины завершили свои работы, укрепили подкоп подпорками, положили деревянный настил. После завершения всех работ поступил приказ Эмира Теймура: «Наступать на крепость со всех направлений!» Одновременно были задействованы и все катапульты. Были подожжены все деревянные конструкции в подкопах. Катапульты стали методично бить по крепостным стенам, постепенно разбивая их. Стремительность атаки смешала небо с землей. Воинственные крики со стен крепости еще более подогревали нападавших. Правитель крепости Мугбиль, видя бесполезность обороны, отправил к правителю гонца с посланием: «Я от страха не могу выйти из крепости. Прошу вас, дайте мне свободу, пожалейте вашего слугу». Эмир же ему ответил так: «Дам свободу лишь после того, как возьму крепость. Если я сейчас остановлюсь перед воротами крепости, народ не поймет меня, подумает, это я не смог ее взять».

После этого атака на крепость стала еще более ожесточенной. Огонь, горевший в подкопах, ослабил связку крепостных стен, и они

начали рушиться. Все поняли, что это конец. Теймуриды непременно хотели ворваться в крепость. И в этом момент сейиды, гази и уважаемые люди крепости с дорогими подарками обратились к Шахруху. Они желали, чтобы он был посредником между ними и Эмиром Теймуром. Теймур не смог отказать сыну и пощадил всех, кто был в крепости. В его честь были прочитаны молитвы и отчеканены монеты.

...Стояли последние дни сентября 1400 года. Войско Эмира Теймура направилось к очередной крепости на пути следования – Айнтобе. Эта крепость была знаменита своей замкнутой жизнью. Так, сюда не допускались караваны, здесь не любили гостей. О прочности и неприступности крепости ходили легенды. Но и дервиши свою миссию выполняли мастерски. Когда войско Эмира Теймура приблизилось к Айнтобе, правитель крепости, влиятельные люди, сейиды, испуганные страшными слухами о правителе, предпочли защите крепости бегство. Простые же люди, оставшиеся в крепости, настежь распахнули ворота перед Эмиром Теймуром. В крепости было больше чем достаточно продовольствия и необходимых для армии вещей, так что воины могли пополнить свои запасы для последующего похода. Взятием Айнтобы открывался прямой путь на Хелеб...

И Эмир Теймур указал направление на Хелеб.

Над Хелебом начали сгущаться черные тучи. Из этих туч в любую минуту мог грянуть гром, заискриться молнии, которые могли сжечь город, а ветер развеял бы пепел по окрестностям. Тучи пока еще не дошли до Хелеба, но там уже начались разногласия. По узким, вымощенным камнем улочкам уже бродил ангел смерти. Люди от страха съежились. Они понимали, что через несколько дней потеряют все: нажитое, близких, которые будут жертвами мечей, стрел, копий... Поэтому ходили как тени, боясь даже что-то сказать.

Страшная весть всегда летит быстрее птицы, ошеломляет и тревожит всех. Этот поход оказался именно таким. Машина слухов Эмира Теймура работала безупречно, выполняя работу не меньшую, чем его войско. Теймур еще был в Айнтобе, а его дервиши, купцы, беженцы уже заполняли слухами Хелеб и Дамаск.

Правитель Хелеба Демилдаш, услышав о взятии последних двух крепостей, отправил гонца за помощью в Египет. От правителей Сирии и Египта сразу поступил приказ: «Всем правителям и полководцам провинций собраться в Хелебе».

Далее в Хелеб стали стягиваться войска из всех регионов Сирии и Египта. Там собрались вооруженные до зубов беки из Дамаска – Шадун, Хамса, Харна, Антакия, Тараблус, Набулус, Баалбек, Канари, Газа, Рамал, Гудс, Караки и полководцы из других провинций.

Демирдаш бек, проведя смотр войск, несколько успокоился. Но сведения, собранные им об Эмире Теймура, не давали покоя и сильно его тревожили. Этот поход не был похож на другие. Он разговаривал, спорил сам с собой, отчитывался... самому себе. «Где сегодня взять Байбарса, чтобы он противостоял Теймуру? Что может противопоставить маленький ребенок этому исполину?», - думал он.

Его инертность, пессимистичность, нерешительность невольно передались и остальным полководцам. Демирдаш бек решил, что с гостями надо играть в открытую. После ужина, когда слуги убрали скатерти, правитель Хелеба обратился к гостям:

- Досточтимые беки, бесстрашные полководцы! Я благодарю вас за то, что для защиты Хелеба, вы, не медля, прибыли сюда со своими воинами. Но я хотел бы с вами поделиться некоторыми соображениями. Прошу вас выслушать меня внимательно. Потому что враг наш слишком близко!

Находившиеся в зале беки и полководцы, опершиеся после сытного ужина на мягкие подушки, больше мечтали об отдыхе, чем о серьезном разговоре. Но в то же время нельзя было обидеть и хозяина дома. Некоторые в знак согласия закивали головами.

Демирдаш бек, собравшись, начал:

- Уважаемые! То, что происходит сегодня, нельзя считать легким делом. – Он пристальным взглядом обвел всех – все внимательно слушали. – Потому что тот, кто идет на нас, очень силен! Доселе, где бы он ни был, какую бы крепость ни осаждал, он добивался своего. Того, кто пытался ему сопротивляться, он либо унижал, либо рано или поздно прибирал к рукам. Или вовсе уничтожал. Он захватил в мире много земель: Туркистан, Хорезм, Хоросан, Забулстан, Индию,

Теберистан, оба Ирака, Хузистан, Грузию, Азербайджан, Фарсистан, Диярбекир. Всё подчинил себе!

За короткий период он подчинил себе и всех правителей этих стран и, кроме себя, никого и близко не подпускает к управлению ими. Я не хочу ни этого, ни гибели наших людей. Мне в голову пришла одна мысль, – и правитель Хелеба вновь прервался и обвел взглядом присутствующих. У многих были очень удивленные лица, но слушали его внимательно. По-видимому, они все же чего-то боялись. Поэтому правитель города настойчиво продолжил: – Я предлагаю заключить с ним мир. Прочтем в его честь пятничную молитву, отчеканним монеты, отправим к нему сейидов, улямов и шейхов. Только бы от него нам не было вреда!

Зал загудел. Демирдаш бек молча ждал. В этом бурлении зала было все: и одобрение, и возражение, и страх. Он еще раз внимательно обвел взглядом присутствующих. Его взгляд остановился на тех, кто был с ним согласен.

- Я абсолютно согласен с тем, что сказал уважаемый правитель Хелеба, - начал один из них. – Он абсолютно прав! Я тоже многое слышал об Эмире Теймуре. По сей день никто еще не смог его победить. Куда бы он ни шел, он все разрушал или захватывал. А в тех местах, которые пытались ему сопротивляться, он не оставлял и камня на камне. Я слышал, что он с большим уважением относится к сейидам, улямам и шейхам. Он всегда исполняет их просьбы.

Многие сидящие в зале закивали головами в знак согласия. Видно было, что говорящего поддерживают умные люди. Но здесь были и другие – самодовольные, не видящие ничего дальше собственного носа. Этих возглавлял беглярбек Дамаска Шадун. Он считал, что если он из столицы Сирии, значит, важнее и главнее всех, и все сидящие должны во всех вопросах советоваться лишь с ним. Сидя по правую руку от Демирдаша, он сердито засопел, потом без предупреждения встал:

- Тот, кто трус, никогда не достигнет цели! Наша страна не похожа на другие! В тех странах крепости построены из глины и кирпича-сырца. Наши же крепости – из черного камня. – Он обвел взглядом зал, ища поддержки. Некоторые кивком головы поддержали Шадуна. Это его воодушевило. – Если они подойдут к одной из наших крепо-

стей, им понадобится год, чтобы ее взять. Что вас так сильно испугало? Если у них много воинов и оружия, у нас тоже достаточно египетских и дамасских мечей, арабских стрел и хелебских щитов. В этой стране – кроме больших городов – более семидесяти тысяч деревень и маленьких городков. Если из каждого мы возьмем по десять человек, это будет очень большая армия.

Демирдаш на самодовольное выступление только покачал головой. Потому что оно многих сводило с верного пути.

- Здесь некоторые, видимо, неправильно меня поняли, - терпеливо начал говорить Демирдаш. – Я не боюсь сражения, но если мы вовремя не оценим противника, накличем на свою голову беду. – Повернулся к Шадуну. – Достопочтенный беглярбек говорит, что наши крепости настолько сильны, что взять их невозможно в течение года. Хочу напомнить уважаемому беглярбеку, что Эмир Теймур всего два месяца на территории Сирии, но уже взял две крепости и теперь стоит у стен Хелеба. Потом здесь было сказано о том, чтобы из каждого города и каждой деревни взять по десять человек и наша армия по численности будет огромной. Уважаемые беки, нам нужна профессиональная армия, а не мясо, отправляемое на убой. Надо четко помнить, что воины Теймура имеют громадный опыт многих сражений и что один его воин вмиг уничтожит сто наших деревенских «солдат». Поверьте, у меня эти сведения из первых источников.

Демирдаш говорил еще некоторое время. Но какими бы логичными не были его мысли, многие поддержали Шадуну...

Эмир Теймур отнюдь не был намерен устроить осаду Хелеба и надолго застрять под его стенами. По имеющимся у него достоверным сведениям арабы больше любили спорить и ссориться, нежели воевать. Для мужчин было важным наестся до отвала, для женщин все затмевали драгоценности, одежда, веселье. Более того – он намеревался здесь использовать тактику, которую он применил в Дели. Сперва отправил вперед небольшие группы под руководством Султана Гусейна и Абу Бекра. Эти группы, встретившись с многочисленными лазутчиками, давали небольшой бой, потом отходили назад. Таким образом, у защитников Хелеба сложилось мнение, что войско Эмира Теймура не такое уж и непобедимое. Для них это означало, что с этим войском можно сразиться и легко победить его.

Демирдаш и Шадун в итоге решили дать бой Эмиру Теймуру в открытом поле рядом с Хелебом.

Этого Эмир Теймур и добивался. Он не мог дать возможность врагу попрятаться в крепости или в горах. Одним словом, беглярбек Шадун попался в ловушку Эмира Теймура, словно птица, клюв которой увяз в дегте. Объединенное войско Хелеба вышло из города и приготовилось к сражению. Беглярбек Шадун командовал правым флангом, куда входили и мамлюки. А правитель Хелеба Демирдаш взял на себя командование левым флангом, также усиленным некоторым количеством мамлюков. Пешие воины были выстроены посередине. С такой военной тактикой можно было воевать только лишь с самим собой. Это и стало причиной их поражения.

Как только Эмиру Теймуру доложили о форме построения вражеских войск, он тут же внес изменения в свою тактику. Поручил сыновьям Мираншаху и Шахруху возглавить правый фланг, а хану Джагатаю султану Махмуду – левый. Правый и левый фланги авангарда были поручены сыновьям Мираншаха Абу Бекру и Султану Гусейну. После сражения под Дели Эмир Теймур внес изменения и в построение армии. Разряженных и покрытых броней слонов он вывел на первый план.

30 октября 1400 года обе стороны с возгласами «Аллах Акбар!» бросились в атаку. Пустыня не была приспособлена для таких сражений. Пыль стояла столбом от топота людей и копыт лошадей. И в этом пыльном тумане слышался звон мечей, свист стрел, стоны и проклятья, предсмертные хрипы. Казалось, время остановилось, и им руководила только власть смерти. Армия Хелеба, никогда в жизни не видевшая боевых слонов, приходила в ужас от одного топота ног этих гигантов. Эта армия не была готова воевать со слонами. Когда слоны разнесли в пух и прах левый фланг сирийцев, теймуриды взяли инициативу в свои руки. Под их сильным нажимом воины Демирдаша сперва отступили, потом бросились бежать. Это и предрешило ход сражения. Сирийцы через час после начала боя бросились в город. И тут теймуриды начали операцию по полному уничтожению бежавших с поля боя воинов противника. Их настигали удары мечей, копья и стрелы. Бегство Демирдаша стало причиной паники и на правом

фланге Шадуна. Его люди вслед за воинами Демирдаша бросились бежать под защиту крепостных стен. В одно мгновение в пыли остались только многочисленные трупы и лужи крови, которые жадно впитывал песок. Раненые, оказавшиеся под копытами лошадей, не могли встать и только стонали, а, попав под копыта очередной лошади, погибали. Ворота города не могли вместить такую массу людей и, естественно, началась давка. Многие нашли свою смерть, упав в ров, окружавший город. Во рву около ворот было столько трупов, что по ним можно было ходить. Всадники в этой давке одним ударом пики поражали двоих-троих, а стрелы косили людей, как серп косит рожь. Никому не было пощады... Когда армия ворвалась в город, женщины и дети от страха спрятались в мечетях.

В этот день Хелеб пал. Демирдаш и Шадун успели спрятаться в крепкой, со многими тайными ходами, внутренней крепости. Впрочем, теймуриды без труда осадили и эту крепость. Лучники Эмира были так искусны в своем деле, что не позволяли сирийцам даже голову поднять из-за стен. Теймуриды, не теряя время, стали рыть подкоп под внутреннюю крепость. Для того чтобы не было новых жертв, Эмир Теймур отправил в крепость известие: «Наше дело связано не с величием армии, а с величием Великого Создателя. Только он один силен. Крепости, горы, реки для нас словно равнина. Поэтому не надейтесь на эту крепость, пожалейте кровь мусульман, которая может пролиться. Сдайтесь и выйдите из крепости. Иначе кровь невинных мусульман будет на вашей совести».

После этого известия Шадун и Демирдаш поняли, что сопротивление бесполезно. В противном случае они стали бы причиной смерти женщин и детей. В сопровождении сейидов, улямов и шейхов были открыты ворота внутренней крепости. Из голов тех, кто еще продолжал сопротивляться, был насыпан холм.

Демирдаш бек наряду с ключами от крепости вручил Эмиру Теймуру и ключи от казны, которая хранилась здесь еще с древних времен. Эмир Теймур с большим удовольствием осмотрел эту казну. Золоту и драгоценностям не было числа. Если только в одном сирийском Хелебе было столько богатств, так сколько же их в Дамаске, долгие годы бывшем столицей халифата?

Потом Эмир Теймур, прежде чем начать походы на другие города, написал письмо султану Фараджу. «Шадун и Демирдаш у нас в плену. Хелеб в наших руках. Если ты вернешь нам Аталмышша, мы вам вернем пленных. Мы ждем Аталмышша!»

Ватикан, конец 1400 года.

Была зима, но в Ватикане снег еще не выпал. Несмотря на то, что небо покрывали свинцовые тучи, холода не ощущалось. Над Римом висел непрекращающийся дождь. Не меняющаяся уже несколько дней хмурая погода повлияла и на настроения людей. Римляне, радовавшиеся солнечным лучам даже в зимние дни, теперь тяготились этой погодой, словно стали пленниками черных туч. На улицах Рима обычно бывает весело, римляне шумны и любят жестикулировать. Однако в эти дни все были хмуры и печальны. А дождь и не думал прекращаться.

Рим был словно повергнут во что-то дурное, что-то нехорошее.

Брови Папы Римского были нахмурены, выражение лица – натянутое, словно на лицо тоже опустились темные тучи. Но, в отличие от природы, это была не печаль, а, скорее, недоумение и задумчивость. Полученные сведения его не радовали, но и не огорчали. Эти новости стояли вне его расчетов и предположений. Он смотрел на карту Ближнего Востока, разложенную на столе, и отслеживал движение войск Эмира Теймура. Чем больше смотрел, тем сильнее не мог найти себе места и начинал иступленно мерить шагами свой кабинет. Иногда останавливался у окна и безучастно смотрел на тучи, ничем не отличавшиеся цветом от его лица. Повод для того, чтобы злиться и нервничать, был. Два года он положил на то, чтобы столкнуть двух тюркских полководцев. Лишь таким образом можно было бы отвести опасность в виде тюркского нашествия, нависшую над Европой. Теперь его труд пропал даром, два полководца отказались воевать друг с другом... Вначале все шло хорошо. По расчетам Бонифация IX взятие Сиваса подстегнуло бы столкновение Теймура с Бейзидом. По этому поводу Папа даже устроил в Ватикане небольшое торжество, на котором все поздравляли друг друга. Если бы все случилось так, как

он замышлял, не только Европа, но и даже Константинополь освободился бы от тюркского влияния. Однако вопреки ожиданиям главы Ватикана после взятия Сиваса все стало развиваться совершенно противоположным образом. Поэтому-то Папа и не мог найти себе места. В его глазах мир стал совершенно другим. Последние дни он даже перестал молиться. За одиннадцать лет папства он ни разу не был в таком затруднительном положении. Он мог выиграть спор с самыми именитыми философами Европы, а тут ему приходится пасовать перед каким-то хромым тюрком. Эта игра Теймура не была похожа ни на шахматы, ни на философию. И что делать? Европейские правители ждали от него ответа. В тот день, когда он проявит перед ними слабость, эти глупцы отвернутся от религии и бросятся служить или Ильдрому Беязиду, или Эмиру Теймуру. Недалек был тот день, когда из Ватикана будет слышен азан...

Наконец ему стало страшно от одиночества, от его мрачных дум. Его мозг уже ничего не воспринимал, мысли стали разрозненными, собрать их в логическую цепочку он был не в состоянии.

Папа прошел в соседнюю комнату, где часто отдыхал, налил в бокал вина, залпом выпил, налил еще. С бокалом в руке вернулся в рабочий кабинет, поставил его прямо на середину карты Ближнего Востока. Потом провел пальцами по карте. Пока выпитое вино разгоняло его темные тучи, он стоял, потом взял колокольчик, позвонил. Кардинал Иннокентий, всегда стоявший наготове у дверей и ожидавший приказаний, и на этот раз появился сразу, сложив руки на груди:

- Слушаю, ваше святейшество!

Иннокентий прекрасно знал причину многодневного изменения настроения и цвета лица хозяина.

- Подойди поближе, Иннокентий. Посмотри, как в один миг развалилось то, над чем мы так долго работали.

Иннокентий подошел к столу с картой, увидев большой бокал вина прямо по центру, подумал: «Эти тюрки ни на один день не оставляют в покое Папу». Вгляделся в карту Ближнего Востока.

- Что происходит, Иннокентий? – Папа попытался таким вопросом и себе что-то прояснить. – Мы приложили все усилия, чтобы столкнуть Беязида с Тамерланом. Однако этот хромой, взяв Сивас, отправился в Сирию. Как ты думаешь, эти тюрки не могут меж собой

сговориться? – Он немного помолчал, потом с расстановкой произнес: - Допустим, мамлюки подчинились Тамерлану, а Баязид пошел на Европу...

Иннокентий быстро попытался переварить предположение Папы. Сравнил его с полученными не так давно сведениями с Ближнего Востока... Все сходилось.

- Я так понимаю, ваше святейшество, этот Тамерлан очень умный полководец. Я с помощью купцов, которые приходят к нам с караванами, проследил весь его путь в Индию. Через какие территории он проходил, как это делал... Все уточнил. На самом деле он поступает как истинный покоритель: имея легкий путь решения, выбирает сложный, порой уму непостижимый вариант.

То, что его помощник так расхваливает Тамерлана, не понравилось Папе Бонифацию II. Но, потому как это было новое, ранее не озвученное мнение, решил дослушать до конца.

- Понятно! И что это за путь в Индию? Это может представить интерес и для нас.

Иннокентий согласно кивнул головой:

- Конечно, ваше святейшество, это очень интересно. Я бы даже сказал, что это урок для нас. Дело в том, что у Тамерлана есть одно качество. Если он идет вперед, то позади не оставляет никого, кто бы мог навредить ему. И если есть необходимость, уничтожает всех.

Папа Римский внимательно слушал его.

- Ты хочешь сказать, что Тамерлан, прежде чем сразиться с Баязидом, обезвреживает возможных соратников султана?

- Так оно и есть, ваше святейшество! Если бы он, то есть Тамерлан, после Сиваса пошел вглубь Анатолии, я бы посчитал его недалеким полководцем. Но в данный момент он все делает правильно.

- То есть? – с интересом спросил Папа.

- То есть это означает, что Тамерлан занят обезвреживанием сторонников Баязида.

Лицо Папы Римского посветлело. Подняв голову, он посмотрел в окно. На улице бушевал ветер, сгоняя тучи в сторону моря. Мелкий дождь прекратился. Облака, словно заигрывая с солнцем, то за-

крывали его, то отпускали на волю. Потом взял бокал со стола. Еще несколько минут назад в его голове был полный сумбур, но теперь вместе с лучами солнца, проникавшими через окно, к нему пришло озарение. В душе он оправдал Тамерлана.

- То есть ты хочешь сказать, что знаешь, куда пойдет Тамерлан потом? – вопрос был поставлен прямо, и Папа ждал конкретного ответа.

- Конечно, это можно предположить, - беспечно промолвил Иннокентий. Если из Хелеба Тамерлан пойдет на Дамаск, он этим ограничится и не пойдет на Египет. Египет для него – не самоцель. Его цель – Беязид! После этого он постарается уничтожить потенциального противника. Если возьмет Дамаск, то оттуда пойдет в сторону Багдада. Эти места он хочет завоевать.

Подобный логический расклад своего помощника Папа воспринял с изумлением и даже с некоторой завистью. Если эта логика Иннокентия и результаты, вытекающие из нее, оправдаются, то авторитет его помощника в Ватикане резко возрастет, что будет хорошим ударом по авторитету Папы. Ему захотелось еще раз проверить Иннокентия.

- Хорошо, а что ты думаешь о христианской крепости Смирне? – спросил он как бы невзначай, вылив содержимое бокала в рот.

Прекрасно ориентировавшийся в вопросах логики, Иннокентий, тем не менее, был слаб в тактике, с детства он рос в церкви и никогда не участвовал в военных сражениях.

- Я думаю, ваше святейшество, - вновь делая упор на логику, проговорил Иннокентий, - что если Смирну не смог взять Беязид, то о Тамерлане и говорить не стоит. Как вы знаете, Ильдрим шесть лет осаждал эту крепость. Из-за постоянной помощи со стороны моря, этот город-крепость выдержал осаду, Беязид ушел ни с чем. Поэтому, зная, что Тамерлан не любит долгие осады, абсолютно уверенно могу сказать, что Смирна будет существовать и никому не склонит головы.

Бонифаций с легкой усмешкой взглянул на Иннокентия. Он ничего не сказал, но в душу закралась мысль: «Кому нужно возвышение его авторитета, пока он жив?»...

Беки египетского султаната продолжали проводить свои дни в полной праздности. Разжиревшие, не признающие никого и считающие, что все будет и дальше продолжаться таким же образом, визири султаната известие о захвате Эмиром Теймуром Хелеба восприняли хладнокровно. У них была одна важная задача: укреплять свои позиции в главном дворце Египта, страны, считавшейся вечной. Пока правитель был мал, главным считалось участие в дворцовых интригах. Здесь каждую минуту, каждый миг кто-то мог стать жертвой одного лишь слова. При этом надо было терпеть и детские шалости правителя. А шалости могли быть такими, что если мальчику кто-то не понравился, он мог отдать приказ казнить его. И никто не посмел бы противоречить, а еще хуже, объяснить неправильность решения. Здесь подобные решения исполнялись незамедлительно. Поэтому во дворце властвовали лезть, обман и страх. Никто не рисковал высказать свою позицию. Даже тому, что теймуриды заняли земли, подконтрольные султанату, не придавалось значения, ни у кого не хватило бы смелости начать об этом речь. Султан мог в этом случае смельчака самого отправить туда, чтобы исправить положение, приговорив его тем самым к неминуемой смерти. В то время, когда ни сам султан, ни его армия не были способны воевать, надежды на победу не было. А если бы кто-то из его людей и победил, ему обманом припишут какую-либо вину и издадут указ о казни – дабы не допустить возрастания его авторитета. Самая простая мысль для самоуспокоения была следующей: Теймур войдет на земли Египта и тут же, испугавшись, повернет обратно. Даже когда из Дамаска в Египет прибыл гоноц, беки так и не забеспокоились, просто дали маленькому Фараджу совет. Этот совет присутствующее большинство приветствовало одобрительными выкриками. Совет был такой: «Татары в любом случае не имеют возможности воевать с нами, поэтому будет лучше, если вы, наш султан, немедленно отправитесь в Дамаск во главе войска». Беки даже убедили маленького султана в том, что его предок Байбарс не испугался татар и преградил им путь. Если бы Байбарс не остановил Хулаки, одному Аллаху известно, чем бы это все закончилось. Так как Фарадж был еще ребенком и мыслил, естественно, по-детски, то

до него так и не дошел истинный смысл этой фразы. Да даже если бы и захотел, все равно не домыслил бы. Потому что он родился сыном султана и по обычаю все должны были с ним считаться... Оттого, что во дворце давно бытовало мнение о собственной непобедимости, то и мамлюки особо на Теймура не реагировали. Мамлюки думали, что они, остановившие Хулаки, с такой же легкостью справятся и с Теймуром. Поэтому они убедили малолетнего султана не обращать внимания на хромого старого варвара из Средней Азии. «У нас достаточно сил, чтобы утереть ему нос, поэтому у вашего величества нет оснований для беспокойства, и вам лучше с войском отправиться в Дамаск. Услышав о вашем приезде, любой от испуга сбежит». Доселе живший своей детской жизнью, лишь пару раз слышавший имя Эмира Теймура, Фарадж, конечно же, согласился. Далее беглярбек Гарауз, оставшись с ним наедине, ввел маленького султана в курс некоторых вопросов. Заверил, что Фараджу не о чем беспокоиться. «Как только вы разместитесь в Дамаске, я сделаю один ход, от которого у Теймура отпадет необходимость входить в город». После того, как Гарауз описал ему подробности своего хода, султан Фарадж отправился в Дамаск...

Эмир Теймур все никак не мог себе простить, что приказал насыпать в Хелебе холм из голов сопротивлявшихся ему жителей. Он не должен был этого делать. Одно дело, когда ты идешь в Индию на гяуров, а тут, в стране, где проповедуется Ислам, устраивать бойню, насыпать холмы из голов... Нехорошо. Он прекрасно понимал, что история это фиксирует в точности. С другой стороны, у войны и мирной жизни были свои законы. Страх, который здесь наводят отрезанные головы, поможет в других местах уберечь от смерти многих, противники будут сдаваться без сопротивления. Тысяча голов врагов спасали десятки тысяч жизней – как в его войске, так и в других мусульманских войсках. Эта логика чуть успокоила Теймура. Он много читал о том, как уничтожали мусульмане мусульман, тюрки тюрков. Несколько веков и христиане убивают друг друга и никто их не упрекает за это. Разве Папа Римский, взяв Константинополь во вре-

мя крестового похода, не разрушил его? Это была жизненная правда: сильные властвуют над слабыми, развивают их, делают более могущественными. Все это он знал. Но, несмотря на это, радуясь за весь Ислам, мучился, когда проливал кровь мусульман. Это качество не подобает правителю. Эти заблуждения могли отдалить его от победы, а, следовательно, и увеличить число жертв. Он почувствовал необходимость в диалоге. В таком диалоге, чтобы каждый не устоял перед его логичностью. С этой целью Великий Эмир решил для прояснения некоторых вопросов организовать в Хелебе религиозные прения.

...В шатре под руководством Мовлане Абдулджаббара собрались Гази ибн Шихне, кадий Шефаи Шарафеддин Муса аль Ансари, Гази Алемуддин аль Куфи аль Малики. Никто не знал, почему сюда собрались столь известные личности. Даже для Мовлане Абдулджаббара, до самой смерти бывшего рядом с Эмиром Теймуром, цель сбора была непонятна.

Когда Великий Эмир вошел в шатер, то сразу же увидел на лицах улямов тревогу. Они были взволнованы. Создавалось впечатление, будто их собрали, чтобы казнить. Эмир Теймур оглядел их, легким кивком поздоровался, прошел на свое место. Это еще больше встревожило присутствующих. Все сразу поняли, что настроение Эмира Теймура далеко не лучшее. Может, он получил плохие известия? Или же вскрылось чье-то предательство? Если так, то у тех, кто в свое время расхваливал предателя, будет болеть голова. Никто не знал ничего конкретного...

Эмир Теймур показал улямам места, где они должны были сесть. Наступило долгое молчание. Каждый, представив собственную смерть, думал о чем-то своем.

- Я задам вам вопрос, который в свое время задавал улямам Самарканда, Бухары и Герата, но не получил вразумительного ответа, – наконец тяжело заговорил Эмир Теймур. Он говорил, а Мовлане Абдулджаббар переводил на арабский язык. – Но вы не будьте такими, как они. Самый грамотный из вас ответит на мой вопрос не робея, но отвечая за каждое слово. Ради науки я всегда приближал к себе ученых, уважал их. Поэтому они всегда должны меня удовлетворять своими ответами. Вы готовы к этому?

Великий Эмир замолчал, потом оглядел всех, ожидая, кто ответит первым. Шарафетдин Муса аль Ансари погладил снежную бороду. Правитель понял, что он что-то хочет сказать, и кивнул, говори, мол. Но когда улям хотел встать, остановил его.

Кадий вновь погладил бороду:

- Бисмиллах и рахманир, рахим¹⁰⁴! Мой Правитель, да будет вечен Ислам! Мой правитель, если мы открыли одну дверь науки, то среди нас есть один, который ушел в нее весь. – Он повернулся в сторону Гази ибн Шихне. – Это наш уважаемый Гази, наш устад. Говорить при нем негоже. Спрашивайте, что вас интересует, у него.

Эмир посмотрел на волевого старца, который сидел после Абдулджаббара. Он был единственным, на лице которого, в отличие от других, не было и тени страха, только спокойствие. Теймур пристально посмотрел на него и спросил.

- Все мы мусульмане! Все последователи Мухаммеда! Во вчерашнем сражении погибли и ваши, и наши люди. – После этих слов Эмир посмотрел на Абдулджаббара. – Скажите, какая сторона погибших должна считаться шехидами¹⁰⁵, ваша или наша?

Вопрос был поставлен так, что и ответ на него, и молчание были равносильны смерти. Всем улямам сразу подумалось: Эмир Теймур специально задает такой сложный вопрос, чтобы загнать их в угол, а потом казнить. Никто не решался ответить. Через некоторое время заговорил ибн Шихне.

- О Великий правитель, такой же вопрос в свое время задали и пророку.

Ибн Шихне, произнеся имя пророка, провел рукой по лицу, воздавая должное Мухаммеду. Остальные последовали его примеру. Эмир Теймур рассердился, но проявил терпение. Посмотрел на Абдулджаббара:

- Он, кажется, собрался вступить со мной в словесную перепалку! Каким был вопрос пророку, и что он ответил?

Ибн Шихне почувствовал гнев в тоне Эмира. Но это его не смутило. Теперь перед ним стояла задача спасти от веревки остальных.

¹⁰⁴ Начало мусульманской молитвы.

¹⁰⁵ Павший на поле боя воин. По мусульманской традиции считается, что такие воины попадают в рай.

То, что казнят его одного, не так страшно. Жизнь прожил долгую. Не торопясь, ибн Шихне ответил:

- У пророка спросили: «О приближенный к Аллаху, один вступил в сражение по искреннему желанию и вере, другой из-за смелости и отваги, третий – по указанию. Кто из них на праведном пути?». – Эмир внимательно слушал. – Пророк ответил: «Тот, кто больше всех хотел возвысить имя Аллаха и погиб, он шехид». – Не глядя на Теймура, ибн Шихне продолжил: – Те из ваших и наших, кто больше всех хотел возвысить имя Аллаха и погиб, те шехиды.

Как только Абдулджаббар закончил переводить слова ибн Шихне, выражение лица Теймура изменилось. Словно ветер пустыни разогнал черные тучи. Он сегодня получил точный ответ на вопрос, который не мог получить долгие годы.

- Прекрасно, прекрасно, как ты хорошо сказал!

С плеч улямов, сидевших в шатре, словно груз свалился. Они сразу же поняли, что Эмир Теймур и не мыслил о том, чтобы припереть их к стенке, и немного расслабились. В ту ночь Эмир Теймур задал еще много вопросов, на которые получил ответы. «Под занавес» раздали шербет. После полуночи Эмир Теймур задал последний вопрос:

- Я вас, почтенных, кажется, утомил. Уже полночь. Уважаемые ученые должны отдыхать. Но у меня есть еще один вопрос, который гложет изнутри. Если я его не задам, не засну, буду всю ночь ворочаться, словно в подушку мою забралась змея.

Устад ученых ибн Шихне уважительно произнес:

- Задавайте.

- Я вас послушал, ответы получил. Многое меня удовлетворило. Что вы думаете о почтеннейшем Али, Муавийе и Езиде?

Все, кто участвовал в этом разговоре, как, впрочем, и сам Эмир Теймур, последователь суннизма и проповедовавший единобожие, считали, что ответить на этот вопрос не составит труда.

- Все трое – ученые, - сказал Алямуддин аль-Куфси.

Несмотря на усталость к концу диалога, лицо Эмира вновь потемнело от гнева. Он смог заглушить в себе ярость, но она проявилась в голосе:

- Вы, улямы, насколько я понимаю, происходите из рода Муавийе или его сына Езида. С другой стороны, говорите таким образом потому, что Хелеб подчиняется Дамаску. Жители Дамаска езиды! Они и багдадцы убили члена семьи пророка, почтеннейшего имама Гусейна! Вы понимаете это?! Речь идет о внуке великого пророка!

Голос Эмира гремел. Ученые испуганно втянули головы. Самым лучшим в этой ситуации было промолчать, переждать бурю, не допустить ошибку. А Теймур все никак не мог успокоиться, чувствовал, что в отличие от Мавреннехра здесь почтения к семье пророка нет.

- Это я вам говорю, Эмир Теймур! – Он встал. Тут же поспешно вскочили и улямы. – Во всех вопросах прав только почтеннейший Али! На каком основании вы ставите рядом с ним Муавийе и Езида? Это ваша справедливость? Их даже сравнивать нельзя! Идите отсюда! Но и не забывайте то, что я вам сказал! Иначе я буду считать вас гяурами!

Разговор был окончен, присутствующие были огорошены происходящим. Никому и в голову не могло придти, что Теймур знает такие тонкости истории ислама.

Все, торопясь, попятились и по одному покинули шатер.

Эмир Теймур, оставшись один, почувствовал легкость на душе. Не каждый, кто считает себя мусульманином, на самом деле может им быть. Немало среди мусульман гяуров, которые находятся вне веры. Каждый, на кого наведен меч Ислама, должен понимать, что достоин этого – возможности приобщиться к истинной вере.

Когда Великий Эмир разбил лагерь рядом с Хелебом, принцы Пир Мухаммед и Абу Бекр согласно его приказу отправились к городам Хама и Хомс. Взять Хаму особого труда не составило, но у крепости Хомс были крепкие стены, поэтому теймуриды ограничились осадой. Только после того, как к крепости прибыл Эмир Теймур, правитель крепости открыл ворота и, извинившись, вручил ему казну. Не задерживаясь здесь, Эмир отправился дальше, к Бахалбеку, отправив принцев в Бейрут.

Взятие Бейрута для принцев не создало особых трудностей. Бахалбек же была сильной крепостью и сдалась лишь через несколько дней осады. Поговаривают, что эту крепость строил сам Почтенней-

ший Сулейман. Здесь было много продуктов и фуража, войско Эмира Теймура пополнило запасы.

24 декабря 1400 года войска, отправленные в разные стороны, объединились и направились на Дамаск. Эмиры и полководцы предлагали перезимовать на берегу моря, однако Эмир Теймур заявил, что отдыхать пока рано, и принял решение продолжить победное шествие.

Сведения, которые поступали в Египет, уже невозможно было скрывать, а тем более придавать им другую окраску. Это многим могло стоить жизни. Кроме Дамаска все крепости были взяты! Если будет взят Дамаск, все дороги на Египет будут открытыми. Султан Фарадж поспешно собрал армию и оказался в Дамаске раньше Эмира. Однако ни его, ни его полководцев не оставляла мысль о непобедимости войска Эмира Теймура. Над Дамаском витал ужас победы Великого Эмира. Поэтому Фарадж, щедро заплатив, поручил двум дервишам совершить покушение на Эмира Теймура.

Еще во времена Хулаки, наводившие страх на весь мир исмаилиты¹⁰⁶, где бы они ни находились, терроризировали визирей, шахов, королей, известных людей. Практически никто не мог с ними справиться или хотя бы защититься от них. Более того, шахи и султаны отправляли своих людей в основное место дислокации исмаилитов – крепость Аламуд, чтобы воспользоваться их помощью против своих противников. Только Хулаки смог положить конец их деятельности. Исмаилиты рассеялись по всему миру, но от своих деяний так и не отказались. Конечно, они не были сильны так, как прежде, но и в одиночку продолжали террор.

Потому как Теймур уважительно относился к дервишам, двум посланцам султана Фараджа не составило труда проникнуть в лагерь Эмира Теймура. За короткий период времени они даже сумели завоевать доверие руководителя канцелярии Ходжи Месуда Семани. Однако Семани, обратив внимание на частые вопросы о том, когда Эмир бывает в шатре, маршрутах его прогулок, заподозрил неладное и велел их арестовать. Во время обыска у обоих были обнаружены отравленные кинжалы. После нескольких пыток оба во всем сознались

¹⁰⁶ Одно из радикальных направлений ислама.

и рассказали о цели прибытия. Когда об этом сообщили Эмиру Теймуру, он сильно расстроился, отметив, что эти двое опозорили звание дервишей. Один из дервишей был убит отравленным им же кинжалом, второго с отрезанным носом Теймур отправил султану Фараджу.

Когда до Дамаска оставалось несколько переходов, были убиты Шаду и еще несколько человек...

В этот период Султан Гусейн Джаханшах, один из внуков Эмира Теймура от его дочери, обидевшись на великого полководца и вместе с несколькими таджиками-фарсами сбежав в Дамаск, явился к султану Фараджу. Дамаск его принял с большим почетом. Султан посчитал, что перебежчик от Эмира Теймура – это начало победы, и возрадовался...

Перед началом сражения Эмир Теймур щедро одарил Шейха Ибрагима и отправил его обратно, поручив охранять северные границы империи. Он также отправил Гасана в Тебриз, а Халила Султана – в Султанье.

Неровная, ухабистая дорога бесконечно тянулась вперед, напоминая поток, пробивающий себе путь. Но в отличие от воды, повозки шли тяжело, иногда застревали, слугам приходилось их вытаскивать. Повозки сильно трясло, груз перекатывался из стороны в стороны, о людях и говорить не приходилось. Груз был очень дорогой и поэтому каждый раз, когда колеса попадали в выбоину, повозку надо было толкать, сопровождавший сотник щелкал нагайкой, крыл почем зря все на свете, орал, что надо быть осторожнее, не испортить груз. Никто не знал, что за груз находится в повозках и кому он предназначен. Знали только о том, что более ста повозок, запряженных ослиами, должны были прибыть в Султанье в целостности и сохранности.

Следом за повозками на конях ехали Халил Султан и Гасан со своими людьми. На дворе стояла осень, дороги развезло, кони, повозки с трудом преодолевали слякоть. Грязь прилипала к ногам людей, копытам животных.

...Они познакомились в Сивасе. Халил Султан увидел Гасана, когда тот выходил от деда. Он знал о том, что Гасан известен как лидер повстанцев в Тебризе, что дед его простил и принял в свою армию. Халил часто его видел и в Карабахе. За то, что Гасан хорошо справился с поручением, Эмир Теймур его щедро наградил и, верный

своему слову, отправил в Тебриз жениться. Сватами в Тебризе должны были стать Логман Баба и визирь дворца. Халила Султана Эмир Теймур пригласил к себе после письма бабушки. Он показал ему письмо, сказав, что Сарай Мюльк и Улугбек сильно по нему соскучились. Эмир Теймур дал ему месяц, чтобы съездить в Султание. Бабушка написала внуку отдельное письмо, в котором просила его приехать и между строк намекала, что «он будет переживать с ней незабываемые дни». Ничего не скрывавший от бабушки Султан Халил сразу понял, что бабушка под «незабываемыми днями» подразумевает его встречу с любимой Лятафет. В противном случае, чем еще бабушка могла завлекать внука?

Когда Халилу дали разрешение на выезд в Султание, у него от радости перехватило дыхание. Любовь может возвысить человека до небес, сделать героем, имя которого всегда будет на устах, но может и сбросить с небес на землю, в грязь, превратить в самого мерзкого, подлого человека. Так говорила его бабушка.

От любви до ненависти всего один шаг, и они порой сменяют друг друга. После того, как Халил Султан рассказал бабушке правду о Лятафет, ее отношение к девушке изменилось. Ее ненависть сменилась любовью. Принц это понял из строк письма.

Появление Халила Султана и Гасана перед отбытием в дорогу на базаре у купца Афшара вызвало натуральный переполох. Ведь не шутка – впервые в истории базара сюда пришел внук Эмира Теймура! Оттого, что никто не знал причину его прихода на базар, помимо переполоха был еще и дикий страх, особенно у начальника базарной охраны и купца Афшара. Никто не забыл, как на этом базаре прямо в центре одному из купцов вlepили сто ударов кнутом. Халил Султан с Гасаном еще не вошли на территорию базара, как там уже была паника. Более умные и пронырливые прорывались вперед, чтобы поклониться принцу и при этом как-нибудь выяснить причину визита. Халил же как ни в чем ни бывало стал ходить по рядам, прицениваться к товарам. Это всех еще больше ошеломило. Каждый пытался предложить Халил Султану и Гасану свое, на их взгляд, самое лучшее. Принц купил для бабушек, двоюродных братьев и Лятафет столько шелков, других тканей, драгоценностей и различных подарков, что они уместились в шестьдесят сундуков. Гасан ограничился двумя

сундуками. Халил Султан пытался предложить ему золотые монеты, но Гасан отказался. Когда Халил Султан выходил с базара, кто-то не удержался от реплики: «Пришел, все подмел, ушел. Ничего не оставил даже на зуб попробовать, все купил».

...Остальные сундуки драгоценного груза, отправляемого в Султане, были от Эмира Теймура.

Оба – и Халил Султан, и Гасан – были уверены, что в сражениях от всех напастей их берегла любовь. Даже в самые тяжелые минуты сражений они не забывали о любимых. Иногда им казалось, что меч врага обрушится на головы влюбленных, а стрела обязательно найдет именно их. Но в последний момент какая-то волшебная рука отводила от них все угрозы. Трудно было поверить, но они действительно целыми и невредимыми возвращались назад. Любовь помогала им жить, не позволяла погибнуть.

Эти два молодых человека очень торопились на встречу с любимыми, однако природа была неумолима, она, как могла, мешала этому. Но, несмотря ни на что, они медленно, но верно двигались вперед.

...Небо вновь почернело. Черные, свинцовые тучи будто специально нависли именно над ними. Они оба прекрасно понимали, что там, выше облаков, есть ласковое, теплое солнце, и оно в любом случае когда-то согреет их. В этом был и свой, иносказательный смысл. Создавалось такое впечатление, будто эти два мечтателя еще совсем недавно не были смелыми, великолепными воинами.

Кони Халила Султана и Гасана шли рядом. Иногда сзади им слышалась непристойная брань возчиков, и тогда Халил Султан недовольно оборачивался, но ничего не говорил. Их тоже можно было понять. Идти по грязи, липкой, как клей, да еще и погонять ослов, запряженных в тяжелые повозки, дело отнюдь не легкое.

Гасан посмотрел на свинцовые тучи и обратился к принцу:

- Мой принц, может, где-нибудь разобьем шатры? Если попадем под дождь, то дороги станут еще хуже. Промокнем, как курицы, и станем, как грязь. Не дай Аллах заболеть. Вместо того чтобы встретиться с дорогими нам людьми, мы сляжем в постель.

Халил Султан показал на видневшийся невдалеке сосновый лес:

- Будет лучше, если мы разобьем шатры там. И огонь там легче развести. Да и животные окажутся под деревьями и не так промокнут.

– Потом бросил Гасану игривую реплику: - Запомни, влюбленный: спешащий на свидание не заболает. Его от всех болезней оградит любовь. Любовь – это лекарство от многих невзгод. Смотри, как прекрасно об этом сказал Насими:

Кто страсть к тебе питал, достоин благ и счастья,
Кто ж не любил тебя – тоской объатым будет!
Вершиной твой чертог пусть в небо вознесется –
Опора на земле твоим палатам будет.
«На что тебе твой друг?» – меня соперник спросит, -
Скажу: «Он мне мечтой, надеждой, златом будет!»
Подай же мне вина! Где прочны узы дружбы,
Веселья буйный хмель пусть до утра там будет.
Повержен Насими, он умер от разлуки,
О, сжался – он тебе всегда собратом будет.

Эял, ей дилбяр, мяни эюр ким, неъя хош йанарам сянсиз,
Одундан аы шиъранын су олдум, ахарам сянсиз.

Хяйалын эялмиш, ей щури, эюзцм гаршысына дурмуш,
Фярагиндян йаныр баърым, хяйала бахарам сянсиз.
Эял, ей мящубуи-рущани ки, щяр дям бойнума гямдян,
Фярагин, щясерятин, сювгини ипини тахарам сянсиз.
Нясими ъаныны ешгин йолунда ейляди гурбан,
Анын адын бу мянидян ган иля йазарам сянсиз.

Гасан тайно читал не одно стихотворение Насими, но то, что его стихи читает Халил Султан, поразило молодого воина. В Азербайджане всегда было очень уважительное отношение к стихам Насими. И только указом Эмира Теймура и фетвой Шейхульислама читать его считалось большим грехом. Там, где простиралась власть Эмира Теймура, читать стихи Насими было запрещено. А теперь их читал сам внук Теймура! Это было удивительно!

- Принц, а ты не боишься гнева бабушки? – спросил Гасан у Халила, который все еще был под впечатлением стиха. Тот помолчал, потом, засмеявшись, натянул повод, остановил коня и сказал:

- Дедушка запретил стихи, но не любовь! Любовь никто не может запретить, даже дедушка.

Этой фразе Гасан удивился еще больше. Ему не верилось, что Халил говорит искренне, причем прямо, ничего не боясь. Познать детей правителя было сложно: а вдруг эта декламация стихов обернется трагедией против того, кто слушал. Слушал и промолчал, не остановил. А молчание – это знак согласия. Халил сразу понял, какие чувства переживает Гасан.

- Не смотри на меня так странно. Я прекрасно знаю отношение правителя к нам. Поэтому ты не особо обращай внимания на то, что я говорю. И еще... - Он обернулся назад, там никого не было. – Все равно эти слова кроме тебя никто не слышал.

До соснового леса оставалось немного; дождь вновь начал моросить. Дабы не промокнуть, они накинули на плечи покрывала, прикрепленные к седлам.

- Ты знаешь... - Халил Султан посмотрел на черные тучи, сыпавшие морось, - я дал своей любимой слово, что хотя бы на один день я сделаю ее первой ханум. Она достойна этого. А ты что пообещал?

Гасан вздохнул, и принц засмеялся.

- Вздох обожжет человека, но не осветит ему путь.

В это время под черными тучами засверкали молнии, забарабанил дождь. Сразу все намокло: дорога, степь, лес. На сей раз улыбнулся Гасан.

- Вот, смотри, я думал, что свет моего вздоха не осветит мне дорогу. А на самом деле освещает! Вот тебе и любовь! Наш предок Адам тоже попробовал этот шербет и нас вверг в это. – Помолчал. – Да, ты задал вопрос... О том, какое я дал слово. Конечно, я не из шахского рода и не смогу ее сделать первой ханум. Врать, что я достану ей с неба звезду, тоже неправильно, это невозможно. Но я дал слово, что пока я жив, сделаю ее счастливой. В мире есть что-нибудь лучше счастья?

Они молчали вплоть до самого леса. Но вместо них говорили их мысли и чаяния. А дождь все усиливался, становилось все холоднее.

...Люди, отправленные Сарай Мюльк в Самарканд, пришли в дом, где жила Лятафет, предложили ей собраться для отъезда в Азербайджан. Уста Гасан выглядел очень спокойным. Он чувствовал, что

Халил Султан решил все вопросы. А девушка, вот уже много дней ожидавшая вестей, совсем разволновалась. Она не знала, зачем ее везут в Азербайджан. Разлучат с любимым, или наоборот – соединят любящие сердца? Кручинясь, она сложила свои вещи в сундук, потом обняла Уста Гасана, который стал ей вторым отцом. Только теперь Уста Гасан все понял, глаза наполнились слезами.

- Передай, пожалуйста, моей родине – Тебризу, куда я уже не попаду, – сказал он срывающимся голосом, - привет.

Лятафет, не сдержав слез, разрыдалась. Тонкими, изящными пальчиками отерла слезы с лица Гасана и попросила: «Благослови меня!» Гасан благословил и тихо добавил:

- Не волнуйся дочка, по отношению к тебе прибывших людей я понял, что все будет хорошо.

- Да услышит тебя Аллах! – сквозь слезы, но уже радостно сказала она, взяла узелок и, не оборачиваясь, вышла со двора.

Вещи были погружены в повозку, все тронулись в путь. Уста Гасан вышел со двора с кружкой воды, выплеснул ее вслед повозке и прошептал:

- Пусть судьба твоя будет такой чистой, как эта вода!

Повозка со скрипом проезжала мимо гор, лесов, через лощины, по берегам рек... Впереди Лятафет ждал новый, солнечный день. Ожидая только хорошее, она вглядывалась вдаль, словно старалась сократить путь.

Когда повозка в сопровождении специально отобранных десяти воинов въехала в Султание, Сарай Мюльк самолично вышла встретить Лятафет. Улугбек с утра приставал к бабушке, прося и его взять с собой. Когда повозка остановилась рядом с ними, маленький принц с криком «Няня!» сорвался с места. Как только Шады Мюльк-Лятафет слезла с повозки, он бросился ей на шею. Девушка тоже нацеловала его вдоволь, приговаривая «Машаллах¹⁰⁷, ты стал совсем взрослым!» Потом обернулась к Сарай Мюльк и поклонилась.

Первая ханум со словами «Добро пожаловать» подошла к ней, взяла за плечи, щекой прижалась к ее щеке.

Шады Мюльк-Лятафет, обескураженная таким приемом, не могла скрыть удивления. «Как они изменились, принимают меня не как

¹⁰⁷ Молодец!

служанку, а как члена семьи», - с изумлением подумала она. Но предположить ничего не могла, поэтому загрустила.

Девушку здесь ждало много неожиданностей. Сарай Мюльк приказала для Шады Мюльк разбить шатер рядом со своим; для нее были выделены служанки. К вечеру ее пригласили в другой шатер. Стоявшие в дверях попросили ее войти, сами вышли. Лятафет настороженно обвела взглядом вокруг и вошла в шатер.

В убранном коврами шатре никого не было. И только потом она заметила, что в темном углу кто-то сидит лицом к стене, скрестив ноги. Девушка слегка кашлянула. Сидевший медленно повернулся к ней. Шады Мюльк не поверила своим глазам. Перед ней стоял ее любимый Халил Султан.

- Халил! – вскрикнула она и бросилась навстречу.

Халил резко вскочил и, раскинув руки, кинулся ей навстречу. Лятафет словно птица бросила себя в его объятия, буквально растворилась в них. Некоторое время они молча стояли, крепко обнимая друг друга. Потом Лятафет выбралась из этих волшебных рук и отошла на шаг назад. Она все еще не могла поверить своим глазам. Она оглядела его с ног до головы, внимательно всматриваясь в черты лица. Принц тоже смотрел на нее, и, чувствовалось, что он не может наглядеться в эти голубые глаза. Наконец девушка нарушила молчание. Ей хотелось получить ответы на многие мучившие ее вопросы.

- Халил, родной, что все это означает? Что происходит вокруг нас?

Халил сделал вид, что тоже ничего не знает.

- О чем ты, моя радость?

Лятафет подошла к нему, взяла за руки и нежно спросила:

- Обо всем этом, о моем здесь появлении, приеме, словно я ханум, а не служанка. Что изменилось? До вчерашнего дня те, кто даже видеть меня не хотел, сегодня носят на руках. – Она кулачком пару раз стукнула его по груди. – Все это твоя затея? Что ты с ними сделал, что они так изменились и я стала для них так дорога?

Халил взял ее нежные ладони и поцеловал:

- Расскажу, все расскажу. Ты сперва скажи, получила стихи, которые я отправил?

- Получила, они мне очень понравились.

- Давай сядем. – Они сели друг против друга. – Эти стихи изменили наше с тобой будущее.

Потом Халил Султан начал ей все рассказывать. Девушка не хотела верить собственным ушам. Оказывается, она была дочерью шаха! Но почему ей об этом никто не говорил? Но это было не так важно. Важным было то, что она вместе со своим любимым. А то, что она дочь шаха, это было бы хорошим подспорьем для будущего.

Она ждала своего счастья, а тут еще выяснилось, что она принцесса.

Целую неделю они были вместе. Это были самые счастливые дни в ее жизни.

Халил Султан раздал всем подарки, потом стал готовиться к возвращению к деду. Лятафет вновь вернули в Самарканд, но уже во дворец.

Гасан, одно время бывший героем игры «Году-году», потом действительно ставший героем, приехав в Тебриз, обручился со своей невестой и через некоторое время сыграл грандиозную свадьбу. На этой свадьбе присутствовали самые лучшие исполнители саза не только из провинции, но и со всего Азербайджана. Свадебные шатры не пустовали, очаги дымилась круглые сутки, котлы закипали, опустошались и вновь ставились на огонь для следующих гостей. В городе еще долго слышались звуки саза, зурны и барабанов.

Дамаск находился на торговом пути из Азии в Европу и поэтому считался богатым городом. С запада его окаймляла горная гряда Ливана, выходившая на Средиземное море, с востока – пышущая жаром пустыня Бедийат-аш Шам.

С 661 по 750 годы, будучи столицей халифата, Дамаск за счет ежедневных налогов развился за короткий срок, стал богатым городом. Больше всего известность Дамаску принесли знаменитые мастера и художники и их работы, ставшие популярными во всем мире. На базарах работали разные ремесленники: кузнецы, стеклодувы, портные, мастера по камню, мастера-оружейники, что делали стрелы и сабли... Дамаск был городом многонациональной культуры. Кроме этого, здесь наряду с купцами жили религиозные деятели, поэты, математики, астрологи, архитекторы, мастера искусств. Любая новая

вещь или произведение отличались чудной красотой. Архитекторы не строили плохие дома, мечети и дворцы, не возводили слабые мосты. Даже портные старались шить платья из дорогих тканей. По мнению купцов, этот город по красоте и богатству постепенно обошел все города мира. Мечети, подобной той, что была построена во времена хашимитов¹⁰⁸, не было нигде. Стены города и внутренней крепости были построены крепко, на совесть, возведены из скальных пород, были оштукатурены смесью из бакинской извести и яичного белка от яиц кур Себзеvara¹⁰⁹.

...Эмир Теймур прекрасно понимал, что Дамаск – не Хелеб, и осада этого города может продлиться длительное время. Он не хотел надолго оставлять войско между Фараджем и Беязидом. Это могло бы вызвать недовольство воинов, побывавших практически везде. Инструмент слухов Эмира в Дамаске уже был давно запущен; город пребывал в страхе. Беженцы из Хелеба постепенно заполонили Дамаск. Они рассказывали про события в Хелебе, строили предположения, описывали страшные картины. Специально запущенные в город в толпе беженцев люди Эмира рассказывали про его жестокость, выдумывали такие истории, что жители города приходили в ужас. Почти все население Дамаска погрязло в пучине безысходности, с ужасом ждало прихода Великого Правителя.

Теймур отправил султану Фараджу последнее письмо. «Если тебе жаль себя и твоих подданных, должен сделать следующее. Наши воины голодны до добычи как рыкающие львы. Они ищут врага, чтобы убить. Убить, чтобы забрать его имущество, занять город, разрушить дома. У тебя два пути: либо мир, в результате чего будет спокойствие, либо разрушительная и беспощадная война! Выбор я оставляю за тобой. Только ты должен определить, какой путь выбрать. Посоветуйся сам с собой и сделай выбор», - говорилось в письме.

Эмир Теймур прекрасно понимал, что султан Фарадж захочет выиграть время. За это время подойдет армия из Египта, какое-то время отдохнет, восполнит запасы всего, чего не хватает. Этого допустить нельзя! Надо было использовать любые средства, пускать в

¹⁰⁸ Потомки Хашима ибн Абд ад-Дара, деда пророка Мухаммеда.

¹⁰⁹ Город на северо-востоке Ирана, в провинции Хорасан-Резави.

ход любые хитрости. Поэтому он отдал приказ приостановить осаду города и отвести войска в сторону Гуза, знаменитого большим количеством зелени и пастбищ.

Снятие осады вселило в жителей Дамаска надежду. Жители Хелеба тоже так обманулись. Султан Фарадж решил, что Теймур снял с города осаду, потому что испугался его. Из его приказов следовало, что такую возможность упускать нельзя, нужно преследовать теймуридов и разбить их. Когда открылись ворота города, пустыню заполонили пешие воины и всадники. Увидев несметное количество войск, султан Фарадж уже ни на минуту не сомневался в победе. Это стало бы самой большой победой над несокрушимыми татарами! Этим самым миф о непобедимости тюркской армии был бы развеян раз и навсегда, в историю была бы вписана другая тюркская армия.

Воспользовавшись тем, что султан еще мал, придворные смогли убедить его в этом.

Как только Эмиру об этом сообщили, он отдал приказ: «Войску не двигаться и возвести на месте каменные редуты!» В одно мгновение воины превратились в каменщиков. За короткое время перед передними рядами вырос редут высотой в человеческий рост.

Эмир Теймур добился того, чего хотел – выманил войска Фараджа из города.

Перед сражением Эмир Теймур собрал в сторонке пятьдесят религиозных деятелей и своих соратников, совершил два руката¹¹⁰ намаза, прочитал молитвы. Потом в ход вступили барабаны и карнаи.

Сражение состоялось 5 января 1401 года. Правитель на правом фланге разместил войска под руководством Мираншаха, Шахруха, Абу Бекра и Сулейманшаха, на левом фланге – Халила Султана, Султана Махмуд хана, Джаханшах бека, Гияседдина Тархана, Туглук Ходжа Барласа, в центре – Севинджек бека, Шейха Али Бахадура, Сейида Ходжу. При распределении были учтены качества каждого полководца и подчиненных ему подразделений.

Эмир Теймур велел построить редут в человеческий рост не только для обороны. Сирийцы думали, что теймуриды, испугавшись их,

¹¹⁰ Рукат (ракаат) — порядок слов и действий, составляющих мусульманскую молитву.

выстроили редут для того, чтобы спрятаться за ним. Поэтому уверенные в победе сирийско-египетские войска, забыв про осторожность, сразу перешли в наступление. Это обошлось им слишком дорого. За двести метров до редута над ними сгустились «темные тучи». Небо вмиг почернело. Но это не были природные тучи, это было несметное количество стрел, выпущенных теймуридами. В течение пяти минут на противника сыпался дождь из свистящих стрел, которые летели в поисках своих жертв. И они их находили. Острые, как иглы, стрелы вонзались в руки, ноги, грудь, глаза врагов. Пораженные стрелами насмерть отдавали душу Аллаху без мучений, а стоны раненных заполнили все поле сражения. Пешие и всадники, наступая и топча раненых, шли вперед. Воины с обеих сторон кричали «Аллах Акбар!» Однако через некоторое время воинственный пыл сирийцев начал угасать. Объединенные силы противника смогли пройти еще около сто зиря¹¹¹, но в этот момент их ждал уже каменный дождь – в дело вступили катапульты, и на головы сирийцев стали падать большие камни. Цель была выбрана верно. Объединенные силы оставались на открытой местности, спрятаться было негде. Они не могли идти вперед (единого командования уже не было, и они не знали, что их ждет впереди), но и повернуть назад тоже было невозможно – этого не позволял каменный дождь.

Тем не менее, им не оставалось ничего, как броситься назад. Теперь уже никто не задумывался о победе над теймуридами. Задача была лишь одна – выбраться из этого пустынного ада. Они ясно понимали, что муки ада только начинаются.

Штандарт за редутом два раза качнулся. Пехотинцы левого фланга пошли в наступление, словно морская волна. Штандарт качнулся три раза, в дело вступил правый фланг.

Устоять перед пехотинцами, вооруженными легким оружием, не было возможности. Крики «Бей! Бей!» были слышны даже в Дамаске. На самом деле это уже не являлось сражением – догонять противника и зарубать его мечом или протыкать пикой для теймуридов было делом привычным. Судьба сражения была предрешена, и военачальники дали команду прекратить преследование. На левом фланге против

¹¹¹ Примерно 50 метров

своих же сражался и внук Эмира Теймура, сын его дочери Султан Гусейн, в свое время сбежавший от деда в Дамаск. Он пытался криками повернуть своих воинов обратно, но все оказалось бесполезно, те бежали без оглядки. Тогда Султан Гусейн обнажил меч и поскакал на теймуридов. Но ему никто не оказывал сопротивления. Все знали, что поднимать оружие на потомка Эмира запрещено, поэтому никто не хотел биться с ним. Теймуриды, обезоружив его людей, окружили его. Принц крутился на коне, размахивал мечом, кричал:

- Ну, кто из вас смелый, бейтесь со мной, поднимайте мечи!

Он подъехал к одному из пехотинцев и нанес ему удар мечом.

- Получай!

Пехотинец успел поднять щит над головой, раздался глухой удар. Принц нанес удар другому, но и тот защитился. Султан Гусейн, поняв, что никто с ним не будет биться, бросил меч и успокоился. Сотник Топлаг Гавчун схватил коня Султана Гусейна под уздцы и привел его прямо к Шахруху. Шахрух глазам своим не поверил:

- Ого, оказывается, дезертир, двоюродный племянничек, тоже здесь, – иронично сказал он. – Как будто и не уходил от нас. Снимите его с коня! – уже сухим тоном приказал он воинам. Воины осторожно поставили Султана Гусейна на землю, и Шахрух пригласил племянника в шатер. Султан Гусейн, едва войдя внутрь, сразу же стал умолять:

- Дядя, заклинаю тебя, прости меня! Будь посредником между мной и дедом! Да, я совершил гнусный поступок. Только несколько минут назад я понял, что значит быть внуком Эмира Теймура. Никто не поднял на меня меч. Клянусь памятью моих погибших родичей, больше такие ошибки не повторятся.

Шахрух, услышав трясущийся от страха голос племянника, смягчился:

- Хорошо, посмотрим что я смогу сделать... Но ты характер деда знаешь. Молись, чтобы все обошлось.

Султан Гусейн стал бурно благодарить:

- Дядя, я никогда не забуду твою доброту!

Настроение Эмира Теймура было прекрасное. Он блестяще выиграл сражение, и почти без потерь. Правда, он пока не взял город,

но знал, что этот день недалек. Дамаск уже не оправится от этого поражения, ему ничего не останется, как сдаться ему. И в этот момент, когда Эмир сиял, Шахрух пришел к нему и сообщил, что пленил Султана Гусейна. Вначале Эмир рассчитывал строго наказать внука, даже приказал связать ему руки. Однако посредничество Шахруха сделало свое дело, Эмир простил внука, не стал выносить ему смертный приговор. Хотя и опозорил его, приказав побить палкой перед воинами.

До самого Самарканда Султан Гусейн не показывался деду на глаза.

На следующее утро поступил приказ от Эмира Теймура: «Всему войску с полным вооружением окружить город!»

На слонов надели железные кольчуги, подогнали катапульты, подняли флаги и штандарты. Строевым шагом войско взяло город в кольцо.

Население Дамаска никогда в жизни не видело такой грандиозной армии. Каждый слон напоминал скалу, словно на город наступали горы. Население в страхе ждало кончины. Этот страх сковал султана Фараджа и его окружение.

Теперь уже от смертельного страха тряслись и окружающие его эмиры. Они теперь поняли, что Теймур непобедим. Думали лишь о том, как спасти собственную шкуру, страх быть казненными преследовал их как тень. А когда войско Эмира Теймура окружило город, эта тень стала еще гуще, словно даже путалась у них под ногами. Они думали лишь о том, как спастись.

Жизнь штука сладкая, ее и на богатство не заменишь. Потерял ее, значит, потерял все. У подданных Фараджа головы пока что были еще на плечах, и они думали, как не потерять жизнь. Положение действительно было тяжелым. Если теймуриды войдут в Дамаск, головы им точно не сносить.

Когда Фарадж вызвал их на совещание, они будто ждали этой минуты. Но противник визиря Яшбека Гарауз был казнен. Когда эмиры Новруз Хафизы, Яшбек, Тазбек, Шейх Хаджаки вошли в приемную, он стоял у окна и смотрел на мечущихся, кричащих людей и это начинало его пугать. Сколько ни думал, но найти выход из ситуации не мог и поминутно вздыхал. Вспоминал Каир. «Какие там у меня

были счастливые дни, никто не смел мне перечить. Как получилось, что я попал в капкан Эмира Теймура? Если бы отец был жив, он бы мне что-то подсказал», - думал маленький султан. От этих дум его отвлек легкий кашель. Султан обернулся и увидел перед собой четырех эмиров, которым доверял. Молча прошел к трону. Движением руки позволил сесть.

- Беки, положение наше тяжелое. Мы в капкане. Теймур кольцом окружил город. Это окружение не только мы, но и птица не прорвет. Наша гибель здесь означает и падение Египта. Если спасем Египет, можем помочь и Дамаску. Что вы скажете по этому поводу? – сказал султан Фарадж и по очереди посмотрел на эмиров. – Сдадимся, или будем обороняться? Скажите что-нибудь.

Когда встал визирь Яшбек, в душе Фараджа затеплилась надежда. Яшбек всегда выручал его в трудных ситуациях. «Интересно, что он скажет сейчас?», - подумал Фарадж.

- Прошу, мы тебя слушаем.

- Мой правитель, я постараюсь быть немногословен. Сейчас до рога каждая минута, мы не можем терять время. Я не намерен анализировать наше поражение вне города. Было бы неплохо, если мы это сделаем хладнокровно в Каире...

- Визирь, говори по сути, - нетерпеливо сказал Фарадж. – Сейчас на самом деле не время обсуждать поражение.

Визирь попытался перейти к сути вопроса, хотя сделать это ему было очень тяжело.

- Когда мы пришли сюда, у нас была хорошо вооруженная армия. А теперь, когда мы потеряли две трети, что можем сделать? Предлагаю выйти из города и вернуться в Каир. В городе людей много, они смогут защититься. Таким образом мы избавимся от этой проблемы.

Встал беглярбек Дамаска Тазбек:

- Мой правитель, - он мельком взглянул на Яшбека, - вы особо не обращайтесь внимания на слова визиря. Почему? Отвечу. Во-первых, нас, кажется, сглазили. Всегда героически сражавшимся воинам на этот раз словно руки-ноги связали. Поэтому мы потеряли много людей. Но в городе у нас достаточно воинов, я не говорю уже о населении, да и крепость очень крепкая.

- В Хелебе тоже так думали, - бросил реплику Новруз Хафиза.

Тазбек не обратил на это внимания.

- Во-вторых, вы сами изволили сказать, что осаду даже птица не прорвет. В этом случае вы как собираетесь выходить из города? С боем? Это невозможно, все погибнут. Поэтому предлагаю защищать город. Уверяю вас, если осада затянется, этот хромой уйдет.

Логичность мысли заставила всех промолчать. Тишину нарушил султан Фарадж.

- Выходит, - сказал он, повернувшись к Яшбеку, - мы должны или защищаться, или сдаваться на милость врагу. Другого пути нет? Хорошо, а как мы на самом деле можем вернуться в Каир?

- Есть один путь, мой султан: самый хороший советчик в этом деле – хитрость.

У Фараджа загорелись глаза. Тени надежд эмиров стали удлиняться.

- Что за путь, говори, чтобы мы избавились от этого ада.

Яшбек небольшими плутоватыми глазами посмотрел на Тазбека:

- Надо отправить письмо Теймуру.

На этот раз реплика последовала от Тазбека:

- Ну да, как только Теймур получит письмо, он сразу откроет коридор в осаде! – ядовито воскликнул он. – Откроет ворота Египта и скажет: «Пожалуйста, уважаемые!» Вай, вай! Его зовут Эмир Теймур! Поймите вы, оттого, что мы будем беспрестанно говорить «халва-халва», во рту слаще не станет. Надо сражаться, защищаться!

- Вы правы, Тазбек. Он действительно, получив письмо, снимет осаду. Этому будет способствовать то, что будет написано в письме. Ты считаешь тюрков слишком умными? У них только запястья сильны и...

Султан Фарадж опять проявил нетерпение:

- Что будем писать в письме?

- Примерно такой текст: «Непредвиденные события произошли по вине населения и невежд. Мы остаемся верными данному эмиру слову. Если войско снимет осаду и вернется в лагерь, завтра мы выполним любой приказ».

Султан Фарадж посмотрел на сидящих:

- А вы что думаете?

Новруз Хафизи, покачивая головой, сказал:

- Если он на самом деле поверит этому письму и ответит войска, мы спокойно можем отправиться в Египет. Вполне возможно, что он, тюркский полководец, проявит достоинство. Ведь он к тому же мусульманин. Все может быть.

Тазбек вновь заговорил:

- А не снимет осаду, не ответит войска?.. Что тогда?

- Тогда остается воевать, - оборвал спор султан.

Эмир Теймур, как только получил письмо, проявив великодушие, отдал приказ войскам вернуться в лагерь и расположиться на отдых.

Этой же ночью султан Фарадж и его окружение, тайно покинув город, сбежали в Египет. В Дамаске население осталось без руководства и без защиты...

Лазутчик Теймура по имени Чахмак, который занимался серьезными делами в Дамаске, с утра был у Эмира Теймура и сообщил о бегстве Фараджа. В этой ситуации приказ Эмира Теймура, мозг которого работал как часы, был предельно краток и точен: «Принцам Абу Бекру и Джаханшах беку взять под контроль ворота города! Никого не выпускать! Севинджек беку, Шейху Нуреддину, Али Султану срочно организовать погоню».

Сбежавшие ушли недалеко, так как груз был тяжел. Только бросив все, султан Фарадж смог оторваться. Люди Теймура, забрав достаточно много брошенных богатств, повернули обратно...

Ворота Дамаска открылись. Гази, сейиды, улямы пешком, с подарками вышли из ворот и, склонив головы, пошли в сторону шатра Теймура.

Когда начальник охраны вошел в шатер, Эмир Теймур обедал.

- Мой правитель, Дамаск открыл ворота. Пришли известные люди города, даже ибн Халдун.

Эмир Теймур только поднес ко рту кусок мяса ягненка, но, услышав имя, его рука застыла на полпути. Он не хотел верить своим ушам.

- Кто пришел, ты сказал?!

Вопрос смутил Тахмаз бека. Никогда ничему не удивлявшийся правитель сейчас был в изумлении.

- Я сказал, сейиды...

- Чье имя ты назвал в конце? – прервал его Теймур.

- Ибн Халдуна.

Теймур положил кусок мяса обратно в миску.

- Действительно пути Аллаха неисповедимы! Известный историк, философ-ученый сам идет ко мне! Пригласи только его. Остальные пусть ждут.

Самый известный историк и дипломат своего времени ибн Халдун был глубоко ученым человеком. В 1381 году, когда он написал первый том «Общей истории», ему и в голову не могло придти, что, проводя сопоставительный анализ между арабами и варварами, книга в конечном итоге превратится в философскую историю и принесет ему широкую известность. Под покровительством Султана Баркука он в Каире выполнял функции главного кадия, работал секретарем, советником, послом. Родившемуся в Тунисе ученому доверялось вести переговоры со всеми правителями Северной Африки. Все его знали, уважали и ценили.

Когда султан Фарадж приехал в Дамаск, он взял с собой ибн Халдуна. Однако быстрый побег султана вынудил последнего остаться в Дамаске. Там же он первым дал совет открыть ворота города перед Эмиром Теймуром. Совет был принят безоговорочно. Ибн Халдун никогда не врал, не принимал ошибочных решений. Но среди сторонников войны обрел немало врагов.

...Когда ибн Халдун вошел в шатер, скатерть еще не была убрана. Слуги делили еду, которая стояла перед Эмиром Теймуром, между принцами и эмирами. Этот обычай перешел к нему от татар. Сперва еда приносится правителю, он берет себе, что пожелает, а то, что осталось, распределяется остальным.

Ибн Халдун степенно поклонился, подошел и поцеловал протянутую левую руку. Они одновременно посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись.

- Добро пожаловать, ибн Халдун, - уважительно произнес Теймур.

Ибн Халдун еще раз почтительно поклонился и произнес по-тюркски:

- Аллах в помощь Великому Правителю. – Фраза, произнесенная на этом языке, изумила присутствующих так, что все, забыв про трапезу, стали внимательно слушать.

- Я ждал этой минуты встречи с Правителем сорок лет. Мне не верится, что я беседую с вами. Еще со времен Адама не родился такой правитель, как вы. Еще в 1358 году один улям мне сказал, что построение планет говорит о том, что среди народов северо-востока один человек будет управлять всеми ханствами, будет свергать правителей, сам станет властелином мира. Добро пожаловать в Дамаск, о Властелин мира!

Эмир указал ему место за общим достарханом. Как только он сел, перед ним поставили миску. Теймур краем глаза смотрел на него. Он был доволен высказыванием ученого, но не подавал виду. Потому что знал, что он еще не властелин мира. Для этого еще требовалось время; впереди его еще ждала армия Беязида. Правда, и обижать этого великого ученого тоже не следовало. Взял кусок мяса из миски, показал его слуге. Тот молча наполнил миску кусками мяса и стал раздавать присутствующим.

- Ты пришел с какой-то просьбой? – неожиданно спросил Эмир Теймур. – Что ты просишь?

Ибн Халдун ждал этот вопрос.

- Я пришел просить пощады для населения Дамаска, Великий Правитель! Мы хотим, чтобы ты их простил.

Эмир Теймур задумался, потом сказал:

- Мы вернемся к этому вопросу. Скажи, ты сможешь подготовить историю и географию стран Северной Африки за месяц?

- Смогу, Великий Правитель, но для этого должны быть созданы условия...

Дамаск во всей красе и великолепии был у ног Эмира Теймура. После того, как войско вошло в город, он приказал заложить кирпичом все восемь ворот для того, чтобы никто не мог выйти. С населения начала взиматься подушная подать...

Начальник внутренней крепости Диздар Кутвал никак не мог смириться со сдачей города Теймуру. После того, как Фарадж сбежал, оставшиеся воины заперлись во внутренней крепости, полные решимости сражаться. Стены внутренней крепости были крепки, а продовольствия и воды хватало бы надолго. По этой причине и под давлением своих воинов Диздар Кутвал принял решение сражаться. Узнав об этом решении, Эмир Теймур отдал приказ: «Взять крепость!» Но

когда воины приблизились к крепости, на них посыпались стрелы, стали падать огромные горящие тюки, вымоченные в нефти, защитники крепости выливали на осаждавших кипящую смолу и масло. Крепость действительно оказалась неприступной. Воины со щитами над головой сперва осушили ров вокруг крепости, потом, засыпав его землей, пошли в атаку. Но опять повторилась та же картина, и им пришлось отступить. Затягивание взятия крепости взъярило Эмира Теймура. Он не собирался надолго задерживаться здесь, это не входило в его планы. Он отдал новый приказ: «Сделать подкопы под углами крепости». «В Дамаске в мою честь были прочитаны молитвы, отчеканены монеты, так неужели я не смогу взять внутреннюю крепость? Это же очернит мое имя, положит конец моей непобедимости», - думал он.

Тысячники Алтун Бахши и Бурс Тахир заставили воинов работать день и ночь. Часть работала, другая часть прикрывала их щитами от стрел. Еще одна часть воинов укрепляла подкоп подпорками и досками. После завершения всех работ поступил новый приказ: «Поджечь доски в подкопах!»

Тысячник Алтун Бахчи передал приказ своим воинам.

Один из них, держа в одной руке факел, а другой щит для прикрытия, побежал в сторону подкопа, но тут выпущенная со стены стрела попала ему в ногу. Он упал, закричал и неосторожно опустил щит. Вторая стрела попала ему в глаз. Факел упал рядом с бездыханным телом.

Если не устроить впереди заслон, поджечь подкоп будет невозможно.

- Ста воинам создать заслон из щитов! Путь к подкопу оставить открытым! – поступила команда Правителя.

В мгновение ока сто воинов, прикрытые щитами, очистили дорогу к подкопу. Один из воинов, забравшись в подкоп, поджег доски. Смоченные нефтью доски мгновенно воспламенились. Сперва из подкопа повалил черный дым, потом появились языки пламени. Пламя гудело и бушевало, словно под землей кто-то раздувал кузнечные меха. Через несколько минут башня стала крениться, потом рухнула, подняв тучи пыли. Громадная башня, выдерживавшая жару и стужу, рухнув, погребла под собой человек семьдесят не успевших отбежать

воинов. Но никто уже не обращал внимания на погибших, их похоронят после того, как крепость будет взята. Если бы теймуриды обращали внимание на гибель товарищей, пытались обезопасить себя любыми способами, они не имели бы права называться непобедимыми. Воин, идя в бой, не должен был думать о смерти, а только лишь о победе. А победа означала богатство, трофеи, новых рабов и рабынь. Победу ни в коем случае нельзя было упускать из рук.

...Когда были подожены и другие подкопы, воины Алтуна Бахши по обломкам проникли в крепость. Сорок три дня обороны внутренней крепости подходили к концу; она будет разграблена и разрушена. В казне крепости только серебряных монет хранилось около миллиона штук. Склады были полны золота, драгоценных камней, золотых изделий. Начальник крепости, видя позорное падение крепости, покончил с собой. Его обнаружили повесившимся в одной из комнат. Всех пленных внутренней крепости вывели из города и поделили между беками и эмирами. Лучших ремесленников и лекарей Дамаска отправили в Самарканд...

Нога Эмира Теймура начала болеть. Это происходило редко, чаще всего нога беспокоила в спокойное время. Бывало, что во время походов или сражений она даже чернела, но Правитель не покорялся этой боли. А тут, во время блистательных побед, боль в ноге доставляла ему неудобства. В Дамаске у него больше не было дел, надо было в короткие сроки уйти отсюда. Но пока он располагался в самом красивом дворце – Аблак, стены которого были облицованы белым мрамором. Сидя в приемных покоях, приказал секретарю:

- Пиши!

Секретарь обмакнул перо в чернила и выжидательно посмотрел на Эмира.

– Принцам Мираншаху и Шахруху двигаться в сторону моря Ханан, затем Афрандж¹¹². Пусть подчинят нам население приграничных районов. Написал?

Секретарь поставил точку и сказал:

- Да, мой правитель.

- Напиши другое письмо Сулейманшах беку.

¹¹² Средиземное море

Секретарь вынул из сундучка несколько листов бумаги.

- Пусть возьмет пять тысяч воинов, отправится в Багдад для сбора налогов. Принцы Рустам и Абу Бекр, а также Шейх Нуреддин с десятитысячным войском пусть отправятся в город пророка Сулеймана Тадмор.

Теймур дождался, пока секретарь допишет. Тот вновь выжидательно посмотрел на правителя.

- Принцу Халил Султану, Буга Барласу, Теймуру Ходже Аг Буге, Али Султану Тавачы. Пусть с пятнадцатитысячным войском нападут на туркменов на берегах Ферата!

Секретарь, уже много лет работавший с правителем, знал, что таких приказов будет много. И он не ошибся. Эмир Теймур продиктовал ему еще три приказа.

- Принц Мухаммед Султан, охраняющий восточные границы империи, со своими эмирами пусть отправляется в Азербайджан. Трон Хулаки я поручу ему. – Эмир сделал передышку. – Потом Туман Ага со своими детьми пусть переселится в эти земли, мы его встретим. Последнее мое письмо будет правителям мира. Пиши! Египет и Сирия находятся под моей властью. В этих местах в мою честь читаются молитвы, чеканятся монеты. – Эмир чуть призадумался, потом спросил: - Успел написать?

Секретарь положил перо в чернильницу, взял последнее письмо, подул на него. Потом расплавил сургуч и налил на письма. Эмир Теймур своим перстнем на левой руке поставил на них печать.

В этот момент начальник охраны Тахмаз бек появился в дверях:

- Мой правитель, пожаловали влиятельные люди Дамаска – шейхи и сейиды.

Двери приемной были открыты настежь. Сперва вошла вооруженная охрана, потом тридцать, тридцать пять представителей города. Вошедшие преклонили колена и поклонились. Следом за ними слуги внесли двадцать сундуков. Эмир Теймур, гордо сидя на переносном троне, оглядел прибывших. Мелькнула какая-то мысль, но он не озвучил ее.

- Пусть встанет тот, кто будет говорить от вашего имени.

Встали все, и один из них вышел вперед:

- Я, о Великий Правитель, ваш покорный слуга Джамаледдин.

- Говорите, я вас слушаю. Чего просите, на что жалуетесь?
– Произнеся это, Эмир Теймур почувствовал острую боль в ноге и сморщился. Пришедшие расценили это по-своему, решив, что он недоволен их визитом. Это их сильно напугало. Побледневший Джамаледдин взволнованно заговорил:

- О Великий Правитель, властелин четырех частей света! Везде, где ты правишь, от тебя ждут справедливости. Мы тоже пришли за справедливостью, но если ты позволишь, сперва мы представим монеты, отчеканенные в твою честь.

Обернувшись, он посмотрел на слугу. Слуга передал шейху большой поднос, покрытый шелковой тканью. Шейх, в свою очередь, с поклоном подошел к Эмиру Теймуру и протянул ему подношение. Теймур снял шелковую ткань. Золотые и серебряные монеты достоинством в сто, пятьдесят и десять мискалей¹¹³, отчеканенные в его честь, блестели и переливались. Это подняло ему настроение, это была его победа. Эмир взял один золотой тенге, с интересом осмотрел обе стороны. Его уже вписывали в историю золотой чеканкой. Но те не оставляли особого следа в истории, не хранились. Эти же будут храниться в домах, дворцах, казнах.

- Я доволен, что еще?

Один из слуг подошел, забрал поднос.

- Еще... Мы знаем, что Великого Правителя ничем удивить нельзя, но нижайше просим осмотреть наши подарки и принять их.

И показал на выстроенные в ряд с откинутыми крышками сундуки. Эмир встал, волоча ногу, подошел к сундукам, внимательно осмотрел их содержимое. Здесь были изделия из золота, инкрустированные драгоценными камнями кинжалы и мечи. На ум пришли слова устада: «Материальные ценности укрепляют государство, духовные же ценности служат совершенству».

На самом деле он давно устал от всего этого. Золото, подарки, просьбы не прекращались. Взамен все чего-то хотели – просили помилования, благоволения, доверия. Но никто не знал, для чего он все это заработал, ведь все это невозможно было потратить и за столетия. Но, может, эти богатства иссякнут уже через два-три века? Но это уже

¹¹³ Монета в Сирии.

зависело от его потомков. А было заработано еще и то, что и за столетия не иссякло бы. Эта была власть над миром! Эту власть, которую он завоюет, ни один завоеватель не сможет повторить. Это было суждено лишь ему. Всевышний для этой цели избрал его. Всевышний его руками поднимал тюркский флаг все выше и выше, прославляя его власть. А все это золото, серебро было средством для власти над миром. Одним небольшим средством. Чем больше будет этих средств, тем лучше.

Ему захотелось побыстрее закончить разговор, и он устало пошел к своему трону.

- Что вы хотите?

- Хотим, чтобы вы помиловали население города, Великий Правитель! Для самого большого правителя это не составит труда, потому что мы тоже подданные правителя.

- Для помилования выдадите миллион золотых тенге, - не раздумывая, сказал Теймур. - Если у вас все, можете идти.

Пришедшие, пятясь, с поклонами вышли из приемной. Эмир глубоко вздохнул и вновь подумал: «Устал я от всего этого». Когда Тахмаз бек повторно зашел в приемную, он хотел приказать ему выйти, но в последний момент передумал. Он не мог отказаться от своей власти. Это не понравилось бы и Всевышнему.

- Мой правитель, ибн Халдун просит принять его.

Ибн Халдун! Это уже был совсем другой поворот дела.

Когда этот светлый человек вошел в приемную, вокруг будто все посветлело. Внутренняя тяжесть исчезла, ее сменила легкость.

- Заходи, для ибн Халдуна нет закрытых дверей. - И Эмир рукой показал на подушки напротив себя. - Садись, о мудрый человек. Давно я не беседовал с ученым. Каждый пытается изумить меня подарками и взамен обязательно чего-то хочет, просит...

Ибн Халдун, почтительно поклонившись, поздоровался, сел на указанное Эмиром место. С собой рядом положил принесенный небольшой сундучок. Открыв его, вынул книгу, завернутую в сукно, встал.

- О Великий Правитель! - Он протянул двумя руками книгу. - У меня в отличие от других нет возможности дарить вам золото, сере-

бро, драгоценности... Но если позволите, я преподнесу один из самых древних экземпляров Корана.

Поцеловав священную книгу, ибн Халдун приложил ее ко лбу. Затем развернул сукно и протянул Коран Эмиру Теймуру. Красота книги поразила его. Словно поток света ворвался во дворец, осветил все и вся. Книга к тому же была отделана золотым шитьем. Эмир поцеловал книгу.

- Что может быть дороже этого подарка, ибн Халдун?! Самый древний экземпляр! Разве не эта, священная с самого детства книга, когда глаза наши стали видеть, уши слышать, позволяет нам познать мир через мудрые советы Аллаха? Я теперь понял причину того, почему несколько дней меня что-то беспокоит, а на душе тоскливо. Оказывается, я очень нуждался в этой книге!

Эмир поцеловал Коран и передал его секретарю. Тот также почтительно поцеловал Коран, потом, подойдя к специальному сундуку для книг, аккуратно спрятал его туда. Когда крышка сундука захлопнулась, кругом все как бы померкло.

Был уже вечер, но еще не совсем стемнело. Но Эмиру Теймуру почему-то показалось, что уже темно, и он приказал зажечь лампы и свечи. Ибн Халдуну показал место рядом с собой. Это было высшим показателем расположения и доверия.

Но ибн Халдун не сел. Вновь подойдя к сундучку, вынул красиво расшитый коврик для намаза, экземпляр стихов о жизни пророка Мухаммеда известного поэта Аль Бусири и свой отчет о странах Северной Африки. Все это он тоже преподнес Эмиру Теймуру. Эмир остался очень доволен подарками. Только после того, как Эмир Теймур сел, ибн Халдун присел с ним рядом. В приподнятом настроении Эмир Теймур спросил:

- О чем ты хочешь меня попросить, спросить, о мудрый человек?

Опытный дипломат, как свои пять пальцев прекрасно знавший все премудрости дворцовых интриг, ибн Халдун понял, что может здорово помочь сейидам и улямам, прибывшим в Дамаск вместе с Фараджем, который благополучно сбежал, не подумав о тех, кто учил его уму-разуму.

- О Великий правитель! Учителя, секретари, чиновники и судьи, которые учили Фараджа по сурам Корана, а он их в результате бро-

сил на произвол судьбы, теперь перешли под ваше правление. Наверное, Великий правитель не отдалит их от себя, напротив, – озарит их своим светом милосердия и сострадания. – Говоря это, ибн Халдун глядел на Эмира. Но, видя, что лицо правителя не выражает ничего, постарался побыстрее завершить речь. – Ваше правление настолько велико, владений настолько много, что в использовании этих людей есть необходимость. Они могут стать вам хорошими помощниками в вопросах религии, политики и других делах, и делать это будут лучше других.

Всегда прислушивающийся к правильным словам Эмир Теймур подумал: «А почему я должен умные слова умных людей пропускать мимо ушей? После того как я уйду отсюда, нужны люди, которые будут управлять от моего имени. Почему бы не использовать этих?»

- Что ты желаешь для них?

Ибн Халдун поймал тонкий момент в голосе Теймура: ему нужны были умные люди! Именно с умными людьми и благодаря своей дальновидности он множил победы. Мир очень нуждался в таких мудрых людях. Если бы мир принял его в свое время, не было бы необходимости проливать столько крови. Хотя иногда кровь может быть отравленной и, спуская ее, организм становится здоровее. Наверняка пролитая им кровь за эти годы послужила оздоровлению человечества. Он должен был достойно озвучить просьбу.

- В трудные времена письменного обещания достаточно, чтобы они в сложных условиях остались неприкосновенными. Они ученые-богословы, улямы. Без них нашей религии будет трудно! – Ибн Халдун замолчал. «Достаточно, далее ничего не стоит говорить. Дальше пусть он сам решает», – подумал он.

Звонкий голос Эмира Теймура отвлек его от раздумий. Эмир приказал сидящему в углу секретарю:

- Подготовьте указ!

Секретарь послушно макнул перо в чернила. Этим указом религиозные деятели в белых одеждах и многие другие были спасены от опасности смерти.

Теймур никогда не слышал такой просьбы. При чем в обмен на самый лучший экземпляр Корана!

- Ибн Халдун! Нас всех создал невидимый, но всемогущий Аллах. В суре «Ясин» говорится, что если Аллах сказал «это будет», зна-

чит, действительно будет. Как описывается в Коране, Аллах вначале создал Адама, потом Еву. От их любви родились Абель и Каин. Потом образовался пророб. Потом ураган пророка Ноя покpыл землю водой. В священной книге говорится, что жена пророка Ибрагима Сара родила Ицхака, а жена Хаджар – Исмаила. Иудеи почитают Ицхака, арабы – Исмаила. Люди от одного корня потом разделяются на различные народы, говорят на разных языках. – Ибн Халдун внимательно слушал наполненную логикой речь Эмира Теймура, пытался прояснить, куда клонит правитель, готовил предполагаемые ответы либо вопросы. Теймур же после этого пространного предисловия сразу задал вопрос: – Меня всегда волновал и беспокоил один момент. Где основа тюркской религии? Я верю легендам и преданиям. Они не возникли на пустом месте и не могут быть полностью выдуманными. Я уверен, что каждая из них имеет историческую основу. Но их надо найти, проанализировать и представить обществу. В одном из хадисов даже говорится, что Аллах посылает тюрков на тех, кто свернул с пути истинного, требует наказать их. Видимо, поэтому мы здесь. Я пришел сюда не только для того, чтобы завоевать мир, а с целью наказать сошедших с пути истинного. Иначе Аллах не дал бы мне столько побед, не привел бы меня сюда. Я думаю, что избранными Аллахом являются не только пророки, но и завоеватели. Но тогда кто мы, тюрки, от какого пророка мы произошли, куда уходят наши корни?

На самом деле, слушая это предисловие, ибн Халдун предполагал, что в конце будет задан вопрос о новых завоевателях. Ему несложно было ответить на эти вопросы. Но он ошибался. Доселе он представлял себе Эмира Теймура только как талантливое полководца, завоевателя. А перед ним сидел мудрый человек, помимо всего еще и хорошо знающий религию, историю, человек, который хотел докопаться до истины во многих вопросах. Ему надо было дать точные ответы.

- Если верить мифологии, корни тюрков уходят к Хизир Ильясу, пророку Огузов... - с расстановкой сказал он.

Эмир Теймур прервал его:

- Это я знаю. А если верить историческим знаниям?

- Если верить религиозно-историческим знаниям, - ибн Халдун остановился, чтобы выиграть время для формулирования точного ответа, – корни тюрков уходят к пророку Ною.

- Кому, кому? – не поверил своим ушам Эмир Теймур.

Ибн Халдун, как ни в чем не бывало, спокойно повторил:

- К пророку Ною, Великий правитель!

Эмир Теймур заерзал на месте, потом встал. Вслед за ним встал и ибн Халдун. Эмир задумчиво походил по залу, потом подошел к ученому, посмотрел на его одухотворенное лицо.

- То, что ты сказал, имеет историческое обоснование?

- Имеет, Великий правитель! Согласно историческим источникам одного из сыновей Ноя звали Яфес. Сына Яфеса звали Гамер, внука – Торк, или Тюрк, правнука – Тогарма. – Ибн Халдун помолчал, потом продолжил: – Когда я работал с иудейскими архивами, мне попалось интересное письмо хазарского Хагана. Хаган Иосиф, принявший религию Мусеви¹¹⁴, в ответ на вопрос о происхождении тюрков говорит: хазары происходят из рода Хазарекина, одного из десяти детей Тогарма. В его письме упоминается девять имен, родственных хазарам: Уйгур, Турис, Авар, Огуз, Бизал, Торна, Янур, Булгар, Савир. – Ученый вновь замолк как бы для того, чтобы правитель хорошо запомнил сказанное. – В другом историческом источнике указывается, что Тюрк, Булгар и Хазар являются сыновьями Яфеса.

Все еще стоявший правитель ни разу не прервал ученого, а от услышанного буквально окаменел. Никто и никогда не рассказывал ему так точно о происхождении тюрков. Наконец он пришел в себя. В разброде чувств прошел к своему трону, показал ибн Халдуну место рядом с ним. Потом спросил:

- Хорошо, ибн Халдун, а был ли исторической личностью Алп Эр Тонга? Я имею в виду, – поправил себя Эмир, – Афрасияба. Или он тоже миф?

Ибн Халдун улыбнулся, согласно кивнул головой:

- Историческая личность, безусловно, более того – в прошлом в связи с его смертью сложили баяты. А баяты не создают на мифах,

¹¹⁴ Иудейство. Мусеви — от имени пророка Моисея (Мусы на тюркском и арабском языках).

они отражают действительность, грусть и радость человека. Алп Эр Тонга – Афрасияб – был хаганом Турана.

Эмир Теймур усмехнулся. Он вспомнил сон, который приснился ему во время похода в Индию. Помассировал левой рукой колено и задал еще один вопрос:

- В чем разница между Тураном и Тюркистаном?

Ибн Халдун тоже тихо рассмеялся. Боже, кто это перед ним? Он еще не видел такого образованного правителя! Он почувствовал себя школьником, стоящим перед учителем. Сразу принял серьезный вид.

- Земли, простирающиеся от восточного побережья Хазара¹¹⁵ до самого Китая, называются Тюркистаном, а земли от западного побережья до Средиземного моря называются Тураном. После Афрасияба хаганов было много – гунны, гейтюрки, Чингиз хан – они объединили Туран...

Слушая внимательно, буквально не переводя дыхания, рассказ ибн Халдуна, Эмир Теймур вспомнил свою беседу у костра тридцать лет назад с Сейидом Берке. «Значит, уstad в своих размышлениях абсолютно не ошибался. Все, что он говорил тридцать лет назад, ибн Халдун повторяет сегодня. Значит, они оба почерпнули сведения из одних источников». И тут же огорчился: «Странная жизнь! Для того чтобы уяснить себе простую истину, мне понадобилось тридцать лет. Вполне возможно, что эти исторические сведения держались за сорока замками, и никто не мог достичь их. Но почему их держали в секрете?»

Отвлечшись от раздумий, Эмир сменил тему:

- А что за вопрос с Тураном и Ираном?

- Иран – это миф, придуманный Абдулгасымом Фирдоуси, в который он и сам поверил. Иногда легенды, предания, сказки могут опережать правду. Когда народ безграмотен, он верит сказкам, а если правитель плут, он хочет верить мифам и пытается заставить поверить в него и народ. На берегу Персидского залива есть небольшое местечко под названием Иран. Название страны взято от того местечка и со временем постоянно бытовало мнение, что это большое государство,

¹¹⁵ Каспийское море.

которое все время противостояло Турану. Ни в одном историческом документе нет речи о наличии государства Иран.

Теймур вновь встал, за ним поднялся и ибн Халдун. Это было знаком для завершения разговора.

Ибн Халдун не насытился разговором с Эмиром Теймуром. Но чувствовал себя возвышенно, легко. Вопросы таких личностей были важны не только для того, чтобы учить, но и учиться.

Эмир Теймур тоже был очень доволен этим разговором. Он понимал, что этот разговор – не случайный. В Самарканде такие ученые могли бы многое сделать. Более того, он получил согласие ибн Халдуна перебраться в Самарканд. Но с условием, что он перевезет туда десятки тысяч книг, которые находились в Каире. Именно с этой целью Великий Эмир отправил его в Каир. Но время и обстоятельства не позволили завершить это дело.

Позднее, в своих воспоминаниях об Эмире Теймуре ибн Халдун писал: «Его народ был такой многочисленный, что сосчитать невозможно. Если принять во внимание, что только армия насчитывала миллион¹¹⁶, можно представить, сколько их было. Если выстроить армию в ряд, конца-края не будет.

Теймур был самым могущественным из правителей своего времени. Причины этого кто-то пытается выискать в знаниях, другие – в богохульных делах. Потому что он с уважением относился к людям, Али и шиитам. Кто-то называл его колдуном, другие магом. Но все это пустяки.

Он был просто очень умным, прозорливым, умелым и проницательным человеком. Он всегда был готов полемизировать на темы, о которых знал много, или даже не знал ничего...

Он был из тех, над которыми всегда витало милосердие Аллаха. Вся сила принадлежит Аллаху. Он ее давал только избранным».

¹¹⁶ Ибн Халдун имеет в виду не только активные войсковые части, но и вспомогательные службы — фуражиры, маркитанты, инженеры и т.п. (Прим. ред.)

Темная пелена ночи покрыла Дамаск, ни зги не было видно, ветер с неумолимым бешенством взвизывал над городом. Такие пасмурные ночи были редки для Дамаска, а если и случались, то отличались чернотой ночи, наводя страх на жителей. Ветер вздымал в пустыне тучи песка, обрушивал их на крыши домов, потом снова сметая.

Первые этажи многих домов в городе строились из камня, вторые и третьи – из дерева, покрывались резьбой, затем – краской. Ветер со свистом пронесся по улочкам, ударившись о стены домов, взмывал вверх, вырывался на простор, потом снова завывал в переулках. На улицах было пустынно. Не было слышно никаких звуков, кроме волчьего завывания ветра. Но в одном из кварталов десяток людей крались, словно тени, прикрываясь от ветра плащами. Крадучись, они подошли к дому, где ночевал сотник Эмира. Остановившийся впереди, обернувшись, шепотом спросил:

- Ты уверен, что он здесь?

Стоявший сзади также шепотом ответил:

- Да, будь спокоен. Я сегодня целый день следил за ним. В доме, кроме рабынь и четырех воинов, никого нет.

- А где девушка?

Ветер уносил шепот в сторону, говорить было трудно.

- Как войдешь, на первом этаже, в комнате слева.

Первый вытащил из-под плаща короткий меч и вставил его в дверной проем. Поводив им вверх-вниз, обнаружил крючок, осторожно приподнял его и толкнул дверь. Створка двери со скрипом открылась, и тени тихо растворились в темноте...

Сотник Джамал спал на втором этаже. Последнее время он спал очень чутко и сразу проснулся от скрипа, донесшегося с первого этажа. Тихо оделся, зажег лампу. Выйдя из комнаты, он так же тихо ткнул ногами в бок спавшего воина. Когда тот открыл глаза и попытался встать, приложил палец к губам:

- Т-с-с-с... Кажется, в доме кто-то есть, одевайтесь все.

Все тихо, но быстро оделись.

Когда он с лампой в руках стал спускаться вниз по лестнице, свет осветил тени на первом этаже.

- Кто вы такие, что вам надо? – громко спросил Джамал.

Тени подняли головы, посмотрели на сотника. Ответа не последовало, вместо этого снизу вверх в тусклом свете сверкнула сталь брошенного кинжала, который впился прямо в сердце сотника. Не успев даже крикнуть, он кубарем скатился вниз. Лампа выпала из рук, разбилась, из-за разлившегося керосина загорелся ковер.

Двое воинов, не обращая внимания на языки огня, бросились на незваных гостей, третий, выпрыгнув через окно на улицу, стал кричать:

- Тревога, теймуридов убивают!

Крикнув, он стал стучать по калиткам и дверям. Через некоторое время в домах стали зажигаться лампы, на улицу высыпали воины и побежали в направлении, указанном их товарищем.

За это время тени-убийцы закололи двух воинов и, забрав девушку, скрылись...

О случившемся в ту же ночь 17 марта 1401 года сообщили Эмиру Теймуру. От него пришел короткий и конкретный приказ: «Разграбить город!»

Все население города было взято в плен. За короткий срок воины взяли столько трофеев, что уже не хватало вьючных животных. Добро начали грузить на пленных.

Все было уничтожено только из-за одного предательства.

Дамаск горел. Вначале на огонь от лампы, выпавшей из рук сотника Джамала, никто не обратил внимание. Но потом, когда начали пылать верхние, деревянные этажи, грабеж забылся. От сильного ветра огонь с большой скоростью стал перекидываться на буквально прижатые друг к другу дома. Через некоторое время город почти полностью был охвачен пламенем. Все попытки Эмира Теймура и его людей усмирить огонь оказались тщетными. Даже его приказ Шах Мелику остался невыполненным, тот не смог спасти Джума мечеть. Через два дня в городе не осталось ни одного целого дома.

Дамаск, этот красивейший город, буквально превратился в огромное пепелище. Увидев эту картину, Эмир Теймур непритворно огорчился. Но это была не его вина, это было наказание Всевышнего. Этот город когда-то иронизировал над обезглавливанием дорого-

го внука пророка – почтеннейшего Гусейна, распространял тиранию и богохульство в халифате и в мире, некогда нанес ущерб высокому имени Ислама. Не потому ли было это наказание? Может быть! Эмир думал о многом, в том числе и об этом. В итоге приказал восстановить город и вернуть всех пленных.

20 марта 1401 года он покинул город и направился сперва в Мардин, потом в направлении Багдада.

Большой, красный шатер среди выстроенных в ряд других шатров выглядел грандиозно. Лунный свет, падая на золотой полумесяц на куполе шатра, отражался красивыми отблесками, флаги красного, зеленого и голубого цвета, вывешенные на входе, развевались на слабом ветерке.

Охрана зажгла возле шатра факелы, но в остальных шатрах было темно, все спали крепким сном. А в красном шатре, несмотря на то, что уже была предутренняя пора, горели свечи и лампы, все пространство шатра было ярко освещено. Султан Бязид не спал, сон пропал совершенно. Он смотрел на карту, внимательно изучал путь Эмира Теймура от Сиваса до Дамаска, о чем-то думал или начинал ходить по шатру взад-вперед.

Не спала и охрана, знать и подданные. Но пока султан их к себе не приглашал. Сегодня он получил последнюю информацию от своих лазутчиков: «Эмир Теймур направил на Багдад пять тысяч воинов». Султан стал ходить по ковру под цвет шатра, потом, устав, сел на трон. Задумался: «Весь мир боится меня; когда слышат мое имя, у многих волосы дыбом встают. А этот мне угрожает. Как ни в чем не было занял принадлежащие мне Сивас и прилегающие территории, потом всю Сирию разорил». Султан встал, стал снова прохаживаться. «Но почему он не пошел на Египет? По моей информации Каир был в панике». Успокоил себя: «Нет, нет, он не пошел на Египет только из-за меня, поостерегся. Наверное, решил, что я нападусь с тыла. Значит, очень умный и предприимчивый человек». Мысли султана вновь перемешались. Он тут же опроверг то, о чем думал минуту назад. «В сущности, он не остерегается меня. А что ему оставалось, как не повернуть назад? Султан Фарадж принял его власть, заставил прочесть в его честь молитвы, отчеканил монеты...»

С этими мыслями султан Беязид встретил утро, так и не сомкнув глаз. Услышав азан с передвижной мечети, ударил в бубен. Как только начальник охраны вошел, приказал:

- Пригласи ко мне султана Ахмеда и Черного Юсифа!

Как только тот вышел, султан прошел в спальню. Засучив рукава, совершил омовение, расстелил коврик и совершил два rukata утреннего намаза. После намаза он почувствовал себя одухотворенным, появились новые мысли и идеи. В это время последний представитель джелаиридов султан Ахмед и Черный Юсиф ждали у дверей шатра. Увидев Ильдырма Беязида, они поклонились, но чувствовалось, что оба возбуждены – срочный приказ явиться с раннего утра не мог быть беспричинным. Поэтому от волнения они даже не успели совершить намаз. Оба внимательно смотрели на султана. Под глазами султана были черные круги от бессонной ночи. Беязид показал им место справа от себя, сам же сел на трон.

- Он пришел за тысячи фарсахов на наши земли и пытается здесь властвовать. – Говоря, Беязид пристально смотрел на султана Ахмеда, пытаюсь понять, как тот среагирует. – Этот хромой Теймурленг! – воскликнул Беязид и ударил себя ладонью по колену. – А мы и не знали, что он мечтает о хаганатстве! Хочет восстановить Туран, а нас подчинить себе. Он не понимает, что после Чингиз хана никто не может быть хаганом, никто не смог объединить тюрков и подчинить себе. И что, теперь мы должны остерегаться того, кто не хаган и не из ханского рода? Это не его затея! Он сатана!

- Вы правы, о великолепный султан! – подтвердил его слова султан Ахмед. – Настало время проучить его. Никто, кроме вас, навещающего ужас на весь мир, заставляющего трепетать гяуров, не сможет остановить его. Прикажите готовиться, о мой султан!

Черный Юсиф в знак согласия кивнул головой:

- Султан Ахмед прав, мой правитель. Надо пойти на сражение до победного конца. Для этого все туркменские народности, и, в основном, гарагойунлу, будут сражаться на вашей стороне до последней капли крови.

Ильдырым Беязид не поддержал их воинственные призывы.

- Беки, я пригласил вас с утра пораньше не для того, чтобы обсуждать с вами сражение с Эмиром Теймуром. Ты в курсе, – обратился он к султану Ахмеду, – где он сейчас, куда движется?

- Да, мой султан, знаю. По сведениям, он некоторое время занимался охотой, - не удержался от иронии потомок джелаиридов, - а сейчас движется в направлении Мардина. Дальше не знаю...

Ильдрым Безид иронично усмехнулся, потом посерьезнел:

- Дальше все известно. Сейчас он в Тебризе. Войска отправил в Багдад. Чтобы отомстить, - и указал пальцами на них. - Да, да отомстить вам обоим. Если город сдастся, он помилует его, но в противном случае камня на камне не оставит... Вы поступите так...

Оба встали, приложив руки к груди и склонившись в ожидании:

- Что пожелаете, приказывайте, все выполним!

Султан встал, немного походил по шатру, потом, не глядя на них, сказал:

- Вы знаете, что Теймурленг мне несколько раз писал. И в каждом письме говорилось, что ко мне у него претензий нет. - Он резко повернулся и опять пальцем указал на них: - Он хочет, чтобы я сдал ему вас. Потом я пойду на Европу, а он к границам Китая. - Султан замолчал и посмотрел на их побледневшие лица. Им показалось, что он пригласил их именно для этого. Вызвал, чтобы сдать их Эмиру Теймуру. Султан читал все это на их лицах. - Но я всегда защищаю своих соратников и тех, кто нашел у меня приют. Поэтому можете быть уверены, что у меня нет таких мыслей, но кое-что вы должны выполнить.

Оба несказанно обрадовались, что избавились от меча либо веревки Эмира Теймура.

- Мы готовы, о наш повелитель, приказывайте.

Султан обернулся к султану Ахмеду:

- Если я не ошибаюсь, ты оставил в Багдаде Фарадж бека в качестве правителя?

- Да, так оно и есть, - подтвердил султан Ахмед.

- Очень хорошо. Напиши ему срочно письмо, чтобы он ни в коем случае не сдавал Багдад. Там крепостные стены крепкие. А сам готовясь, я дам тебе дополнительные силы, отправишься в направлении Багдада. По возможности нападай на отдельные отряды. Сейчас войска Теймура разрознены, единого руководства нет. Если будет необходимость, отправишься и в Багдад. - Потом повернулся к Черному Юсифу: - Сулейманшах с пятитысячной армией идет на Багдад. Их

надо нейтрализовать. Мне нужно, чтобы в Багдад пришел сам Эмир Теймур.

Черный Юсиф с трудом озвучил мучивший его вопрос:

- Прошу простить меня за смелость, о мой повелитель. Почему вы хотите, чтобы Теймур пришел в Багдад? Ведь он не уйдет оттуда, пока не возьмет город.

Ильдрым Беязид прошел к своему трону, но им предлагать сесть не стал.

- Все дело именно в этом, беки. Нам нужно выиграть время. До большого сражения осталось совсем немного, а времени у нас нет. Я дал указание, чтобы со всей империи собрали войска. Если не сегодня и не завтра, то послезавтра сражение состоится. Это неизбежно. А времени нет.

Постепенно авторитет Эмира Теймура в христианском мире возрастал. О нем повсюду говорили. Все прекрасно понимали, что столкновение двух тюркских правителей неизбежно.

Наряду с этим дипломатическая переписка Беязида продолжалась. Обе стороны, готовясь к сражению, дабы выиграть время, переписывались. Кроме того, христианские правители принимали власть Теймура. Они желали любыми путями избавиться от «меча Ислама» - Ильдрыма Беязида. Наверное, думали, что Эмир Теймур как пришел, так и уйдет в Среднюю Азию. А османы никуда не уйдут, они вот, рядом, в двух шагах от Европы, которая каждую минуту находится в опасности. Не будет Беязида, будут его дети. Основным было пошатнуть Османскую империю.

Великий Эмир все это прекрасно понимал. И не хотел этого. Он не желал, чтобы Османская империя развалилась на радость Европе. Если это случится, Европа продолжила бы глумиться над всем миром, в частности, над исламским Востоком. Не исключены были и крестовые походы. После Салахаддина Эюби самой мощной силой, остановившей крестовые походы, были османы. Но сколько можно все взваливать на османов? Нужно было одним разом покончить с Европой. Беязид с этим не справился бы. Ни один из османских халифов не смог бы это сделать...

Пути во все стороны мира начинались от его шатров. Его шатер превратился в центр мира. Представители островов Кипр и Родос, придя в его шатер, выразили готовность стать его вассалами. Но и это еще не все, христианские послы шли отовсюду. Все пути-дороги Азии и Европы были проторены в его шатер. С утра и до поздней ночи к нему приходили послы, гонцы, дервиши, приносили сведения, получали задания, возвращались исполнять их. Вся система работала как часы.

В этом шатре невозможно было нормально выспаться.

Военный лагерь в Тебризе теперь был в центре внимания всего мира, а сам город вновь приобрел былую популярность.

...Прекрасный климат Тебриза способствовал тому, что боли Теймура прекратились, а сам он выглядел бодрым. После свадьбы он ни разу не видел Гасана и поэтому отправил ему дорогие подарки. Кроме этого, он вызвал из Тикмедаша Логман Бабу, рассказал ему о своих болях. Лекарь приготовил Теймуру специальные лекарства, которые Правитель должен был принимать три раза в день. Свежий воздух, целительные снадобья быстро привели его в порядок. Он плохо переносил ветра пустыни, жару Африки. И вот вместо этого он дышал прекрасным свежим воздухом Тебриза. Этот город можно было бы выбрать столицей. Но, к сожалению, у империи может быть только одна столица...

Теперь перед ним остался единственный противник – Ильдырым Беязид. За шахматной доской, не видя друг друга, сидели два гениальных полководца. Находясь далеко друг от друга, они делали свои ходы. Сейчас сделал свой ход Беязид, теперь очередь была за Эмиром Теймуром. Он же хотел одновременно сделать несколько ходов. Все равно все получалось так, как он желал. После долгих раздумий Эмир Теймур после встречи с несколькими дервишами и купцом Агбабой принял решение принять посла императора Византии Мануила II, нашедшего убежище в Трабзоне. Купец Агбаба привез ему важные новости из Анатолии. Как правило, получая такие новости или давая важные поручения, он не желал, чтобы рядом кто-то был. Поэтому он два раза ударил по бубну, висевшему посреди шатра. Азербайджанский ковер, висевший на двери, зашелестел, отодвинулся, в дверях показался начальник охраны.

- Сперва пригласишь византийского посла, потом представителя Папы Римского, затем купца Агбабу, а под конец моего секретаря, - велел Эмир Теймур.

Начальник охраны поклонился и вышел. Через некоторое время вошел посол базилевса Мануила II. Как правило, когда к Теймуру приходили послы, охрана на входе тщательно их проверяла. Так получилось и сейчас.

Посол преклонил колени:

- Я привез Великому Правителю приветствие императора Мануила II. – Сказав это, посол протянул Эмиру Теймуру письмо. Начальник охраны Тахмаз бек подошел к послу, взял письмо и почтительно передал его Эмиру. Потом отошел и стал рядом с послом. Эмир, прочитав письмо, глазам своим не поверил; от радости перехватило дух. Рукой сделал знак начальнику охраны выйти, потом обратился к послу:

- Перескажи на словах содержание письма.

Посол, не поднимая головы, проговорил:

- Император Мануил II согласен стать вассалом Великого Эмира Теймура и просит прислать в Трабзон своих послов.

После пересказа содержания письма, Эмир Теймур встал и начал медленно прохаживаться взад-вперед. Казалось, весь мир – его. Откуда он, Теймур, пришел и куда идет? Мир склонял голову перед ним, образовывался Большой Туран. Он был в одном шаге от того, чтобы стать хаганом Большого Турана, Правителем Мира. Но теперь не время было думать об этом. Он остановился перед послом:

- Послов мы отправим. Они поедут вместе с вами. Но... - Наступило молчание, через некоторое время Эмир сказал недовольным тоном: - Но такого вассальства не бывает. Император пишет, что готов стать моим вассалом. Но его наместник в Константинополе, племянник Иоанн посылает послов ко мне, к сыновьям Османов и к королю Франции Карлу. Так нельзя. Передай императору: «Через Босфор из Румелина¹¹⁷ для Беязида не должны пропускаться войска и продовольствие». Византия, а в первую очередь Константинополь, должны

¹¹⁷ Провинция Османской империи.

любыми способами пресечь это. Через Босфор даже птица не должна перелетать. Ясно? В противном случае...

Посол, не поднимая головы, сказал:

- Ясно, Великий Правитель.

Правитель подошел к трону и уселся.

- Далее, - продолжил он свою мысль. – Император для будущего главного сражения должен выделить два тюмьяна¹¹⁸. Но не позднее шести месяцев. Обеспечить их годовым снабжением продовольствия и других необходимых вещей. Одновременно отправить это известие на Босфор.

Эмир Теймур замолчал. В принципе, он сказал послу все. Его молчание было знаком конца аудиенции. Посол это понял, и Эмир позволил ему удалиться.

За ним в шатер вошел специальный представитель Папы Римского с 1398 года по Азии и Марокко Иоанн Султанский. Одетый в рясу Иоанн передал Эмиру Теймуру приветствия Папы Римского и короля Франции Карла VI. Все было хорошо, только Эмиру не понравилась ряса Иоанна. «На что они намекают, на христианство?» - мельком подумалось ему.

Их разговор продолжился около двух часов. Потом Эмир Теймур потребовал, чтобы Иоанн передал королю Франции его послание следующего содержания: «Я в курсе того, что правитель Константинополя ведет переговоры с королем Франции. Знаю и то, что племянник императора хочет продать этот город королю Франции. Взамен король Франции выделит ему дворец. Пусть его величество откажется от этой мысли. Потому что и Трабзон, и Константинополь находятся под моей властью. Это подтверждает письмо императора Мануила II. Я не передаю свои владения в управление другим».

После того, как ушел Иоанн Султанский, в шатер вошел купец Агбаба, преклонил колени, поцеловал край халата Эмира. Он понимал, что второй вызов к Эмиру после того, как он прибыл в Тебриз, неспроста. Но в чем причина?..

Правитель приказал ему сесть напротив.

- Так ты говоришь, в Анатолии много воинов татар? – сразу перешел к теме разговора Эмир.

¹¹⁸ Тюмьян — воинское подразделение, 10 тысяч человек.

Купцу стала ясна причина вызова. Он знал, что Эмир Теймур четко анализирует каждое сообщение, потом выносит соответствующее решение.

- Да, мой правитель, все так, как я рассказывал. Они остались еще со времен Хулаки. В составе войска Баязида они дошли до самой середины Европы.

Эмир Теймур задумался. «Этих татар надо использовать. Но это может быть хитростью сына Османа, либо очередной ход. Пусть. Во время сражения нам терять нечего, в крайнем случае, мы будем сражаться с ними, как с врагами. А Баязид может многое потерять, вплоть до престола». После таких раздумий Эмир задал следующий вопрос:

- А каков их моральный дух?

Агбаба имел много бесед с беками «черных татар», разузнал и кое-какие секреты.

- От Баязида им поступил указ, мой правитель. В указе речь идет о мобилизации. Но по моим сведениям они к этой мобилизации присоединились неохотно.

- Почему? – с интересом спросил Эмир Теймур.

Купец ждал этого вопроса. Потому что этот же вопрос он задавал бекам татар, и они сказали, что джагатаи им более близки, чем османские тюрки. Об этом разговоре Агбаба подробно доложил Теймуру.

«Все ясно, - подумал Теймур, - видно, они чего-то хотят. Их ни на минуту нельзя оставлять без внимания. Если все пройдет, как я задумал, это можно считать концом Баязида. Но если не случится, все равно Баязиду конец».

Эмир встал, немного походил, потом подошел к шахматной доске в углу. Взял белую пешку, поставил ее перед ладьей. Ладья оказалась в опасности. Прошел на сторону черных фигур и подумал об ответном ходе. Но действенный ход найти не смог. Вернулся к трону, сел.

- Ты поступишь следующим образом. Возьмешь Халил Султана, переоденешь его в одежду купца и вместе с ним пойдешь к ним. Я предупреджу Халила. Пусть обещает от моего имени все: деньги, золото, земли. Для того чтобы их соблазнить, не жалейте ничего. Передай им, пусть добровольно и массово идут на мобилизацию. Но сам будь осторожен.

- Я понял, мой правитель, - не раздумывая, ответил Агбаба. - Буквально завтра, навьючив верблюдов, я отправляюсь в Анатолию. А насчет безопасности я вам уже говорил, мой правитель. Баязид издал указ, разрешающий свободную торговлю на его землях.

Эмир Теймур вспомнил рассказ купца о его встрече с Баязидом и в душе рассмеялся. Но причину этого смеха кроме него не знал никто.

- Если согласятся, пусть не торопятся переходить на мою сторону. Когда наступит нужный момент, я отправлю сигнал.

Это означало, что разговор окончен. Агбаба встал, поклонился и вышел из шатра, чтобы приступить к исполнению приказа Эмира. В этот момент в шатер вошел секретарь с письменными принадлежностями. Приготовил все, выжидающе посмотрел на правителя.

- Пиши! Нам известно, что вы, Султан Баязид, ведете войну в Европе с гяурами. Посему, дабы не радовать гяуров, мы не хотим входить в ваши земли и уничтожить такое могущественное государство. Но нам непонятно, почему вы, могущественный правитель, покровительствуете разбойнику с большой дороги, Черному Юсифу. Этот разбойник грабит наши караваны, убивает путешественников, совершает сотни преступлений. Самое страшное то, что этот разбойник, не имея на то права, живет в мусульманской стране. Будто волк живет в отаре. Или его казните вы, или же в кандалах отправьте мне, либо гоните подальше с ваших земель. Кроме этого, крепость Камах на реке Феррат верните моему союзнику.

Когда Рустам и Сулейманшах с пятитысячным войском расположились на юге у стен Багдада, правитель Багдада Фарадж бек, понадеявшись на арабов и туркмен, принял решение сразиться. Не думая о последствиях, даже не сопоставив соотношение сил, он решил ввязаться в бой. Несмотря на неоднократные предложения сдать город, он каждый раз отвечал одной и той же фразой: «Мне султан Ахмед прислал сообщение, чтобы я не сдавал город, даже если придет сам Эмир Теймур. Я не могу нарушить приказ».

Когда самодовольный и заносчивый Фарадж бек с трехтысячным войском вышел из южных ворот, дух у воинов был еще на высоте.

Потому что несколько лет назад, изгоняя Мираншаха из Багдада, победа им досталась сравнительно легко. Позднее, когда Мираншах несколько раз пытался отбить Багдад, у него ничего не получилось. С тех времен вкус победы все еще ощущался у них на губах. Для них не имело значения, что это войско не принадлежало Мираншаху. Не думали они и о том, что это войско непобедимого Теймура. А это означало, что население Багдада оказывалось под страхом смерти. Фарадж бек подписывал им этот приговор. Никому и в голову не приходило, что при попустительстве и безграмотности правителя города, через несколько дней над городом начнут летать ангелы смерти и руками Эмира Теймура в этом городе все будет разрушено. В Багдаде еще не видели, как насыпаются холмы и возводятся минареты из отрезанных голов. Но увидят! А пока воины с криками «Аллах Акбар!» увлеченно шли в бой. Но и другая сторона шла навстречу с возгласами «Аллах Акбар!» Это были не новички, а испытанные в сражениях воины. Каждый воин Теймура из боя в бой набирался опыта, убивать входило в его привычку, он мог в одиночку сразиться с десятью противниками. Возраст их колебался между тридцатью и пятидесятью.

Принцы Рустам и Сулейманшах, узнав о том, что из Багдада вышло войско, дали команду готовиться к сражению. Верный соратник Теймура Сулейманшах таких сражений видел немало. Для него это было очередное, несложное сражение. На самом деле он не любил слабых противников, сражения с ними не доставляли удовольствия.

Каждый получил свое конкретное задание.

Сотня всадников Рустама на берегу реки Деджле, в местечке, называемом домом Эмира Ахмеда, атаковала войско Фарадж бека. Подняв над головой меч, он прищпорил коня:

- Аллах, Аллах! Убивайте не повинующихся нам! Вперед!

Сто всадников, размахивая мечами, с криками «Аллах... Аллах... Аллах» поскакали за принцем. Вначале арабы и туркмены от неожиданности растерялись. Но потом, увидев, что всадников мало, окрылились, направили коней против сотни Рустама. Разгорелось сражение. Звон мечей, щиты над головами, удары налево и направо... Пыль, поднятая копытами лошадей, сделала все кругом невидимым. Прошло некоторое время. Всадники Рустама смогли зарубить около ста всадников противника. И тут группа всадников Рустама начала

странно себя вести. Всадники поворачивали коней назад, уходили от столкновения, всем видом показывая, что они побеждены. В этот момент раздался громкий звук бубна. Услышав его, Рустам прокричал команду: «Отходим!» Воины Фараджа, увидев бегство всадников, воодушевились и, крича «Убивайте теймуридов!», начали их преследовать. Из-за этого ряды противника расстроились. Чем быстрее всадники преследовали теймуридов, тем быстрее разваливался строй. Когда преследуемая группа исчезла за холмом, на нем неожиданно появились триста лучников. А Рустам в это время со своей группой присоединился к основному войску Сулейманшаха. Когда поступила команда лучникам, противник был на расстоянии выстрела. На несущихся всадников посыпался град стрел. Стрелы выпускались с такой частотой, что всадники противника так и не поняли, что произошло, – четыреста или пятьсот воинов уже лежали в пыли. Скакавший впереди Фарадж бек обернулся и, увидев за собой страшную картину, резко натянул поводья. Конь вздыбился и заржал.

- Это ловушка, уходим! – закричал Фарадж.

Потом, резко потянув повод вправо, развернулся и поскакал назад. Воины, увидев, что Фарадж скачет обратно, тоже повернули коней. Теймуридам это и было нужно. За холмом стояли всадники, кони которых нетерпеливо били копытами и ржали. Раздалась команда и лошади, подстегнутые плетками, рванули вперед. Это уже было не сражение, а преследование отступающих. От прежнего воодушевления у людей Фараджа не осталось и следа. Теймуриды, нагоняя врагов, ударом меча сбрасывали их с коней, затем устремлялись за другими. Некоторые воины Фараджа, дабы спасти свою жизнь, вместе с лошадьми бросались в реку. Для многих быстрая Деджле стала могилой, вода поглотила их вместе с лошадьми. Правитель Багдада успел доскакать до города, въехал и приказал закрыть ворота. Для Багдада наступили черные дни...

Как только весть о победе и осаде Багдада дошла до Эмира Теймура, он решил, что сам должен взять этот город. Шахруха с большей частью войска отправил в Кяляки неподалеку от Тебриза, а сам по дороге Алтун Кепрюк отправился в Багдад. Подъехав к городу с северной стороны, он разбил шатер напротив ворот Куббатул Укаб.

Правление Багдадом совершенно изменило жизнь Фараджа. Этим сражением он хотел как можно больше выгадать для себя. Правителем он был назначен в титуле бека. Но если бы он выдержал осаду города, мог бы дорасти до султана. Но это было достаточно сложным делом, ибо сам Эмир Теймур стоял против него. Но он, Фарадж бек, попадет в историю – именно таким образом: человек, который правил миром, не смог взять его город... В голове крутились и другие мысли. С такими иллюзиями он всеми силами пытался удержать Багдад. Для этого Фарадж мобилизовал все население, на крепостные стены заставил притащить много камней, дал специальные указания лучниками. Сам часто появлялся на стенах, внимательно изучая, чем занимаются теймуриды. А они не собирались штурмовать крепость, Эмир Теймур такого приказа не давал. Только те, кто делал подкоп, трудились день и ночь, укрепляя его. Город был окружен со всех сторон.

...Когда Фарадж в очередной раз поднялся на крепостную стену, увидел, что внизу на расстоянии выстрела лука стоят два сотника. Позволил к себе лучника Салмана.

- Ты видишь двух сотников?

Тот приложил руку к глазам, присмотрелся.

- Я не вижу там сотников, это просто воины.

Фарадж выразительно постучал костяшкой согнутого пальца по лбу Салмана:

- Ты что, по одежде не можешь отличить, кто есть кто? Одежда отличается, а, значит, это сотники.

Салман опять внимательно всмотрелся.

- Да, теперь вижу. Действительно одежда отличается. А что я должен сделать?

- Идиот, что значит «что мне делать»? Танцевать для них на крепостной стене!

Тот, приняв слова Фараджа за чистую монету, обиженно надул губы.

- Я!? Я же не умею танцевать!

Фарадж от такой тупости закатил глаза.

- Глупец, ты мне скажи, стрела долетит до них или нет?

- Долетит, еще как долетит! И душу их отнимет.

Фарадж ослабился:

- Вот теперь ты правильно ответил. Именно их души мне и нужны. – Он решил поощрить лучника. – Сними их, за каждого плачу по десять золотых.

Сказав это, Фарадж бек даже на минуту не задумался, какой опасности он подвергает население Багдада.

Лучник Салман, услышав о золотых, снял с плеча лук, несколько раз попробовал упругость тетивы. Для того чтобы стрела улетела дальше, на один оборот перетянул тетиву на концах лука. Взял стрелу, вставил в лук, натянул тетиву, прицелился.

В этот момент Фарадж еще больше подстегивал его:

- Давай, давай, удалец! Матери не рожали такого лучника, как ты. Покажи свое мастерство!

Стрела со свистом улетела в направлении жертвы. Салман быстро вытащил вторую стрелу.

Первая стрела попала в левый глаз сотника Ходжи Месуда. Сотник, вскрикнув, упал набок. Сотник Ходжа Меншил удивленно осмотрелся, потом взглянул на упавшего товарища. Вторая стрела настигла его, когда он наклонился к Месуду. Она попала точно в шею. Он упал на своего погибшего друга. Когда подбежали другие воины, было уже поздно. А с крепостной стены доносились радостные крики:

- Сдохните, окаянные! Таким же образом я отниму душу Хромого!

Когда Шейх Нуреддин принес Эмиру Теймуру эту весть, мулла в голос читал ему последний аят из суры Корана «Марьям». Каждый четверг, иногда чувствуя внутреннюю скованность, Теймур в честь своих предков просил читать суры из Корана. В один прекрасный день он как-то понял необходимость и полезность этого. А теперь появление командира тюмяна говорило о том, что есть очень важная весть. Тот никогда не приходил без вызова. Но ничего не сказал, дождался, пока мулла дочитает аят. Когда тот закончил, поблагодарил муллу, одарил его и разрешил уйти. Потом повернулся к Нуреддину:

- Что, сдают Багдад? Поэтому ты явился без вызова?

Шейх Нуреддин удрученно опустил голову.

- Прошу прощения, мой правитель. Но известие очень срочное, поэтому я пришел без разрешения. От стрел, выпущенных из крепости, погибли Ходжа Месуд и Ходжа Меншил.

Теймур вздрогнул. Значит, внутреннее беспокойство с утра имело свои причины... Чтобы пережить всю тяжесть трагедии он тяжело вздохнул, так крепко сжал кулаки, что ногти впились в кожу. Ему было тяжело; защемило сердце. Помассировал рукой грудь. Погибшие были его соратниками не один десяток лет – и в жару, и в стужу. Эмир встал с трона, огорченно походил по шатру. «Смерть всегда находится между глазом и бровью. Когда судьба заберет душу, никто не знает!.. Если бы у Аллаха не было бы вот этого, никто бы не верил в него».

- Упокойте их душу! Похороните с почестями. Семьям отправьте все, что нужно.

Нуреддин, не поднимая головы, произнес «Будет сделано». Теймур же постучал по бубну. У входа показался Тахмаз бек. Правитель приказал:

- Лукмана Тавачы отправь к Шахруху! Пусть со всем войском идет на Багдад.

Тахмаз молча поклонился, вышел. Правитель же дал Шейху Нуреддину жесткий приказ:

- Поджечь дерево в подкопах. Видит Аллах, я невиновен. Я все ждал, что Фарадж поумнеет. А он... Начинайте...

Шел тридцать третий день осады. Население города страдало не только от голода, но и от жары. С другой стороны от жара горевших деревянных конструкций в подкопах разваливались крепостные стены, погребая под собой людей. Однако правитель Багдада стоял на своем, заставляя восстанавливать разрушенные участки. Когда к Багдаду приблизилась армия Шахруха, население вовсе потеряло надежду. Песчинки в пустыне можно было подсчитать, количество воинов Теймура счету не поддавалось...

9 июля 1401 года стал последним днем осады. Это был сороковой день окружения. От голода и жары население совсем обессилело. Солнце, словно превратившись в полководца Эмира Теймура, низвергало с небес жар. Многие от жажды теряли сознание, другие умирали от разрыва сердца. Ветра не было, даже листочек не мог шелохнуться, не слышно было и птиц. Если бы какая-нибудь из них посмела взлететь, от жары обжигала крылья и падала на мостовую. Кто оказывался поближе, мгновенно хватал ее, отрывал голову, начинал ошипывать. Все кругом было против жителей Багдада.

Два человека сидели на крепостной стене, от жары высунув языки. От голода они практически не могли двигаться.

- Хази, - с трудом произнес один, - голод вконец добьет нас. Третий день во рту нет и маковой росинки. Все говорят, что скоро придет продовольствие, но его нет. Нам просто лгут.

Хази поддержал его:

- Ты прав, Басман, - и вытер рукавом катящийся градом пот. – У нас, туркменов, есть поговорка: жену, избившую мужа, даже собака укусила. С одной стороны жара, с другой голод. Уф-ф-ф, это выдержать невозможно.

Басман поднял голову, посмотрел на крепостную башню. Но никого не увидел. Он подумал, что воины спрятались от жары в тень стены. С трудом встал, покачиваясь, посмотрел туда, где была тень. Там тоже никого не было. Застонав, обратился к товарищу:

- Хази, защитники крепости куда-то исчезли, мы остались вдвоем. – Хотел крикнуть, кого-то позвать, но вместо этого послушался хрип. – Черт, и голос потерял...

Хази тоже с трудом поднялся. За крепостной стеной кипела работа. Теймуриды, словно прикрывшись щитами от солнца, что-то делали. Басман посмотрел в направлении, куда указывал Хази. На крепостных стенах кроме них никого не было.

- Правильно делают, - со стоном сказал он. – Помирать, так помирать. Что от меча теймуридов, что от голода и жары. Пойдем, поищем что-нибудь поесть. Кажется, конец наш близок.

Когда воины, опираясь друг на друга, стали спускаться вниз, у одной из башен раздались крики, потом что-то загрохотало, и стены крепости стали рушиться. Все кругом заволочло пылью. Это несколько дней трудившиеся теймуриды, пробивавшие подкопы, подожгли подпорки и деревянные настилы. Когда пыль осела, со всех сторон города теймуриды вошли в Багдад. Первыми в город вошли Шейх Нураддин, Али Султан Тавачы и другие.

Население Багдада забыло про жару и голод. Теперь их преследовало другое – страх смерти. Смерть была всюду, в ход были пущены мечи и стрелы. Всех, кто попадался навстречу, теймуриды либо убивали стрелами, либо, словно на скотобойне, рубили мечами. Первыми жертвами стали Хази и Басман. Увидев, как разваливаются стены кре-

пости, они, совершенно обессилевшие, сели на ступеньки. Смерть их настигла именно здесь. Вначале стрелы сыпались вдоль обрушенных стен, потом их полет был направлен в центр города.

Как и в Дамаске, в Багдаде из-за ошибки одного человека пострадали тысячи. Фарадж бек, не просчитав абсолютно никаких вариантов, решил с кучкой воинов защищать Багдад. Он никого не хотел слушать, даже сейидов, улямов, ученых, пощаженных после взятия города. Из-за своей чванливости он подставил под мечи и стрелы население города.

Поступил приказ от Эмира Теймура: «Найти не вмещающегося в рамки человечности Фараджа – живым либо мертвым! А каждому воину, вошедшему в город, принести одну человеческую голову!»

Через некоторое время стала возводиться башня из голов. Воины вышли на охоту за человеком. Они прекрасно знали, что такое не выполнить приказ Эмира Теймура. За один день в Багдаде выросло девять таких башень-минаретов.

...У Фараджа же в голове уже не было мыслей о славе и султанстве. Теперь он думал лишь о том, как сберечь свою голову. На население ему было наплевать. Он думал лишь об одном: сбежать! А теймуриды искали его повсюду. Понимая, что в Багдаде спрятаться будет невозможно, Фарадж забрал единственную дочь и попытался на лодке пересечь реку. Его дворец был прямо над рекой, поэтому, прямо с балкона сев в лодку, они выплыли на середину. А их преследователи перекрыли буквально все входы и выходы города. Не успели они отплыть от дома нескольких десятков метров, как теймуриды их обнаружили. Один из сотников закричал:

- Вон они, я их вижу, кажется, это Фарадж в лодке. – Обернулся к лучникам. – Продырявить лодку, поджечь ее!

Пятнадцатилетняя дочь Фараджа от страха была бледной как полотно. Она никогда не видела бед и невзгод, а теперь смерть была буквально в двух шагах. Когда на них посыпались огненные стрелы, Фарадж сказал дочери:

- Ты ложись на дно лодки. – Потом обратился к двум воинам на веслах: – Если вы выгашите нас отсюда, я обоих озолочу, гребите быстрее. – Сказал и сам улегся рядом с дочерью.

Стрелы сыпались градом, лодка загорелась; от стрел погибли оба воина. Управлять лодкой стало некому, сильный поток вертел ее как

щепку. С одной стороны волны, с другой пламя. Надо было что-то делать, иначе через некоторое время они попадут в руки к теймуридам. Фарадж бек тут же представил себе, что будет с ним и с его дочерью. Его передернуло. Наконец принял решение.

- Дочка, прыгаем в воду!

- Отец, я же не умею плавать, - жалобно произнесла девочка.

- Я и сам не умею плавать. Но лучше смерть, чем попасть в руки врага.

Оба, взявшись за руки, поднялись и бросились в поток. Река приняла в свои объятия обоих и тут же поглотила. Однако теймуриды не намерены были дать возможность уйти Фараджу. С берега донесся крик сотника:

- Пловцы, быстро в воду!

Через некоторое время пловцы вытащили труп Фараджа на берег. Он был повешен на городской площади. Эмир Теймур приказал полностью разрушить крепостные стены. Великая армия, оставив город с человеческими головами, повернула в сторону Тебриза.

...Лагерь Эмира Теймура был разбит в местечке Аг Яйлаг неподалеку от Тебриза. Здесь правитель не успел еще толком отдохнуть, как до него дошла весть, что Ильдрым Беязид при подстрекательстве султана Ахмеда и Черного Юсифа занял Арзинджан. Но он не стал поспешно принимать меры, а отправил срочное сообщение в Самарканд Мухаммед Султану с приказом прибыть в Тебриз с большим войском. Большое сражение было неизбежным. Каждая из сторон была на последнем этапе подготовки к нему.

Когда в Аг Яйлаг из Султание прибыли Сарай Мюльк и другие жены, а также внуки, Эмир Теймур сильно обрадовался. Организовал в их честь большое пиршество, раздал всем подарки. Радости и гордости от того, что он увидел семью, не было предела. Даже болей стало меньше.

После этой встречи он чувствовал себя намного лучше.

Когда он двигался из Аг Яйлага в Уджан, пришло известие, что Ильдрым Беязид движется ему навстречу. Тотчас отдал приказ: «Шахруху, Сулейманшах беку, Шах Мелик беку и другим встретить султана Рума». Шахрух в срочном порядке вышел с войском, однако

когда он пришел к Мингелю, Османский султан повернул свое войско назад.

Эмир Теймур, несколько дней отдохнув в местечке Кешке Аргун рядом с Уджаном, прежде чем отправиться в Нахичевань, отдал приказ восстановить, а при необходимости построить в Султание, Тебризе и других городах некоторые здания, медресе, мечети. Принял жалобщиков, постарался решить все их вопросы. Несколько чиновников, допустившие несправедливость, были повешены.

Потом отправил своих людей в Грузию к Гургену для сбора податей. Возвращавшегося из Нахичевани в Шамкир правителя по дороге с дорогими подарками встретил брат Гургена. Эмир Теймур принял решение перезимовать в Карабахе. Поэтому, пройдя через Гянджу и Барду, разбил лагерь в Карабахе. От принца Мухаммед Султана, прибывшего из Самарканда, он узнал о смерти Гаджи Сейфеддина. Смерть верного соратника сильно расстроила его. «На самом деле мы все ходим под Аллахом, и когда-нибудь предстанем перед ним», - сказал Эмир Теймур грустным голосом. Потом принял посланцев Дашти Кыпчака. Послы, представив ему очень дорогие подарки, заверили, что татары и кыпчаки всецело подчинены ему. Куда укажет Эмир, туда они и пойдут. Теймур ответил, что пока доволен Дашти Кыпчаком.

В это время прибыл и Мухаммед Султан. Эмир Теймур приветливо встретил его, устроил в его честь пиршество, надел ему на голову золотую корону, подарил золотой пояс.

Услышав о том, что Эмир Теймур находится в Карабахе, султан Ахмед спешно вернулся в Багдад и занялся восстановлением города. К нему вернулись и ранее разбежавшиеся подданные. Дервиши посредством друг друга доставляли известия в лагерь Эмира Теймура. Как только сведения дошли до Теймура, он сказал: «Пока противник еще не пришел в себя, надо принимать меры». Потом собрал меджлис, отдал приказ: «Войску разделить на две части и двигаться на противника по разным направлениям!»

Принц Абу Бекр и Джаханшах бей отправились в Багдад. Другие направились в Джазиру и Луристан. Несмотря на холод и снег, каждый был занят своим делом.

Преимущество теймуридов было в том, что они выполняли приказы беспрекословно, не обсуждая. Для них не существовало понятия

«отговорка», потому что от каждой сложной ситуации имелся ключ решения.

Войско Абу Бекра так неожиданно вошло в Багдад, что султан Ахмед с сыном Тахиром и Черным Юсифом еле-еле успели сбежать – и то в исподнем, и сесть на корабль. После долгого преследования они перешли границу Сирии. Здесь их арестовали и передали в распоряжение султана Фараджа. Султан мамлюков, дабы не портить отношения с Эмиром Теймуром, бросил их в темницу...

До февраля Эмир Теймур зимовал в Карабахе. За это время, чтобы воины не сидели без дела, учтя жалобы населения по поводу реки Араз, он приказал прорыть канал длиной около пяти фарсахов¹¹⁹. Население назвало этот канал Барлас.

...Когда послы Беязида вошли в шатер Эмира, жаровню с горящими углями только принесли. Угли из дубовых поленьев не только согревали шатер, но и давали легкий аромат.

Послы поклонились и, встав на колени, приветствовали Эмира Теймура. Один из них на вытянутых руках держал письмо, свернутое в трубочку.

Эмир Теймур вспомнил текст его последнего письма Беязиду: «Наше с тобой соглашение и условие остается таким, как в предыдущем письме. Если ты не будешь действовать, как мы договорились, тогда передай принадлежащую нам крепость Камах¹²⁰ моим людям. В этом случае страна Рум¹²¹ остается в твоём распоряжении. На этих территориях спокойно можешь вести джихад, войны против врагов религии. Если тебе нужны совет или помощь, мы готовы. Можем отправить столько войск, сколько понадобится». Он посмотрел на коленопреклоненных послов, на письмо, которое посол продолжал держать в вытянутой руке. «Интересно, что на этот раз написал сын Османа? Интересно. Ладно, из ответа пойдем, чего он хочет, - войны, или мира».

Тахмаз бек взял письмо и поднес Эмиру. Когда Эмир стал читать, лицо его начало багроветь, потом почернело, раскосые глаза округли-

¹¹⁹ Примерно 40 километров

¹²⁰ Город-крепость Камах был расположен в верхнем течении реки Фарах в восточной Анатолии.

¹²¹ Османская империя.

лись, дыхание перехватило. Он не мог поверить своим глазам. Доселе еще никто его так не оскорблял! Левая щека Эмира Теймура начала дергаться. Это был конец. Он снова перечел письмо. «Если говорить о начале твоего пути, ясно, что ты разбойник и кровопийца, для тебя нет ничего святого, ты всегда нарушал договора и соглашения, а вззрения твои направлены на клевету. Я знаю, что после этого письма ты сунешься на мои земли. Если же не придешь, то пусть твои жены трижды услышат слово «талаг»¹²².

Теймур возмутился¹²³. Встал, тяжело походил, прихрамывая, стараясь успокоиться. «Беязид открыто говорит о своей цели, угрожает мне, - подумал он. – Значит, хочет войны».

- Сын Османа потерял рассудок, или как? Слишком много болтает и, вспоминая женщин, пытается скрыть основную цель. – Он вернулся к трону, сел, приказал Тахмаз беку: - Срочно пригласите ко мне Мухаммед Султана!

Тахмаз бек быстро вышел. Посол не поднимал головы, словно ожидая казни. Правитель был взбешен. Они не раз слышали о казни послов и знали, что склоненная голова может быть в любую минуту отсечена. Каждый думал о своем. Один вспомнил мать с отцом, второй свою семью, третий мысленно попрощался с любимой. Но они ошибались. Для Великого Эмира постулат «посол неприкосновенен» был железным правилом.

Через некоторое время в шатер вошел Мухаммед Султан, поклонился деду и замер в ожидании указаний.

- Ты всегда просил, чтобы на взятие крепости Камах я отправил тебя. Твое время наступило. Эта крепость твоя! Пойди, возьми ее и вновь верни тахиридам. Так же, как Шахрух вернул крепость Арзинджан. Готовься и буквально завтра выступай. В Арзинджане к тебе присоединятся принцы Абу Бекр, Халил Султан, Султан Гусейн и Искендер.

Внук от первого сына Теймура Джахангира Мухаммед Султан во время последней их встречи сказал деду, что соскучился по сраже-

¹²² Развод.

¹²³ В тюркском и исламском мире упоминать чьих-то жен или даже просто говорить о них считается недопустимым, а в некоторых случаях и наказуемым смертью преступлением.

ниям, попросил, чтобы взятие крепости Камах поручили ему. Теперь, услышав приказ деда, приложил руку к груди:

- Будет исполнено, мой правитель! Я сегодня же подготовлюсь и завтра выступлю.

- Иди! Аллах тебе в помощь!

Это уже было объявлением войны. Послы это прекрасно поняли, как поняли и то, что никто на свете не сможет предотвратить ее. После того, как ушел Мухаммед Султан, Эмир Теймур озвучил другой приказ:

- Женщин весной отправить в Тебриз, осенью в Султане!

Тахмаз бек прекрасно понял, что это означает. Это означало, что сам правитель отправляется в Анатолию.

- Войску собраться в Авнике. Там будет место сбора. – И тут он как бы вспомнил о послахе. Немного подумав, сказал: - Послы пусть пока останутся здесь, отдохнут, убедятся в нашем гостеприимстве. Настанет время, отправим обратно.

Послы, радостные, что легко отделались, вскочили и, не поднимая головы, попятнулись к выходу.

В середине февраля войска Эмира Теймура начали движение к Авнику. Основным направлением был Сивас, находившийся в центре Анатолии.

Правитель начал свою игру. Но она уже не была на шахматной доске, все происходило в реальной жизни.

Крепость Камах, расположенная на высокой горе, была самой величественной крепостью Беязида. Камах, через которую проходила река, не только отличалась прочностью, но и все остальные сооружения вокруг нее считались неприступными. Фрукты, выращиваемые здесь, были очень вкусными, а слава о камахском винограде разнеслась далеко за пределы империи. У этой крепости было еще одно чудо: говорили, что в начале весны в этих местах всего на три дня наступала такая сильная жара, что даже птицы, задохнувшись от нее, падали на поля и огороды. Население собирало этих птиц, ощипыва-

ло, чистило, потом, посолив, уложив в кувшины, оставляло на зиму про запас.

Мухаммед Султан вместе с принцами и двадцатитысячным войском окружили крепость с четырех сторон. Но правитель крепости на предложение сдать цитадель ответил категорическим отказом. Взять заградительные сооружения крепости оказалось делом несложным. Защитники же крепости все собрались в Камахе. Мухаммед Султан, учитывая, что в походе деда это его первое сражение, основательно подготовился. Остальные принцы – Абу Бекр, Халил Султан, Султан Гусейн и Искендер – уже имели опыт сражений.

Осада Камаха пришлась на апрель. Стояла весна, кругом все зеленело, появились первые цветы. Словно Всевышний создал эти места не для войны, а для отдыха души и глаз. Слух улаждали пение соловьев и щебет других птиц. Иногда, когда с высоких скал гордо взмывал орел, нарезая в вышине круги и выискивая жертвы, птицы замолкали. Как только опасность попасть в когти короля небес проходила, лес опять наполнялся волшебными звуками. Мухаммед Султан сидел возле шатра, разбитого в подлеске, в недосыгаемости для стрел, и наслаждался этой красотой, созданной природой, но мысли его были о другом. Он знал, что дед ни на йоту не сомневается в его умении и военном мастерстве, и теперь все раскладывал по полочкам. Нельзя было ошибиться, сделать опрометчивый шаг, а еще хуже – проиграть.

В этот момент к нему подошли принцы Халил Султан и Искендер.

- Что ты так сильно задумался, двоюродный брат? – спросил Халил Султан, подмигнув Искендеру. – Может, природная красота тебя околдовала?

Мухаммед Султан понял намек двоюродного брата. Это означало то, что он должен с ними поделиться секретами взятия крепости, а они, в свою очередь, убедятся в его полководческих способностях. Мухаммед Султан, ничего не говоря, походил взад-вперед, потом остановился перед ними.

- Как, по-вашему, какие шаги предпринял бы дед в такой ситуации?

Те помолчали, потом пожали плечами. Услышавший этот диалог Абу Бекр подошел к ним, бросил реплику:

- Дед, безусловно, не задержался бы здесь, но наш уважаемый полководец, видимо, намерен задержаться здесь на месяцы?

Мухаммед Султан сердито посмотрел на него, но промолчал. Вспомнил фразу деда: «Правитель, полководец не должен реагировать на каждое слово. Исполнение каждой работы он доказывает действием».

- Я не думаю, что мы, нанизывая день на день, будем сидеть здесь месяцами. Мне кажется, мы останемся здесь не более одиннадцати дней. Но тот же вопрос я задаю тебе. – Он думал, что Абу Бекр не слышал вопрос. – Что бы предпринял дед в этой ситуации?

Абу Бекр задумчиво почесал затылок. Немного подумав, ответил вопросом на вопрос.

- А ты как думаешь?

- Я пытаюсь посмотреть на все это глазами деда.

На эти слова все три принца дружно рассмеялись. Абу Бекр вновь не удержался от реплики:

- Мы знаем, что ты любимый внук деда. Но, - он подмигнул остальным, – мы не знали, что ты пожелал стать вторым Эмиром Теймуром. О-о-о, брат, будь осторожен! Пожелаешь стать Эмиром Теймуром, мы потеряем и Мухаммеда Султана.

Принц вновь проявил выдержку. Рукой показал на реку, протекающую через крепость.

- Вы видите эту реку? Буквально с сегодняшнего дня мы начнем менять ее русло и оставим осажденных без воды.

Несколько минут все молчали. Эта мысль первой понравилась Халилу Султану.

- Да, это хорошая идея. Но это не говорит о том, что осада не затянется.

В разговор вмешался Искендер:

- На самом деле. А, может, у них там есть бассейны, колодцы. Тогда что?

Мухаммед Султан кулаком правой руки стукнул по ладони левой. Это означало: ну и дураки вы, какая нужда в бассейнах и колодцах, если по крепости протекает река? Но он не озвучил эту мысль, не желая обидеть братьев.

- Я же сказал, что осада будет не более одиннадцати дней. За это время Камах будет наш.

Камах на самом деле продержался ровно одиннадцать дней. На десятый день взобравшиеся на скалы воины укрепили на крепостных стенах веревки. На одиннадцатый день по веревкам первой пошла группа Мухаммед Султана во главе с ним самим. Воспользовавшись темнотой, они по веревкам поднялись на боковые башни и стали вырезать охрану. Однако чутко спавшие камахцы, увидев многочисленные тени на стенах, протрубили тревогу; все защитники крепости проснулись. На крепостных стенах кроме группы Мухаммед Султана никого не было. Число проснувшихся защитников крепости росло. В этот момент Мухаммед Султан отдал неожиданный приказ своему кузену Аббас беку:

- Аббас бек, сделай что хочешь, но, чтобы ни одна душа не поднялась по этой лестнице. А я постараюсь открыть ворота.

Аббас бек, кивнув в знак согласия, с пятьюдесятью воинами перекрыл лестницу. Лестница была узкой, по ней одновременно могли подняться лишь два человека. Для Аббас бека не составило труда удерживать лестницу. Он так до конца и удерживал эту лестницу и как достойный воин погиб.

Мухаммед Султан, отдав приказ Аббас беку, сказал своим воинам:

- Вытяните вверх веревки, сбросьте с внутренней стороны к воротам.

В мгновение ока веревки были переброшены вовнутрь. Мухаммед Султан, держа меч в одной руке, другой схватился за веревку и с возгласом «Аллах Акбар!» скользнул вниз. Остальные пошли за ним. Перед воротами образовалась давка. Камахцы, пытавшиеся взобраться на стену, теперь побежали к воротам. Никто из них не мог предположить такой дерзкий ход со стороны Мухаммеда Султана. Но уже было поздно. Теймуриды, перебив малочисленных врагов у ворот, настужь открыли их. Было такое впечатление, будто перед селевым потоком открыли плотину. Теймуриды с возгласами «Бей-бей!» бросились в крепость. Открытие ворот было началом конца, и вскоре камахцы сдались. В крепости не осталось ни одного воина, а мирное население было изгнано.

Эмир Теймур в Анвике – дабы удивить послов и показать силу – провел смотр войск. Это было сделано для того, чтобы послы поняли, что перед столь многонациональной армией никто не может устоять. Кого только не было в этом войске!.. «Воины Турана», «Воины Азербайджана», «Леопарды Тюркистана», «Тигры Балхша», «Соколы Дешта и Хатана», «Коршуны моголов», «Орла Джетена», «Змеи Ходжента», «Цветы пророка Аанаки», «Ящерицы Хорезма», «Хищные звери Джурджи», «Орлы Загана», «Гончие Хазар Шадмана», «Львы Хорасана и Мазандарана», «Гиены Джили», «Горные дикие звери», «Крокодилы Рустамдара и Талкана», племена аспидов Хузе и Кермана, «Волки Исфагана, Рея и Хамадана», «Слоны Индии и Синдии», «Бараны области Шур», «Горные бараны Гордана», «Скорпионы Шехризара», «Гюрзы Аскер-Макрама»... Дополняли войско слуги, злые, как гиены, «Туркменские бродяги», «Арабские собаки», «Фарсидские комары», группа огнепоклонников и маги.

Послы, глядя на все это, не могли вымолвить ни слова. Во время смотра Эмир Теймур особое внимание обратил на войско, которое из Самарканда привел Мухаммед Султан. Здесь каждое подразделение имело свой цвет. Часть была одета в фиолетовое. Седла, папахи, щиты и флаги – все было такого цвета. Другая часть была одета в желтые одежды, третья – в белые, четвертые – в темные. В центре войска стояли самые значительные трофеи – тридцать боевых слонов. Они были полностью в доспехах, на спинах красовались специальные сиденья, в которых располагались самые искусные лучники, наводящие на всех жуткий страх. Мухаммед Султан подъехал к Эмиру Теймуру, спешился, поцеловал полу халата и представил ему подарки, привезенные из Самарканда. Эмир Теймур остался доволен смотром своих войск.

Он принял решение отправить послов обратно. Он, правда, не стал писать Беязиду письмо, но потребовал передать на словах.

- Передайте Беязиду: у нас нет желания нарушать жизнь страны, где джихад и газават вошли в обыкновение. Но всем известно, что ты свернул с правильного пути. – Он помолчал, потом продолжил: – Я буду ждать до тех пор, пока ты не пришлешь мне взятых заложников и одного из своих сыновей. Я буду по отношению к ним терпелив и милосерден. В этом случае страна Рум будет принадлежать тебе и ты

можешь совершенно спокойно сидеть на троне. На границах государства тоже будет спокойно. Посылаю тебе от меня приветствие.

Эмир Теймур прекрасно знал, что Баязид не выполнит ни одно из требований, которые он высказал. Он не только не отправит к нему своего сына, но и не выдаст ему султана Ахмеда и Черного Юсифа. Тем не менее, прекрасно зная об этом, он сделал еще один доброжелательный ход. Это была его дипломатия. Там, где завершается дипломатия, ее место занимает война. Для того чтобы избежать ее, он долго переписывался с сыном Османа. Он использовал все, чтобы человек, который заставил Европу трепетать, который был из того же рода и племени, что и он, к которому он питал чувства искреннего уважения, не стал его противником на поле сражения. Но, к сожалению, по чьей-то вине эти попытки оказались тщетными. А пока шла война нервов и шпионов. Теймур еще раз, проявив щедрость, одарил послов подарками и отправил обратно. Войско вместе с тыловым обеспечением отправилось к Сивасу.

На шахматной доске началась новая игра. Первый ход делал Эмир Теймур...

Крепость Анкара, 1402 год.

Крепость Анкара, история которой начинается еще до рождения Христа, была расположена в месте, где стекаются реки Бент, Инджесу и Чубук. Эта крепость считалась стратегической еще во времена готтов, римлян, византийцев и сельджуков. Крепость делилась на две: внутреннюю и внешнюю. У внешней крепости было двадцать, у внутренней сорок две сторожевые вышки, пять башен, площадь составляла около половины квадратного фарсаха¹²⁴. Высота стен составляла двадцать восемь – тридцать зиря¹²⁵. В некоторых местах толщина стен достигала четырех зиря¹²⁶. Своим величием и неприступностью она всегда привлекала полководцев.

¹²⁴ Около 4,3 километра в квадрате.

¹²⁵ 14-16 метров.

¹²⁶ 2 метра

Свой штаб для сражения с Эмиром Теймуром Беязид разместил в этой крепости. Он не сидел без дела, вел дипломатическую переписку, выслушивал своих лазутчиков, давал распоряжения. Беспрепятственно подходившие войска из Румелина и Анатолии размещались вблизи крепости. Всем полководцам, бесстрашным орлам и соколам, благородным и воинственным пехотинцам, живущим на побережье, всадникам Гарамана, пехотинцам Матанши, храбрецам-всадникам Сарухана, эмирам тюмьонов, бекам провинций, правителям всех городов между Бурсой и Адиме, черным лучникам, грекам и другим Беязид отправил известия, чтобы они, отложив свои дела, вооружившись, подтягивались к крепости Анкара.

Был конец мая. Крепость Анкара утопала в зелени. К вечеру лучи заходящего солнца осветили зал, в котором сидел Беязид, необходимости в дополнительном освещении не было. Пыльная взвесь в лучах заходящего солнца напоминала светлые столбы. Если кто-то проходил по залу, создавалось впечатление, будто он, проходя сквозь столбы, разрезал их, словно нож разрезает сыр. Пылинки в это время поднимались вверх, потом, словно по приказу, принимали прежнюю форму.

Султан назначил своего старшего сына Мухаммеда Челеби главнокомандующим войсками. В зале кроме его сына сидели Стефан Лазарич, Гасан паша, Мурад паша, Али паша, сыновья Муса, Иса и Мустафа.

Вернувшиеся от Эмира Теймура послы буквально лежали пластом перед султаном, ждали его приказаний. Султан, сидевший на троне и пристально глядевший на них, сказал:

- Встаньте! Расскажите все, что вы видели.

Послы встали. Один из них, ничего не преувеличивая и не преуменьшая, рассказал все. Посол именно так должен был рассказывать, делать выводы – не его задача. Послы, будучи просто исполнителями, знали это хорошо. Завершив свой рассказ, посол опустил голову и замолчал.

Беязид задал уточняющий вопрос:

- Ты говоришь, его войско пошло в Сивас?

- Да, мой правитель, Теймур пошел в направлении Сиваса.

- Потом... потом куда он пойдет?

- Точно не знаю, но в лагере поговаривали, что он из Сиваса пойдет в Токкат.

Султан посмотрел на полководцев. Все пока молчали. Султан сделал знак послам «Можете идти», потом повернулся к Гасан паше.

- Наши лазутчики подтверждают эту информацию. Теймур из Сиваса пойдет в Токкат. Что ты думаешь, Гасан паша, какие нам предпринять шаги?

Пятидесятилетний Гасан паша был опытным полководцем, прошел с Бязидом всю Европу. В самых тяжелых сражениях он всегда был впереди, четко выполнял приказы. Ему нравилась тактика сражений Бязида. Но он знал и то, что войска Эмира Теймура – это не армия Европы. Теймур – это правитель, поставивший весь мир на колени. С ним надо воевать по-другому. Что поделаешь, если два тюркских правителя не смогли договориться. А жаль!

Гасан паша придал лицу благородный вид, погладил бороду, приложил руку к груди.

- О мой султан, известно, что число воинов Теймура примерно такое же, как и у нас. Известно и то, что правитель джагатаев уже на нашей территории и ищет место для сражения. Великий султан, беки, - он посмотрел на султана, - почему бы местом сражения не стать крепости Анкара?

Сын султана Мухаммед Челеби как главнокомандующий решил уточнить:

- То есть вы хотите сказать, что мы встретим его здесь и дадим решающий бой?

- Так оно и есть, о мой принц, Теймура встретим здесь. Что это нам даст? Во-первых, наши воины и кони отдохнувшие, а его воины и кони проделают большой путь, и, соответственно, устанут. Когда наши воины будут рваться в бой, его воины захотят передохнуть. Это одно из главных условий.

- А какое второе решающее условие? – спросил Мурад паша. – Если и второе условие приемлемое, тогда это предложение можно принять.

- Второе условие тоже приемлемое, почтенный Мурад паша. – Гасан паша, не обратив особого внимания на вопрос, опять повернулся к султану. – Во-вторых, наша позиция в Анкаре выгодная, высота под нашим контролем. Не уверен, что нынешняя наша позиция по-

нравится Теймуру. Значит, преимущество у нас. Почему мы должны уступать преимущество неприятелю?

Ильдрым Беязид внимательно слушал, но пока не торопился принимать решение.

В разговор вмешался Стефан Лазарич.

- Ваше величество, с вашего позволения я скажу несколько слов. Беязид кивнул головой.

- Мне кажется, что, применив стандартные приемы, надо неожиданно атаковать Теймура прямо в Токкате. Вы, о мой султан, виртуозный мастер неожиданных ударов, – начал хвалить султана Стефан. – Надо бить врага там, где он нас не ждет. Где его слабое место, туда и должны идти меч, копья, стрелы. Как вы знаете, Токкат – местность каменистая. В таких местах джагатаям сложно будет воевать и обороняться.

Стефан замолчал. Султан посмотрел на полководцев.

- Больше никто ничего не хочет сказать? – Он обвел взглядом всех, потом встал. Все по-прежнему молчали. Заложив руки за спину, султан начал прохаживаться по залу. Ему очень тяжело было принять решение, он никогда еще не был в такой трудной ситуации. Какой бы ход он ни принимал, эмир джагатаев, он расстраивал его планы. Такое впечатление, будто-то Теймур читал его мысли и делал совершенно другой ход. Кто даст гарантию, что и сейчас так не будет? Но какое-то решение принять надо. Бездеятельность есть поражение.

Думая обо всем этом, Беязид остановился перед Гасан пашой:

- Ваша логика абсолютно верна, Гасан паша.

Полководец почтительно поблагодарил султана за доверие. Беязид же продолжал:

- Вы абсолютно верно сказали, что Эмира Теймура надо ждать здесь. Где бы он ни был, все равно придет сюда. Но возникает вопрос: когда он сюда придет?

Гасан паша не ждал этого вопроса, но ответил на него:

- О мой султан, об этом кроме Аллаха и самого Теймура никто не знает.

- Вот в этом-то и дело. – Султан остановился перед Стефаном, внимательно посмотрел на него и произнес: – Но и князь Стефан прав. Почему мы должны отказываться от стратегии, которая приносила нам победу?

Мухаммед Челеби хотел что-то сказать, но султан не позволил, поднял руку, требуя тишины.

- Поймите, Теймур уже вошел на наши земли. Это говорит о том, что мы будем сражаться на своих территориях. А в чем суть этого, вы знаете? – Он вновь внимательно обвел всех взглядом. – Суть в том, что если мы будем сидеть и ждать, когда он придет, это будет большая трагедия. В его войске, кроме воинов, в два раза больше тылового обеспечения, вьючных животных, коней, верблюдов, ослов. Кочующая династия! И все это надо кормить, содержать, одевать. Сейчас время жатвы, народ будет отвлечен от этого, у наших поданных все отнимут. Будут трагедии. Не исключено, что посевы будут сожжены, не подчинившиеся Теймуру города и села будут разорены. – Он завершил свою речь, подошел к окну, посмотрел на заходящее солнце, на ярко-красный круг, прячущийся за горизонт. Попробовал заходящее солнце сравнить с собой. Содрогнулся, отогнал эту мысль. Вернулся к трону, сел и только после этого заговорил:

- Вы что же, хотите, чтобы мы, зная, какие беды ждут наших людей, сидели и ждали здесь? Решение такое! Войско идет в направлении Токката. Настало время нанести по Теймуру неожиданный удар...

В Сивасе Эмиру Теймуру сообщили, что дорога на Токкат узка и окружена непроходимыми лесами. Более того, войска Бязида захватили все переправы на реках и ждали теймуридов. Для профессионального воина Эмира Теймура это не было неожиданностью. Утром, когда Шахрух принес ему эти сведения, он сидел за шахматной доской и обдумывал очередной ход. Слушая Шахруха, сделал ход конем. Потом посмотрел на сына, убедился, что тот весь во внимании.

- Интересно, что сделает Бязид после этого моего хода?

Шахрух ничего не понял из сказанного.

- Что вы имеете в виду, мой правитель?

Эмир Теймур не обратил внимания на его вопрос.

- Здесь нужно несколько дел сделать одновременно. – Он внимательно посмотрел на сына. – Во-первых, мы разбиваем лагерь здесь и ждем противника. За это время наши животные отдохнут. Второе. Для

того чтобы Баязид как можно раньше дошел до нас, мы углубляемся на его территорию, по дороге занимаем и разрушаем все. Пусть сын Османов думает, что мы есть везде. По моей информации большая часть его армии – пехотинцы. В этом случае, преследуя нас, они будут быстро уставать, потеряют интерес к сражению. И в этот момент победить уставшего воина не представляется сложным.

Шахрух в очередной раз был поражен полководческой логикой отца. Он ждал, что еще скажет отец по этому поводу. Но тот не стал продолжать, теперь не время было играть в игры «учитель-ученик». Теперь учителями стали время и война. Тот, кто не мог сдать экзамен времени, лишался его навсегда. Время и пространство исчезали для него. Ученик, чья душа улетела на небеса, и сейчас сдавал экзамен перед Аллахом.

От этих мыслей его отвлек Правитель.

- Иди и от моего имени передай принцу Султан Гусейну: пусть берет две тысячи воинов, отправляется в Токкат и приведет оттуда «языка». Шах Мелик бек со своими людьми пусть движется в сторону Гайсери. Чем больше они приведут «языков» с разных направлений, тем больше у нас будет сведений. Запомни, сынок, чем больше ты знаешь о противнике, тем больше у тебя шансов на победу. Сражение не выигрывается только мускулами или мечом. Сражение нужно выиграть раньше, чем оно началось.

...Луна мягко освещала деревья в лесу, отчего стволы казались огромными. Из леса иногда доносилось завывание волка или уханье совы. Султан Гусейн со своими двумя тысячами воинов углубился в лес, но, услышав звук, поднял руку – «Стойте!» В тишине не было слышно ничего, кроме фыркания лошадей. Все внимательно вслушивались. Вдруг над его головой с уханьем пролетела сова. Султан Гусейн инстинктивно пригнулся и чертыхнулся в адрес совы «Нашла время летать! И надо было прямо над моей головой...»

Только они хотели продолжить путь, как раздался скрип колес телеги. Он поднял руку, потом движением показал сперва направо, потом налево. Сразу же несколько всадников тихо направили коней в указанные стороны. Скрип колес приближался. Вскоре телегу стало видно. В ней, впряженной в двух лошадей, сидели двое мужчин лет примерно тридцати, тридцати пяти.

Один из всадников выехал вперед и перегородил телеге дорогу. Один из сидящих в телеге натянул поводья, скрип колес прекратился.

Принц подъехал к ним.

- Кто вы такие? Откуда и куда едете? И что вы делаете ночью в лесу?

- Мы едем из Токката, - сказал один, по одежде воинов догадавшийся, что это теймуриды. - Здесь теперь беспокойно, везде войска. В Токкате мы были на свадьбе родственника. Мы вооружены, поэтому смело въехали в лес.

Султан Гусейн заподозрил неладное: «А, может, это шпионы?» Но от этих подозрений его избавил один из беков. Подойдя к телеге, внимательно всмотревшись, он спросил:

- Ты случайно не Рза?

Рза тоже внимательно посмотрел на бека и узнал его.

- О, Сафтар бек, это вы! - радостно воскликнул Рза. Ему было приятно, что в это опасное время он встретил знакомого.

Сафтар бек повернулся к принцу и доложил:

- Это Рза из Сиваса, я его еще с прошлого раза помню.

- В лесу всадников не видели? - спросил Султан Гусейн.

Рза, почувствовав, что опасность миновала, ответил:

- Видели, на закате, их было очень много. Но они шли не в сторону Сиваса, - показал Рза в обратную сторону. - Вот там между горами лощина, они направились туда.

- Я вижу, вы хорошо знаете эти места...

Второй, сидевший в телеге, подтвердил:

- Да, это так, эти места мы знаем, как свои пять пальцев.

- Очень хорошо. - Султан Гусейн потянул повод, поворачивая коня, и сказал Сафтар беку: - Ты берешь одного из них и подходишь к лощине с верхней стороны, а я же с тысячью воинами пойду с этой стороны. - И показал рукой направление. - Вполне вероятно, что они заночуют в лощине.

Султан Гусейн этой же ночью атаковал отряд разведчиков, возглавляемый сыном Бязида Мусой. Около тысячи воинов, не ожидавшие нападения, рассеялись, многие были убиты. Муса с несколькими своими людьми чудом смог бежать и избежал пленения. Султан Гусейн, взяв в плен двух старших командиров, повернул в Сивас.

Между Баязидом и Теймуром началась игра в кошки-мышки.

Когда Баязид услышал о том, что Эмир Теймур из Сиваса направляется в Токкат, он направил туда и свое войско. Однако Эмир Теймур пошел не на север, а на юго-запад, в холмистую местность, двигаясь вдоль реки Кызыл-Ирамак. Река эта, хоть и не была широкой, разделяла, тем не менее, два противоборствующих войска. За неделю теймуриды достигли Гайсери. Там был разбит лагерь, воинам и лошадям дали отдых. Но и без дела не сидели – разграбили округу. А Баязид искал их повсюду: в лесах, горах, на равнине. А известие лазутчиков вообще его привело в исступление: «Теймур и его армия растворились на равнинах Анатолии. Получить какие-либо сведения о ней невозможно». Баязид, получая эти сведения, злился и, ни на минуту не останавливаясь, искал Теймура, ждал новых известий от лазутчиков. А Эмир Теймур вдруг объявился так же неожиданно, как и исчез. На этот раз его армия появилась в районе города Кир на юго-западе от Анкары. Здесь произошла стычка двух групп лазутчиков. Но Теймур и здесь не задержался. Он появился у крепости Анкара на неделю раньше Баязида, который покинул ее, и окружил Анкару, приказав разбить лагерь и подготовиться к сражению.

Когда Баязиду сообщили об этом, он не только встревожился, но где-то даже испугался. Ему стало страшно. Ему показалось, что мертвецы встали из земли и подняли против него восстание. У него пропал сон, ему было не до отдыха. Теймур же, разбив лагерь у Анкары, обеспечил себе преимущество. Время работало на него. Османы были от него в недельном переходе. А это давало возможность выбрать место для сражения, начать осаду крепости. Ему выдалась хорошая возможность дать отдых воинам и животным, изменить русло реки и уничтожить бывший лагерь Баязида. Эмир Теймур хотел сразиться именно в том месте, от которого Баязид, несмотря на аргументы Гасана паши, отказался. Своими неожиданными ходами Эмир Теймур расстроил все планы Баязида и добился того, чего хотел.

Кроме этого Теймур нанес Баязиду и психологический удар: у Баязида уже не было связи с подконтрольными ему территориями. Если Эмир джагатаев наносил удар, он делал это основательно.

Теперь правителю Османов не оставалось ничего, как во весь опор мчаться к Анкаре. Возвращаясь на запад страны, он видел страш-

ные картины. Высохшие, вытопанные поля, разграбленные теймуридами села и города. Видя все это, воины Беязида стали падать духом.

Когда он приблизился к Анкаре, состояние армии было совсем никаким. Воины потеряли веру во все, многие старшие начальники были не в лучшем состоянии. Среди воинов начался голод. Единственный источник воды был за спиной Теймура.

Июльские ночи в Анкаре стояли очень жаркими. Как только темнело, во всей округе начинался концерт кузнечиков, а из реки им вторили сотни лягушек. Воины, дабы не слышать всю эту какофонию, иногда бросали камни. Лягушки замолкали на несколько минут, потом снова начинали квакать.

Между многочисленными шатрами лагеря горели костры. Каждая сторона готовилась к завтрашнему сражению. Разморенные дневной жарой воины теперь, как ни в чем ни бывало, сидели у костров.

Предводитель черных татар Тогай бек собрал у костра всех беков и давал им указания.

- Я поговорил с принцем, которого ко мне отправил Эмир Теймур. – Сказал Тогай бек, палкой разворошил угли и выкатил яйцо, которое запекал в золе. Взял его, и, чтобы не обжечься, стал перекачивать из руки в руку, стараясь остудить. Поняв, что все смотрят на него, положил яйцо у ног и продолжил разговор. – Да, Эмир Теймур дал слово: выделит нам земли, даст живность, даже поможет деньгами. Делаем так, как я вам скажу. После того как начнется сражение, черное знамя Теймура три раза качнется. Это будет знаком перехода на его сторону. Все ясно?

- Конечно, ясно, - откликнулся один из беков. – Как-никак теймуриды нам ближе, чем османы.

Тогай бек, наклонившись, взял чуть подстывшее яйцо и очистил почерневшую скорлупу. От запеченного яйца шел легкий запах. Отправил его в рот, пожевал, потом продолжил.

- Дело не в том, что османские турки нам не близки. Дело в том... - Он помолчал. – Дело в том, что османские турки смотрят на нас, как на тюрок низшего сорта. Тогда как благородство нашего рода ничуть не хуже их. А если покопаться, то и выше... И еще... Вы не забыли нашу клятву?

- Какую клятву ты имеешь в виду, Тогай бек? – спросил один из беков, беспрекословно веривший своему предводителю и так же беспрекословно выполнявший его приказы.

- Ту клятву, которую мы дали, когда Баязид силой покорил нас. – И Тогай бек внимательно посмотрел на беков.

Беки согласно кивнули.

- Помним, помним... Разве можно такое забыть? Султан Рума унизил нас.

- Кыш, кыш, кыш, да не вернутся те дни! – трижды дернул себя за ухо один из них в знак того, чтобы этого не случилось. – Все отнял у нас. Раздал другим пастбища, а нам оставил только скалы да камни. Будто животные вместо травы должны есть камни!

Тогай бек приказал тысячникам:

- Ладно, ту клятву мести мы рано или поздно выполним. Иначе мы просто не имеем права носить шапки, а должны будем завязать женские покрывала. Как только будет дан знак, все тысячники поворачивают коней против Баязида. Тогда посмотрим, каково будет Стефану, которого он считает выше нас.

В лагере черных татар не было посторонних, и потому как все были едины в мыслях и чаяниях, никому даже в голову не могло придти, что кто-то передаст их разговор Баязиду. Среди тюрок предательство считалось самым тяжким преступлением.

Послышался волевой голос начальника охраны.

- Кто ты? Стой! Есть приказ, что к нам в лагерь кроме самого султана, никто не может пройти.

- Кто отдал такой приказ? – спросил тот, кто пытался проникнуть в лагерь.

- Наш предводитель, Тогай бек, - ответил начальник охраны.

Тогай бек тут же приказал бекам разойтись по шатрам. Сам же встал и пошел в сторону, откуда доносились голоса. Он узнал гостя. Это была правая рука султана, серб Стефан Лазарич. У Тогай бек заняло под ложечкой, в голове сразу пронеслись нехорошие предположения. Но он не подал виду.

- О, вы посмотрите, кто пожаловал к нам в лагерь! Сам князь Стефан! К добру ли, князь, на ночь глядя? – И сделал знак охране

пропустить. – Проходите, уважаемый князь. Я надеюсь, этой ночью вы не будете поднимать моих воинов?

Князь Стефан отказался пройти на центральную площадь лагеря.

- Приход мой к добру, - многозначительно посмотрел он на Тогай. – Это указание султана. Проверяем все лагеря, выясняем подготовку к завтрашнему сражению. Если есть какие-то проблемы, можем помочь их решить. Но я надеюсь, что у вас все в порядке.

- У нас действительно все в порядке, уважаемый князь, - также многозначительно ответил Тогай бек. – У нас нет никаких проблем. Все, что надо, решаем сами. Завтра мы сделаем все, чтобы победа была за нами...

20 июля 1402 года

С обеих сторон воины проснулись от звука азана, потом стали совершать намаз. С каждой стороны все громче были слышны выкрики «Аллах Акбар!» И на той, и на другой стороне говорили по-тюркски.

Самые сильные армии самых сильных полководцев стояли друг против друга. По двести тысяч воинов с каждой стороны оцетинились друг против друга мечами, пиками, стрелами. Оба полководца, совершив намаз, стали выстраивать ряды.

Эмир Теймур еще с вечера пригласил к себе главного астролога и попросил его посмотреть по звездам. Астролог, дабы не повторить историю во время похода в Индию и не вызвать гнев правителя, сказал, что звезды расположены благоприятно, указывают на победу. То ли от страха он так сказал, то ли звезды действительно поведали о победе, но ответ астролога воодушевил воинов Эмира Теймура. Более того, утром Эмир Теймур обнадежил всех полководцев, сказал, что видел во сне пророка и беседовал с ним. А видеть во сне пророка, более того – беседовать с ним, было хорошим знаком.

Эмир Теймур назначил на правый фланг принца Омар Шейха, Таш Теймур Оглана, Юсифа Могола, Ходжу Али, Довлат Теймура, Мухаммеда Кавчы, Сарай Мюльк Тавачы, Эльчи Иугу, Мухаммеда Тавачы, Суфи Халила, Шейха Мухаммеда, Карамана, Джаханшаха,

на левый фланг – Джалала Аль-Ислами, Шах Вели Севинджека, Танрывермиша, Лукмана Тавачы, Султана Барласа, Гаджи Сейфеддина, Шейха Арслана, Довлет Ходжа Барласа, Сейида Ходжу, Османа Тавачы и других беков. Во главу авангарда был назначен Мухаммед султан.

На слонов надели железные доспехи, установили сиденья, на которые забрались самые лучшие лучники.

Ильдрым Баязид, собравший вокруг себя лучших военачальников и воинов со всего Рума, тоже выстроил свое войско. Правый фланг, состоящий из двадцати тысяч сербов, закованных в броню до самых глаз, он поручил князю Стефану. Принц Челеби возглавил левый фланг. Его сыновья Муса и Мустафа стояли позади. Другие эмиры и паши – Фарах паша, Игидбек, Темирташ, Ходжа Фируз, Исабек, Гасан паша, Мурад паша, Али паша, Ягуб, Юсиф, Элтарбан, Эльдегиз и другие тоже заняли свои места.

... Два войска в полной боевой готовности стояли друг против друга. Бессчетное количество разноцветных флагов развевалось с той и другой стороны. Перед боем Эмир Теймур спешился, совершил два rukata намаза, потом снова сел на коня.

Зазвучали барабаны, раздались звонкие позывные зурны. Всю равнину Анкары заполнили звуки военной музыки. Птицы, звери от этого шума предпочли убраться подальше.

Под выкрики «Аллах Акбар!» армии стали сблизаться. История еще не знала такого сражения с таким количеством воинов! Это было самое грандиозное сражение своего времени. Две исламские, две тюркские армии столкнулись. Весь мир наблюдал за этим сражением. Никто уже не думал о победе, главное было – сразиться.

Обе стороны сперва стали осыпать друг друга тучами стрел. Небо буквально почернело от огромного числа со свистом летящих стрел, затмивших солнце. Июльская жара еще больше взбесила воинов. Создалось такое впечатление, что та и другая сторона давно не проливали крови и буквально жаждала ее. Свистящие стрелы жадно искали свои жертвы. Воины пытались прикрыться щитами, но многих настигла смерть. Стрелы впивались в ноги, руки, шею, кругом стоял стон, крики проклятий.

- Твою мать!.. Меня подстрелили...

- Вай, сын гяура, ты убил меня!

Сражение разгоралось. Раненые уже не обращали внимания на дождь стрел.

Сотники закричали:

- Всем прикриться щитами!

Щиты нет-нет да прикрывали тело. Как только наступал небольшой перерыв, стороны начинали осыпаться друг друга площадной бранью.

Одна сторона кричала:

- Ты только это и умеешь, твою...

Другая отвечала:

- Сейчас, сейчас, мои стрелы вас настигнут, никого не останется!

Если вам понадобится мужчина в папахе, позовете меня...

Эти выкрики прерывались летящими стрелами.

Сотники вновь закричали:

- Прикриться щитами!

Лучники на время остановились. Казалось, стороны не решались пойти в наступление. Наконец обстрел из луков прекратился, забили барабаны, зазвучали бубны. Войска стали сближаться. Когда расстояние между ними уменьшилось до двадцати-тридцати зиря¹²⁷, строй с обеих сторон нарушился. Обе стороны с криками «Аллах Акбар!», «Бей, бей!» обрушились друг на друга. Воины сперва, пока позволяло расстояние, старались поразить врага пиками, потом, отбросив их, с обнаженными мечами ринулись в самую гущу, не забывая при этом прикрывать себя щитом.

Теперь уже никто не матерился, теперь была лишь одна мысль – уничтожить противника. Чем больше на земле оказывалось трупов, тем сильнее кровь застилала глаза воинов, они буквально зверели. Никто не думал о смерти, этот вопрос был отдан на волю меча.

На равнине близ крепости Анкара тюрок убивал тюрка, мусульманин – мусульманина.

Звон мечей, глухие удары булавы и палиц сливались в один единый грохот. Зеленая трава на земле все больше становилась красной. В лужах крови многие, поскользнувшись, падали и без удара врага. А

¹²⁷ 10-15 метров

те, кто бежал через трупы, через просто упавших, спешили быть поближе к смерти. Кругом валялись отрубленные руки, ноги, головы...

В сражении пехоты в центре отличились янычары, которые начали теснить теймуридов. Воины, отражая удары, постепенно стали отступать. Теймур, глядя на это, проявлял терпение, не считал нужным пока посылать подмогу. А янычары, видя отступление теймуридов, воодушевились, решили, что сегодняшняя победа уже в их руках. Но они ошиблись. Эмир Теймур был великим тактиком, он просто загонял янычар в ловушку. Когда теймуриды отступили еще на десяток метров, по приказу Эмира были вытянуты веревки, еще три дня назад закопанные в землю. Вербки, натянувшись, с грохотом, пылью подняли деревянные настилы, уложенные на траншею шириной в шесть зиря и глубиной в один зиря¹²⁸, потом с таким же грохотом опустили их. Идущие впереди янычары в предвкушении победы не обратили внимания на грохот сзади. А зря – траншея за их спиной была наполнена нефтью. Несколько подоженных стрел в мгновение ока воспламенили ее. Сперва появился дым, потом из-под настила вырвалось пламя. Когда янычары поняли истинную суть траншеи, было уже поздно. Пламя разделило их силы на две части. Языки пламени словно искали своих жертв. И вскоре они нашли их. Теймуриды, отойдя еще немного назад, стройно расступились.

Янычары не могли ни двинуться вперед, ни бежать назад. Прямо напротив них показались лучники. «Стреляйте!» - поступил приказ Эмира. Град стрел через несколько минут сделал свое дело. Земля была усыпана телами погибших. Оставшиеся за огнем янычары прийти на помощь не могли – огонь четко загородил им путь. Оставшиеся в живых попытались было спастись, некоторые даже попробовали перепрыгнуть через горящую траншею. Но громадные языки пламени тут же забирали их в свои объятия. Правда, один из них все же смог выбраться на край траншеи, вскочил, весь объятый пламенем, дико крича, побежал в сторону своих. Но пламя делало свое дело, бедолага, не добежав до своих, упал, отдал душу Всевышнему. Больше никто из тех, кто попал в ловушку, не смог спастись, став мишенью для лучников.

¹²⁸ 3 и, соответственно, 0,5 метра.

Когда огонь чуть умирился, а клубы дыма почти исчезли, сражение стало еще более жестоким.

Левый фланг Беязида под руководством принца Челеби атаковал правый фланг войск Теймура. После начала этого столкновения Теймур приказал:

- Три раза качнуть моим флагом.

Эмир Теймур именно сегодня хотел решить исход битвы, ему невыгодны были затянувшиеся сражения. В таких войнах у каждой минуты было свое значение.

Военный талант, хитрость Эмира Теймура были беспредельны. На холме рядом с ним три раза качнулся черный флаг с драконом посередине. Этот флаг был началом его победы. Когда предводитель татар Тогай бек вместе с принцем Челеби пошел в наступление на правый фланг Теймура, одним глазом он не упускал из виду черный флаг на холме. В душе он молился, чтобы флаг качнулся перед столкновением, воевать с теймуридами он не хотел. Как только он увидел движение флага на холме, он поднял свой флаг и тоже три раза им помахал. В этот момент его люди, увидев знак командира, вложив мечи в ножны, пришпорили коней. Двадцать тысяч всадников во весь опор понеслись на теймуридов. Принц Челеби сперва решил, что черные татары решили отличиться в этом бою, но вскоре все резко изменилось. Теймуриды, увидев черных татар, все поняли. Вместо того чтобы броситься на них, раздалась радостные возгласы, свист:

- Наши пришли!

- Идите, родные, идите!

Черные татары, подъехав к рядам теймуридов, в знак приветствия стали стучать щитами.

Тогай бек подъехал к Шахруху. Он узнал его по отличительному знаку на шапке. Подъехав, спрыгнул с лошади, подошел к Шахруху, поцеловал его стремя.

- Мой повелитель, двадцатитысячное конное войско черных татар готово выполнять ваши приказания!

Принц наклонился и для приветствия взял его за локоть.

- Добро пожаловать к соотечественникам! Покажите вашу доблесть, смелые львы! Бейте их!

Тогай бек воскликнул «Будет исполнено!», вскочил на коня и закричал:

- За мной, мои богатыри, время мести наступило! Вперед!

...У войны свои законы. Вчерашний друг сегодня может стать врагом и наоборот...

Всадники Тогай бека, пришпорив коней, врезались в ряды османов. Всех, кто попадался навстречу, они косили, словно траву. Правый фланг после присоединения черных татар стал сильнее в два раза. Принц Челеби попытался изменить ситуацию в свою пользу – пустил в бой с левого фланга дополнительные силы. Тем самым он каким-то образом пытался остановить лавину черных татар. Надежда была на то, что свежее подкрепление может дать возможность перестроить силы. Но было поздно: шедшие следом за черными татарами теймуриды не щадили никого, не позволяли противнику наладить строй. Еще немного – и сам принц оказался бы в плену, черные татары уже бились вокруг него. Челеби понимал это и с трудом выдавил из себя команду:

- Подайте знак флагами для отступления! Бейте в бубны.

Бубны забили, флаги стали развеваться. Османы сперва шаг за шагом начали отступать, потом это сменилось беспорядочным бегством. Это было равносильно тому, что войско складывает оружие. А теймуриды, словно стая волков, ворвавшаяся в отару овец, крушила всех налево и направо. Поражение левого фланга было очевидно. Но двадцатитысячное войско под командованием сербского князя Стефана, стоявшее между центром и правым флангом, могло исправить положение, восстановить ряды. С ног до головы одетые в броню сербы оказывали жестокое сопротивление, иногда добиваясь перевеса. Их железные доспехи, имевшие только прорезь для глаз, не брали ни меч, ни стрелы. Прорваться за рядов сербов, стоящих квадратом, было невозможно. «Железные люди» постепенно отесняли теймуридов.

Именно в этот момент Эмир Теймур отдал новый приказ.

Вдруг ни звона мечей, ни криков не стало слышно. Земля задрожала. Создавалось впечатление, что по земле топали столетние дубы. Тридцать слонов, повинувшись команде искусных погонщиков, почти одновременно подняли хоботы и затрубили. Сербы вздрогнули, им стало страшно. Специально обученные слоны не просто шли, а топали ногами, отчего дрожала земля. Лучники, сидящие на слонах, спер-

ва запустили горящие стрелы. Слоны топтали ногами подвернувшихся сербов, других хватали хоботами и зашвыривали в свои же ряды. Стройные квадраты «железных» сербов, доселе недоступные теймуридам, вмиг были разворочены слонами. Одетые в броню сербы не могли быстро бежать, становились мишенью для палиц теймуридов. От ударов палиц шлемы, налокотники разлетались, словно яичная скорлупа, и с грохотом падали на землю.

Князь Стефан с кучкой своих воинов лишь чудом смогли спастись.

Эмир Теймур, видя возрастающее преимущество, принял решение нанести последний удар. Всадникам Мираншаха и Шахруха, ожидавшим своего часа в тылу, пришла команда:

- Перейти в наступление!

Всадники, словно ветер, понеслись на врага. Исход сражения был предрешен. Главный визирь османов принц Сулейман, взяв с собой Челеби, вышел на поле боя. За ним, вместе с оставшимися сербами, стал налаживать оборону князь Стефан.

Ильдрым Беязид, тоже бывший в центре сражения, поднялся на холм, чтобы оценить обстановку. Он был ошеломлен увиденным, не поверил своим глазам. Армия, поставившая на колени Европу, была практически разбита. Османы уже не мыслили о победе, бились только за то, чтобы спасти честь и имя. Они не бежали, а хотели достойно погибнуть... И погибали.

Взмыленный Гасан паша подъехал к Беязиду. От жары и жажды он с трудом прохрипел:

- Мой султан, надо уходить. Через некоторое время нас полностью окружат, выйти не сможем.

С трудом мирившийся с поражением, но считавший уход ниже своего достоинства, Беязид ответил:

- Это не отступление, Гасан паша, это бегство! А ты знаешь, что означает бегство султана на виду у всей армии? – Гасан паша, понимая, о чем говорит султан, потупил глаза. – Это значит растоптать честь, потерять достоинство. Какого воина после этого я смогу повести за собой? Нет, Гасан паша, нет! Такую непристойность я позволить не могу!

Гасан паша попробовал еще раз убедить его:

- Мой султан, мы проиграли это сражение. Давайте уйдем, наша империя бескрайна. Соберемся снова и накажем этого хромого старика, еще не все потеряно. С помощью Аллаха восстановим нашу былую славу.

Безид поднял над головой нагайку, упрямо крикнул:

- Нет, Гасан паша, еще раз нет! Это не вопрос славы, это вопрос чести и достоинства. – Приказал стоявшему рядом трубачу: – Кто остался жив, пусть соберется вокруг меня. Надо уметь сражаться до конца!

Трубач протрубил два раза. За несколько минут вокруг султана собрались несколько тысяч всадников и янычаров. Султан спустился с холма, вскочил на коня, взмахнул мечом в направлении теймуридов и с возгласом «Именем Аллаха, вперед!» поскакал навстречу объединенным войскам Мираншаха и Шахруха. Вслед за ним бросились всадники и янычары. На самом деле это было прямым броском в пасть смерти. Османы сражались как львы. Сражение во имя чести и достоинства для них не было чуждым. Это чувство было привито им с детства, с молоком матери. Эта сравнительно небольшая группа была окружена, круг постепенно сужался.

Гасан паша, поняв, что ситуация обострится, приказал янычарам:

- Открыть коридор для султана, защитить его!

Пятьсот янычаров и столько же всадников смело бросились вперед и, проявив истинное геройство, смогли прорвать кольцо теймуридов и открыть коридор для Безида. Если бы и в начале войны сражались так, как сейчас, неизвестно, чем бы все закончилось.

А теперь османы с криками «За султана!» бросались вперед, даже тяжело раненые не покидали строй открытого коридора. А о янычарах стоило сказать особо. После победы, но еще не вкусив ее полностью, теймуриды как-то расслабились и это придало янычарам новые силы. Одних впереди ждали богатые трофеи, других – славная смерть за султана. Янычары хотели вкусить радость смерти за правителя, теймуриды – радость победы.

Наконец султан Безид с тремястами всадниками смог прорваться через коридор и, хлестнув коня нагайкой, всюду помчался прочь.

Шахрух и Мираншах некоторое время преследовали их, но потом повернули коней обратно. Лишь последний хан джагатаев Махмуд Султан не прекратил преследование...

Мчавшиеся во весь опор кони стали спотыкаться, у многих на губах появилась пена. Еще немного – и кони начнут падать. Султан Беязид, понимая это, приказал остановиться и дать животным передохнуть. Обернулся и посмотрел в сторону Анкары – следов погони не было видно. Значит, враги остановили погоню. Уже вечерело, на землю спускалась ночь.

- Отдохнем здесь, - сказал султан Беязид. – А то лошади совсем выбились из сил. Как только стемнеет, отправимся дальше.

Все спешили, сняли с лошадей седла и тряпками вытерли их взмыленные бока. Все были настолько уставшими и огорченными неудачей, что забыли даже выставить охранение. У всех на лицах была печать уныния, по выражению лиц казалось, будто у всех на плечах ноша, которую даже слонам не вынести. На султана все боялись взглянуть. Он сидел на голой земле, опустив голову. Никто не рисковал подойти к нему и что-то спросить...

Казалось, жизнь замерла, каждый думал о своем, с трудом сдерживая душившие его слезы.

Еще немного – и султан вонзил бы меч себе в горло. И тут...

Когда Султан Махмуд окружил их с трехтысячным войском, было уже поздно, османы даже не успели оседлать коней. Когда аркан сдавил шею султана, он, собравшись, резко дернул веревку и свалил всадника на землю. Но в это время второй, третий арканы сжали ему поясницу и шею. От рывка арканов Беязид упал на землю, а два всадника метров двадцать волокли его по кустам. Один из воинов с криком «Мой султан!» бросился ему на помощь и тут же захрипел: стрела вонзилась ему в шею. Последний хан джагатаев Султан Махмуд, подняв руку, повелительно закричал:

- Не двигаться никому! Бросить оружие! Кто окажет сопротивление, будет убит. – Потом посмотрел на султана, который все же сумел встать на ноги, но весь был в пыли и изорванной одежде, и приказал: - Этому связать руки за спиной.

Но османы не собирались сдаваться и складывать оружие. Пессимизм и усталость брали свое, бросая их на необдуманные шаги. Это

понял и Беязид. Он не хотел, чтобы его последних воинов зарубили у него на глазах.

- Не сопротивляйтесь, опустите оружие, - приказал он.

Несмотря на то, что руки у него были связаны, повелительный голос Беязида возымел действие: воины побросали оружие.

...Эмир Теймур даже предположить не мог, что победа будет так близка. По его расчетам сражение должно было продолжаться как минимум три дня. Поэтому он просчитывал следующие ходы. Но этого не случилось, сражение завершилось его убедительной победой, двухсоттысячная армия османов была разгромлена. После вечернего намаза Эмир поручил восстановить порядок в войсках. Подсчитывались потери, раненым оказывалась помощь, составлялись списки трофеев. Султан Беязид не был пленен и смог уйти. Зная все тонкости военного искусства, Эмир Теймур понимал, что Беязид может вновь придти в себя, собрать армию и нанести удар. Не напрасно ему дали кличку «Ильдрым» – «Молния». На шахматной доске Эмира Теймура король был загнан в угол. Еще один ход пешкой – и король получит мат.

В этот момент в шатер вошел начальник охраны и приложил руку к груди:

- Мой правитель, Ильдрым Беязид со связанными руками приведен к вам. Что с ним делать?

Эмир Теймур от неожиданного известия растерялся, даже ушам своим не поверил.

- Кто со связанными руками?!

- Ильдрым Беязид, мой правитель!

Счастье привалило ему собственными ногами. В это мгновение трудно верилось. Эмир встал, немного походил. Этот момент он еще не просчитывал и не знал, что будет делать в таком вот неожиданном случае. До сей минуты главным было то, что последний противник пал, и он остался один. И все вдруг стало неинтересно, все потеряло смысл. Пешка объявила королю мат!

- Мираншах мне сказал, что Беязид вышел из окружения, смог уйти от преследования. Тогда кто его сюда привел? – недоуменно спросил Эмир.

- Вы правы, мой правитель, Баязид действительно смог уйти от преследования, но от настойчивости Султан Махмуда он не смог спастись. Султан Махмуд преследовал его до конца и смог пленить.

Эмир Теймур пошел в сторону трона. Шел так, будто у него не было проблемы с ногой. Величественно сел на трон. Теперь это был трон правителя мира.

- Введите!

Когда Баязид вошел в шатер, руки все еще были связаны, одежда изорвана, от величия ничего не осталось. Но стоял гордо. Ни поздоровался, ни поклонился. Теймур посмотрел на него и подумал: «Все потерял: свободу, власть, семью, богатства. Такие достойны уважения и почета».

Не обращая внимания на Султана Махмуда, целующего полу его халата, сердито спросил:

- Почему руки султана связаны? Развязать немедленно!

Охрана бросилась к султану выполнять приказания повелителя. Баязид потерял затекшие запястья.

То, что он не мог усмирить мечом, Теймур усмирал словом:

- Султан не пленник, он мой гость. – И добавил, посмотрев на изорванную одежду Баязида: - Возвести шатер султана рядом с моим, переодеть его в новые одежды.

Через некоторое время Ильдырым Баязид в новых богатых одеждах предстал перед ним. Но опять же вошел гордо, без поклона. Эмир Теймур сперва ждал этого поклона, но потом понял, что это унижает султана. Показал ему место справа от себя. Все прекрасно знали, что это великая честь для гостя Эмира. Через некоторое время Эмир Теймур по-отечески стал поучать его:

- Мы много раз тебе говорили, но ты не хотел слышать. Во всем, что случилось, виновен ты. Ты говорил в мой адрес такое, что просто вынудил меня придти сюда. Если бы все было по-другому, мы бы стали с тобой друзьями, и для тебя не наступил бы этот черный день. Я долго ждал, все откладывал этот день, рассчитывая, что ты одумаешься, не будешь мучить мусульман. Если бы ты послушался меня, мы бы дружили, а для джихада я дал бы столько воинов, сколько ты захочешь. Дал бы коней, вьючных животных, обеспечение для войска. – Теймур замолк и взглянул на султана. Тот сидел с опущенной голо-

вой и был красным, как угли жаровни. Эмир довольно усмехнулся: «Вот так, теперь краснеешь!» – Крепость Камах я у тебя потребовал чисто символически. – Эмир постепенно усиливал нажим на Султана. – Кроме этого сказал, чтобы ты прислал человека для подписания договора. Ты не выполнил ни одно из моих предложений. Вместо этого все делал так, как это делают враги. И именно поэтому ты сегодня оказался в таком положении. Аллах свидетель, что я не хотел этого!

После этих слов Ильдрым Беязит вспомнил текст своего письма Эмиру Теймуру, и ему стало стыдно. Нет, он не боялся смерти. Тринадцать лет он шел через огонь и воду, всегда был впереди. Сколько раз он сворачивал шею смерти! Но теперь он сидел перед человеком в возрасте его отца, который говорил по-тюркски, и ему было стыдно за написанные в письме им слова.

Теймур будто читал его мысли.

- Все прекрасно понимают, что если бы я сейчас сидел на твоём месте, ты бы тоже обращался со мной так же. Но Аллах велик и он обеспечил мне победу. Можешь быть спокоен, с тобой и с твоими людьми ничего не случится. От меня ты будешь иметь только доброе отношение.

Пока Теймур говорил, Беязид маялся, лицо его меняло цвета. А последние слова совсем пронзили его сердце. Больше не в состоянии выслушивать упреки, он нашел в себе силы сказать:

- Да, я совершил ошибку, не прислушался к вашим советам. Возможно, поэтому Аллах меня и наказал. Если вы меня простите и помилите, мой правитель, я и мои сыновья всегда будем служить вам.

Теймур глубоко вздохнул. Многие годы на его пути к правлению миром бывший для него препятствием правитель теперь бессилен, бесправен, просит помилования. Противник теперь называет его «мой правитель», заявляет о готовности служить ему.

- Принести халат султану Беязиду! – приказал Эмир Теймур. – С этого дня султан будет жить в белом шатре.

Мгновенно принесли халат, расшитый золотыми нитями. Эмир Теймур накинул на Беязида халат, отошел чуть назад, взглянул на поверженного противника и воскликнул:

- Это действительно достойно султана! Носи на здоровье. Что ты еще желаешь?

Беязид после такого отношения к себе осмелел. Доброта Теймура, теплота в словах развязали язык султану.

- Если мой правитель позволит, у меня есть маленькая просьба.
- Говори, я выполню все.

- Мои сыновья Муса и Мустафа в бою были рядом со мной. От них нет никаких известий, и у меня душа болит. Я прошу милосердия у правителя. Если не трудно, пусть мне сообщат о них – живых или мертвых...

Через несколько дней люди Эмира Теймура нашли одного из сыновей Беязида – Мусу – и привели его в лагерь. Теймур радушно встретил его, пожаловал халат со своего плеча и отправил в шатер отца.

Гонцы разнесли победные письма по всему свету – от Китая до Британии. Теймур не хотел сидеть без дела. Для этого были свои причины. Ильдрым Беязид проиграл Анкарское сражение, однако против победителя возможны были восстания и провокации. Запад Анатолии, столица другой империи – Бурса – и европейская часть остались нетронутыми. А самое главное – казна была цела. А это означало, что сыновья Беязида могли в любое время собрать армию и пойти на реванш, чтобы вернуть быллой авторитет.

А это стало бы началом конца.

После тяжелого Анкарского сражения и попадания в плен земли Беязида были сродни дворцу без дверей – совершенно незащищенные. Теймур приказал Мухаммед Султану, считавшемуся первым наследником и восходящей звездой, подчинить себе процветающую Бурсу, расположенную на пересечении караванных путей. Подчинить себе, но не разрушать город и памятники. Войска теймуридов, продвигаясь на запад, по одному занимали города и грабили их. На западе империи становилось все больше беженцев, от огромного количества кораблей Мраморное море почернело. Беженцы, словно всегда жившие на море, превратили в дома для себя корабли, плоты, паромы. Купцы Генуи и Венеции, несмотря на слово, данное Теймуру, за огромные деньги согласились переправить беженцев через море.

Всех бед, выпавших на долю османских тюрков, оказалось мало, некоторые моряки в отместку за осаду Константинополя сбрасывали их с кораблей в море. От величественной Османской империи и войска ничего не осталось. Все превратились в беженцев и переселенцев. Против победоносной армии Теймура никто не мог противостоять. Армия, победившая Ильдрыма Беязида, была способна сокрушить на своем пути всё.

Все области империи с легкостью грабились. Когда войска Эмира Теймура подошли к Эгейскому морю, Европу затрясло от страха. В Европе прекрасно понимали, что будет, если Эмир Теймур переберется на европейский материк. Там не было сил, способных противостоять Эмиру Теймуру. Если бы Теймур оказался в Европе, ни одна страна, ни один король не только не смогли бы оказать сопротивление, но и даже просто собрать армию.

...Европа с волнением и страхом ожидала известий с Востока.

Ватикан, после Анкарского сражения.

Бонифаций IX не находил себе места. То садился в кресло, то потирал руки, то, преклонив колени перед распятием Иисуса Мессии, молился, или же смотрел в окно, глядя на прихожан. Сегодня он специально оделся в красное. Ночью спал очень плохо, сон все не шел и не шел. Только под утро удалось забыться, но и это не принесло ему облегчения. Ему привиделась Святая Дева Мария, которая, улыбнувшись ему, погладила его по голове. Открыв глаза, он вспомнил сон и, решив, что это хороший знак, приказал помощнику приготовить ему красное одеяние. Странно, но сегодня к нему никто не шел. Это показалось подозрительным. Подумал: «Может, все ушли? Или Беязид одержал победу?» Если так, то христианству в Европе наступит конец.

– Святая Дева Мария, Иисус-заступник, помогите нам. – Сказав это, Папа позвонил в колокольчик. Ему хотелось хоть что-то услышать. Как правило, в покои никто без спросу войти не мог. Но тут двери распахнулись, группа людей с шумом и гамом ввалилась в кабинет.

Папа удивленно воззрился на них, желая понять, что произошло. У всех на лицах была радость. Шедший во главе группы помощник подошел, поцеловал руку Папы, потом произнес:

- Хорошие новости, ваше святейшество!

Сердце Бонифация IX ушло в пятки и чуть не разорвалось. Оно начало сильно стучать где-то внизу, в ногах, потом стук отозвался в голове. Папа взял себя в руки.

- Говори...

Помощник поднял руку, призывая все еще галдящую толпу к тишине. Все замолкли.

- Европа, христианский мир спасены, ваше святейшество, я поздравляю вас! Господь услышал наши молитвы. Беззид проиграл Тамерлану!

Бонифаций IX, услышав это, тут же вспомнил свой сон. Подошел к статуе Святой Девы Марии, сложил руки на груди, опустил на колени. Все, кто был в зале, тоже преклонили колени.

- Святая Дева Мария и сын ее Иисус услышали нас. О Великий Создатель, не оставь нас одних! Да пребудет христианство во веки вечные!

Бонифаций встал, перекрестился. Тут же, приняв серьезный вид, приказал:

- Пусть по всей Европе раздастся праздничный звон колоколов. От моего имени объявляется недельный праздник. Европа спасена!

Помощник, кардинал Иннокентий, взявшись руками за красный кушак, ответил:

- Будет исполнено, ваше святейшество! – Потом, что-то вспомнив, добавил: - Но это еще не все новости.

Услышав это, Папа Римский попросил остальных уйти. После того как тяжелые дубовые двери закрылись, Бонифаций сел за свой рабочий стол.

- И что за новости, кардинал?

- Ваше святейшество, по нашим сведениям османы хотя и проиграли битву, но, кроме сына Беззида Мусы, всем остальным удалось спастись. Сулейман Челеби, забрав казну, перешел в европейскую часть империи в Андринополь¹²⁹... Но самое главное – войска Тамер-

¹²⁹ Эдирне

лана, преследуя его, стоят на востоке от Эгейского моря. Есть вероятность, что они могут перейти в Европу...

Лицо Папы Римского потемнело. Нервно потирая руки, он встал, подошел к окну, поглядел во двор. Потом, подумав, вернулся на место.

- Не думаю, что Тамерлан пойдет в Европу. Потому что он воюет только на суше. Он никогда не имел дела с морем, у него нет лодок и кораблей. И вообще, почему он должен идти сюда? Ты вот что... Напиши всем королям письма. Они, в свою очередь, пусть отправят Тамерлану письма с заверениями в преданности. Я знаю характер Тамерлана: кто его признает, тех он не трогает.

- Хорошая мысль, ваше святейшество, - похвалил кардинал Папу.
- Сегодня же отправлю.

Вдруг Папа, будто что-то вспомнив, спросил:

- А что с Бездомом?

Кардинал тихо ответил:

- Он попал в плен к Тамерлану. Но это осложнило нашу ситуацию. Правитель джагатаев султана османов принял не как пленника, а как правителя. Ни одно пиршество не обходится без него, сажает его по правую руку, одаривает дорогими подарками. Приказал возвести шатер Бездомы рядом со своим. Мы получили сведения, что после того, как Бездом признает себя вассалом Тамерлана, империя будет ему возвращена... Такие разговоры идут в лагере джагатаев.

Бонифаций содрогнулся. Опять потер руки, встал. Этих тюрок невозможно было понять! Что они собираются делать теперь?

Папа долго прохаживался по кабинету. Подумал, потом остановился напротив кардинала:

- Значит, Тамерлан ведет себя с ним по-братски, но никуда не выпускает, одним словом, держит под домашним арестом?

- Да, это так, ваше святейшество, - подтвердил кардинал.

Казалось, что когда Папа потирал руки, к нему в голову приходили новые мысли. И на этот раз лицо его вдруг посветлело, на губах появилась улыбка.

- Если Тамерлан не намерен его убить, значит, убить должны мы. У Иннокентия округлились глаза:

- Мы?! Как?

Папа Римский прошел на свое место.

- Как, как... Очень просто! Ты мне лучше скажи, где его семья, жена – сестра сербского князя Лазаря, любимые дети?

Кардинал все еще не мог понять, куда клонит Папа. Но ответил:

- По моим сведениям, его любимая жена и сын Муса попали в плен. Остальные сыновья смогли уйти.

- Ага, это уже хорошо, - с довольным видом снова потирая руки сказал Папа. – Если Тамерлан проявляет к нему милосердие, мы должны его убить посредством печали, плохих известий. Поручи нашим людям, чтобы постоянно доставляли ему печальные новости. Например, «скончался любимый сын», или «в отношении семьи будет совершено насилие и это сделают на твоих глазах», и так далее, все страшнее и страшнее... А теперь пусть Европа немного погуляет. Это не только победа Тамерлана, это и наше законное право...

Наступила осень. Листья на деревьях после летнего зноя стали менять цвет, становясь оранжево-багровыми. Они, как бы кокетничая, крутились в воздухе, потом ковром ложились на землю. А деревья, видя, что листья покидают их, оставляя голыми, будто краснели от стыда. Осень потихоньку раздевала природу...

Все города Османской империи от Измира и до морских берегов были заняты теймуридами. В Кутафье Эмир Теймур соединил Беязида с его семьей и дочерьми, проявив к ним милосердие и уважение. А сын Беязида Сулейман Челеби написал Теймуру письмо. «Я один из твоих бедных слуг, - говорилось в нем. – Правитель оказывает моему отцу почести, знаки внимания, уважения, беседует с ним. Поэтому и я готов служить моему правителю. Как только подадите знак, готов прибыть».

Теймура это письмо обрадовало. Он сразу отправил к Челеби Шейха Рамазана с ответом и многочисленными подарками. В письме говорилось: «Что должно было случиться, уже случилось. Мы всё простили. Теперь нужно, ни в чем не сомневаясь, прибыть сюда, чтобы устранить неловкость между нами. В этом случае от нас будет милосердие и пощада».

Потом Эмир Теймур освободил из тюрьмы два года ожидавшего своего часа эмира бекства Гараман Мухаммеда.

Основу бекства Гараман в 1256 году заложил Гараман ибн Нури Суфи из рода авшаров. В 1390 году Ильдрым Беязид занял бекство, убил Аладдин бека, а сына бросил в темницу. При поддержке Эмира Теймура вышедший из тюрьмы Эмир Мухаммед Второй расширил границы бекства. Кроме бекства Гараман, Эмир подарил ему области Конья, Ларанд, Аксарай, Анталья, Акшехир. И только через восемьдесят один год, в 1483 году, османы смогут полностью ликвидировать бекство Гараман.

...Рекомендации Папы Римского не заставили себя долго ждать. Еще перед Анкарской битвой, учитывая, что интерес к личности Тамерлана был высок, король Испании Энрике III Кастильский отправил к нему в лагерь двух послов. Энрике был дальновидным человеком и разослал по всему миру людей, чтобы они изучали местное население и их обычаи. В то время в Европе об Азии были самые противоречивые представления. Послы Энрике, побывавшие в гостях у Эмира Теймура, тоже не могли избавиться от этих взглядов. В их понимании Азия была стороной, где живут одни варвары. Им и в голову не могло придти, что когда-то из Азии выйдет покровитель Ислама, который победит самого опасного врага христиан.

Великий Эмир вместе с послами короля Энрике отправил своего посланника Мухаммеда аль-Гази в Испанию. Взамен этого позже король Испании в качестве посла отправит в Самарканд Клавихона.

После Анкарского сражения в Европе началась дипломатическая дрожь, в адрес Теймура начался поток писем и послов.

Только что вступивший на престол король Англии Генри IV написал письмо Эмиру Теймуру с просьбой признать его права. Никогда не видевший Эмира Теймура король старался писать искренне и любезно.

Король Франции Карл VI в письме назвал Эмира Теймура «Правителем побед и великолепным королем». Он выражал благодарность за хорошее отношение на землях Теймура к его купцам и путешественникам.

...Посол императора Византии Мануила II привез с собой большое количество бесценных сокровищ. Признав себя вассалом Эмира

Теймура, он попросил оказания помощи в охране границ Византийской империи. К этому хору сразу присоединился регент Константинополя. Купцы Генуи и Венеции под общий хор похвал просили разрешить заниматься торговлей под его флагами. Теймур, конечно, разрешил, и на их кораблях взвились флаги Великого Эмира.

После Анкарского сражения султан Сирии и Египта Фарадж, ранее воспринимавший Эмира Теймура формально, теперь понял, какую он совершил ошибку, выступив против него. Посол Эмира Теймура Аталмыш с большими подарками торжественно был возвращен Великому правителю. Фарадж признал свою покорность, в честь Эмира Теймура были прочитаны молитвы, отчеканены монеты. А потом Фарадж решил выяснить, что намерен Эмир Теймур делать с султаном Ахмедом и Черным Юсифом, сбежавшими из Багдада, а затем, после ареста, брошенными в темницу.

Разгром войска Беязида и решение Фараджа стать его вассалом позволяли Эмиру Теймуру стать единоличным правителем мира, в единственном лице управлять халифатом. Он хорошо знал силу обычаев и важность влияния религии на людей. Поэтому обратил взоры на последний оплот христиан на берегу Эгейского моря – Смирну. Эта последняя крепость не хотела подчиниться правителю Азии и Европы. В свое время султан Мурад, позже его сын Беязид, семь лет держали крепость в осаде, но безуспешно. Помощь, приходившая со стороны моря, позволяла крепости быть неприступной. Эмир Теймур хотел еще раз показать свое превосходство в качестве полководца. Иначе не было смысла оставаться в Малой Азии. Он знал, что во всей Европе, даже если собрать всех воедино, не найдется силы – даже как у Беязида. Тем более что все правители Европы заявили о своей покорности.

Для того чтобы занять Смирну, Эмиру Теймуру понадобилась всего неделя. Чтобы покорить себе эту возвышавшуюся на высокой скале крепость, его воины три дня со стороны моря возводили насыпи, перекрывая путь кораблям. Через три дня крепость была окружена со всех сторон. Корабли, пытавшиеся подойти к острову, сразу подвергались массированному обстрелу. На седьмой день крепость сдалась. Почти все защитники были убиты.

Взятие этой крепости еще подтвердило его гениальность как полководца...

... Шахматная доска вновь была перед ним. На самом же деле вся его жизнь состояла из шахматной доски.

После полуночи он захотел остаться в шатре один, но не играл в шахматы. Играть было не с кем, он победил всех. За счет своего ума, сметки, борьбы он от простого рядового воина дошел до шахского трона. За время правления не проиграл ни одного сражения. Все шло изнутри, память крови волновала его мозг, душу, направляла его, а он, прислушиваясь к зову сердца и души, действовал. Теперь, уставившись в шахматную доску, он словно окаменел. Мысли были совсем далеко. Этому он научился от суфиев. Часами мог сидеть не двигаясь, мысли в это время летали по всему свету. Теперь он был властелином мира. Одна половина мира была у него под ногами, вторая клялась ему в верности. Была ли необходимость в большем? Мог бы он стать властителем всей планеты? Для чего? Если бы возраст позволил, он бы за пять лет и всю Африку завоевал. Но завоевание Африки еще никому не приносило славы, и это было бы ничем иным, как потерей времени. Допустим, он завоевал и ее. Потом, как фараон, будет желать стать правителем небес? Безбожная претензия!

Мысли вернули его в действительность. Подумалось: «Я восстановил хаганатства Мете, Аттилы, Гейтюрков, тюркютов, Чингиз хана. В самом худшем случае осталась династия Мин в Китае, которая свергла династию Чингиз хана. Но и оттуда пришел посол с сообщением о повинении. Как только будет возможность, пойду в Китай, восстановлю династию хана. Тысячи фарсахов подвластны мне. Я разделил хаганат на улусы, ханства, бейлики. Власть моя распространяется от Восточного¹³⁰ моря до самого пупка Европы. Что дальше?» Ему припомнился разговор тридцатидвухлетней давности у костра с Сейидом Берке. Вспомнил, что тот ему говорил: «Сынок, я знаю, что ты избранный Аллахом. Но перед Его силой не устоять ни мне, ни тебе, ни армии». Эмир Теймур напряг память. Хотя он и был уже немолод, но на памяти это не отразилось. Что бы ни слышал, ни говорил, ни видел, все откладывалось в памяти навсегда. Вспомнил и другие слова Берке. Будто вчера тот сказал: «Запомни одну истину!

¹³⁰ Японское море.

Меч никогда не может быть прав! Но если он используется за правое дело, значит, это сила, и с этой силой надо мириться».

Эмир поднял голову. Сквозь дымоход были видны звезды.

- О, Всевышний, - прошептал он. – Я ни на кого не надеялся, кроме Тебя. Настоящую дорогу показывал мне только Ты. Вел меня от победы к победе. Все, что я ни делал, делал только от Твоего имени. Если в чем-то виновен, прости меня. Знаю, что Анкарская битва была напрасной. Она была тяжелой не только для Бейзида, но и для меня. Тюрки убивали тюрка, мусульманин мусульманина. Так нельзя было делать. Я знал это, но не смог убедить Бейзида не идти на такой шаг. Он тоже тюрк-мусульманин, он воевал в Европе с гяурами. Но он не согласился с мнением «На небе единый бог, на земле единый хаган». Он ровесник моего сына. Клянусь Твоим именем, если он снова будет сражаться с гяурами, я верну ему все его земли...

...В соседнем шатре не спал и Бейзид. Кололо под сердцем, он часто потирал грудь. Днем кто-то ему сказал, что Эмир привел к нему жену и дочерей с другими целями – надругаться над ними на его глазах. Такой поступок недостойн не только полководца, тюрка, мусульманина, но и просто мужчины. Он слышал, что и сына Сулеймана встретили приветливо. Кто ему об это сказал, вспомнить не мог. Он был так расстроен, словно его молния ударила. Не знал, что делать. Обернулся и посмотрел на жену и дочерей. Совершенно беззаботные, они, сладко посапывая, спали. «Имел ли я право бросить в такую опасность свою семью, свой народ? – подумал он. – Почему я вдруг загорелся сражением с ним? Ради чего? Разве мы не из одного племени? Разве не могли, взявшись за руки, управлять миром? А теперь я потерял все: власть, богатство, свободу. Аллах велик. Что захочет, исполнит в два счета. Вчера я был султаном, все передо мной преклонялись. Людей брал в плен, а теперь сам пленник шатра. Все в руках Всевышнего! Как видно, я совершил большие ошибки, что он наказал меня». Бейзид снова потер грудь. «И сердце не к месту стало болеть. Нет, никогда не поверю, что Теймур пойдет на такое. Разве можно выдержать подобное бесчестие? Лучше умереть, чем видеть все это».

Вдруг он вспомнил то, что он написал в письме Эмиру Теймуру. «Три раза скажи своей жене «талаг». Сердце забилось еще быстрее. «Возможно, из-за этих слов он хочет мне отомстить. Нет, прямо сей-

час пойду к нему в шатер. Надо прояснить все. Все равно я труп, хотя и стою на ногах».

Беязид принял конкретное решение. Сделал шаг и вдруг почувствовал сильную боль в сердце. Вскрикнув «Ох!», упал на колени, потом повалился набок на цветастый ковер. Дыхание прерывалось, свет в глазах померк. Неужели смерть?! Последним усилием смог произнести «Кельмеи шеадет»¹³¹.

...Эмир Теймур встал, ударил в бубен. Азербайджанский ковер раздвинулся, вошел Тахмаз бек.

- Срочно позовите ко мне Беязида!

Пленный гость через минуту будет считаться гостем-султаном.

Начальник охраны ушел и тут же вернулся. Лицо Тахмаз бека потемнело, он не знал, как сообщить Эмиру о случившемся.

Когда Эмир увидел, что годами верой и правдой служивший ему Тахмаз бек, угадывавший каждое его слово или движение, стоит, опустив голову, у Теймура защемило сердце. Понял, чтостряслось что-то плохое. И в этот момент со стороны шатра Беязида послышался женский плач.

- Что там произошло?

- Дай вам Аллах здоровья, мой правитель, Ильдрым Беязид умер.

Словно гром грянул, Теймура будто молния ударила. Закружилась голова. Протянув руку, схватился за центральную опору шатра. Было видно, что его потрясла смерть султана. Потом, с трудом выговаривая слова, произнес:

- Аллах свидетель, я не хотел этого!

Один из величайших султанов Османской империи Ильдрым Беязид скончался 9 марта 1403 года.

Эмир Теймур с большими почестями отправил тело Беязида в Бурсу. Сына Мусу Челеби назначил главным распорядителем похорон. Другому сыну Сулейману Челеби отдал европейскую часть империи, созданной его отцом. Северо-восток Анатолии поручил другому сыну – Исе Челеби.

¹³¹ Молитва, которую мусульманин должен читать пять раз в день и перед смертью — если есть возможность. «Эшхеди-энне илахе иллалах. Эшхеди-энне Мухаммеди абдухи расулиллах» (арабс.) Слова молитвы означают свидетельство о единстве Бога.

Эмир отправил византийскому императору приказ, чтобы он вернулся в Константинополь. Конечно, столица Византии была абсолютно не защищена, и Теймуру не составляло труда ее взять. Но он не стал этого делать. Тем самым захват Константинополя был отложен на пятьдесят лет.

Через пять дней после смерти Беязида от скоротечной болезни неожиданно скончался любимый внук Теймура Мухаммед Султан, звезда которого только начала восходить. Эмир Теймур хотел после себя видеть двадцатидевятилетнего внука Мухаммеда, но это ему было не суждено.словно покойный султан Беязид проклял его. Смерть внука так потрясла Эмира, что он месяцами не снимал черную военную одежду. Даже совсем постаревший Берке, приехавший, когда услышал о смерти Мухаммеда, не смог привести его в чувство.

Но беда, как правило, не приходит одна. Однажды его покинул один из самых любимых им людей – Сейид Берке. Весь утопая в слезах, Эмир Теймур отправил его тело в Самарканд...

...Последнюю зиму Эмир Теймур провел в Карабахе. Всем казалось, что его энергия неиссякаема. Но он чувствовал, что угасает. На самом деле созданная им империя управлялась в установленном им порядке. Каждый четко знал свои обязанности. Он дал указание восстановить разрушенные войной города – Багдад, Бейлаган. Потом раздал сыновьям и внукам земли. В этом мире доверия не было ничему. Разделил земли Хулаки на две части – Багдад и фарсидские области отдал сыну Мираншаха Абу Бекру, северные районы, включая Тебриз и Султанье – Омару, Шираз – Пир Мухаммеду, Исфаган – Рустаму, Хамадан – Искендеру.

И в это время он стал задумываться о походе в Китай. Но войску необходимо было дать отдохнуть.

Войско Эмира Теймура из последнего похода на Беязида вернулось в августе 1404 года с огромными трофеями.

Это возвращение было триумфом властелина мира!..

ЭПИЛОГ

Возвращение правителя мира в Самарканд было таким же величественным, как его отправление в поход. Народ встречал его с радостью, со слезами на глазах.

Теймур ходил по городу, осматривал сады, дворцы, возведенные лучшими архитекторами, которых он собрал по всему миру, оценивал их работу. Надо признать, что все построенное оказалось намного лучше, чем он, поручая, предполагал. Он следил, чтобы в литературе, истории, научных трудах все было отражено правильно и достоверно. Он поспевал повсюду. Но постепенно, по истечении времени одна мысль стала довлеть над ним: идти в поход на Китай! Он уже в уме набрасывал планы. Но пока все это было в голове.

Последнее время он слушал рассказы купцов и дервишей о Китае. Некоторые уже считали, что вопрос похода в Китай решен, но спросить никто не решался. Если кто-то и решился бы спросить, то, наверняка, поход был бы отменен.

Когда он понял, что воины соскучились по победам, он отдал приказ двухсоттысячной армии, которая с нетерпением ждала этого приказа на холмах Афрасияб. Все – от воина до полководца – прекрасно знали, что идти с победоносным правителем в поход, – это большая честь. Этот поход означал выход в новый мир. В то же время всем хотелось поднять его еще на одну ступень и самим разбогатеть до немислимого уровня.

Назначив себе наследником Пир Мухаммеда, шестидесятилетний правитель с двухсоттысячным войском отправился в Китай.

Наступило 11 февраля. Было очень холодно, правителя знобило. Раньше тоже так бывало. Но теперь эта болезнь не собиралась отступать. Температура поднималась, Эмир потел, потом от озноба его задрожало. Самый лучший лекарь своего времени мовлане Фейзуллах никак не мог избавить его от озноба, только разводил руками. Тридцать пять лет в седле, в непрекращающихся походах брали свое. Лекари не успевали вылечить одну болезнь, как тут же подоспевала другая. Время уже не работало на пользу правителю, душа его теперь рвалась на свободу из тела. Наконец Эмир Теймур и сам стал понимать это. Ангел Всевышнего по имени Азраил уже крутился над его головой,

и было не похоже, что он даст время для новой победы. Хотя Эмир и не почувствовал своими ногами всю Азию, в том, что он властелин, сомнений не было. Разве могли его войску противостоять разрозненные, низкорослые китайские воины? Он точно знал, что там нет сил, способных оказать ему серьезное сопротивление. Слухи о его господстве доходили раньше войска – и побеждали. Но теперь он не мог найти силу и победить болезнь внутри себя. Там – внутри – собиралось нечто более сильное.

Он был укрыт двумя шерстяными одеялами. Мозг работал, как привезенные из Европы часы, но организм отказывался подчиняться. Поняв, что конец не так далек, Эмир Теймур решил: наступила пора завещания. «Пройдет еще немного времени, и вообще ничего не успею», - подумал он.

С трудом произнес:

- Позовите ко мне моих жен, внуков, полководцев. Секретарь пусть все записывает.

Секретарь и без этого все последние дни не покидал шатер, записывал все, что он говорил.

Когда все собрались, Эмир Теймур обвел их взглядом, потом посмотрел на купол шатра, уставился в дымоход. Оттуда был виден голубой небосвод. Он понимал, что происходит. Небеса звали его...

Собравшись с силами, Теймур стал говорить. Казалось, он говорил с небесами:

- Я точно знаю, что скоро душа моя, улетев, соединится с милосердием Аллаха. Пусть Аллах будет с вами! Когда я буду в Его власти, не плачьте. Это не нужно. Взамен молитесь Аллаху. Читайте Коран, может, это Ему поможет простить мои грехи. Родные мои, знайте, что в этом мире больше нет никого, кто мог бы противостоять мне. За эти тридцать пять лет двадцать семь стран покорились мне. Несмотря на мои грехи, прошу Аллаха, чтобы в потустороннем мире Он не оставлял меня. Потому что я всегда укорачивал руки безжалостным. Никогда не позволял, чтобы сильный обижал слабого. В этом мире нет постоянства и верности...

Правитель замолчал. Стоявшие в шатре сперва подумали, что он умер. Но никто не рискнул проверить. Если он сам открыто не пока-

зал это, значит, еще жив. Они не ошиблись – через минуту он глубоко вздохнул. Не отрывая глаз от голубого неба, продолжил.

- Я назначаю своим преемником Пир Мухаммеда Джахангира. Вместо меня империей из Самарканда будет управлять он. Он должен так управлять, чтобы всегда знать о состоянии государственных дел, о положении в войсках. Все вы должны подчиняться ему, беспрекословно выполнять его указания. В этом случае мир не нарушится, мусульмане не будут волноваться, беды им не будет. Только в этом случае мой многолетний труд не пропадет даром.

У правителя вновь начался озноб. Он уходил, и никто уже не был в состоянии вернуть его. Эмир с трудом постарался перебороть дрожь, он еще не все сказал.

- Если бы Шахрух был здесь... Хотел бы в последний раз его увидеть. Похороните меня у ног Берке... Сейида Берке...

Он много чего еще хотел сказать. Оттуда, куда он уходил, его рука сюда больше не дотянется. Но он беспокоился за большую империю. Для того чтобы Пир Мухаммед управлял империей, как он сам, Эмир должен был его выслушать. Но одними разговорами это не обошлось бы. А смерть он чувствовал буквально рядом. Если бы внимательно взгляделся, увидел бы летающего над головой ангела смерти. Потом ничего. А он хотел умереть, глядя на небеса. Через некоторое время почувствовал, что ему не хватает воздуха. В последний момент ему захотелось поднять голову и завывать серым волком, чтобы небеса его услышали. Но с губ сорвалась только предсмертная молитва. Ее слышали и небеса. Там ждали этого и приняли его. Ответом было чтение Корана в голос. Кто-то читал его. Это было последнее, что он слышал...

Когда Эмир Теймур покинул этот мир, в шатре слышалось лишь чтение Корана.

В лагере все были на ногах. Когда ветер, завывая по-волчьи, пронесся между шатрами, все поверили, что Эмир Теймур умер, и в знак глубокого почтения опустили головы.

Самый сильный полководец своего времени воссоединился с Аллахом, душа улетела на небо...

Его приход изменил ход жизни в мире. Уход сделал то же самое. Многие, поняв, что над ними уже нет власти Эмира Теймура, стали верить в собственное могущество. И в связи с этим изменились формы претензий к власти.

Тело Эмира Теймура еще не остыло, а уже началась борьба за власть. То, что настоящий наследник Пир Мухаммед Джахангир был на юге, в Индии, изменило все. Халил Султан был намного ближе к Самарканду.

Сперва претендовать на власть попробовал внук Эмира Султан Гусейн, но его попытка провалилась. Он сбежал в Герат к дяде, Шахруху, но был там арестован и казнен. Позднее верные эмиры Теймура Шах Мелик и Шейх Нуреддин поспешили в Самарканд – для того чтобы посадить на трон Пир Мухаммеда. Однако их опередил Халил Султан, закрывший перед ними ворота.

Таким образом, он смог прибрать трон к рукам.

В 1406 году настоящий наследник собрал армию, начал двигаться на север, но Халил Султан разгромил его. Через год «верные эмиры» утертвили Пир Мухаммеда.

За четыре года правления Халил Султана перепополненная казна Эмира Теймура опустела. В опустошении казны особая заслуга была у Шады Мюльк. Принц, выполнив старое обещание, сделал ее первой ханум империи. А она, достигнув желанной цели, совсем изменилась. Под ее влиянием все эмиры Халил Султана стали сбегать. Когда казна опустела, рядом с ним уже никого не было. Халил Султан написал письмо Ширваншаху с просьбой о помощи, но Шейх Ибрагим не смог помочь.

В 1409 году Халил Султан с обедневшей армией отправился к дяде – Шахруху. Шахрух принял его с радостью, но через некоторое время отравил. Именно Шахрух не считал достойным Халил Султана занимать трон после Эмира Теймура. Отравив Халил Султана, он думал, что от этого душа Эмира возрадуется.

Шады Мюльк на теле Халил Султана покончила с собой; обоих похоронили в одной могиле. Шахрух с войском срочно отправился в Самарканд и назначил правителем своего сына Улугбека, столицу же перенес в Герат. Только после этого он успокоился, поняв, что назна-

чил достойного преемника. Он не ошибся. Последующие сорок лет были золотой эпохой теймуридов. Наряду с правлением Улугбек занимался и своим любимым делом – астрономией, построил самую большую обсерваторию в мире. Его астрономические таблицы, позже, в XVII веке, использовали английские ученые-астрономы. По завершении тридцативосьмилетнего правления Улугбек был убит собственным сыном. А через сто лет от империи теймуридов не осталось ничего. Только правнук Мираншаха Бабур смог создать в Индии Великую империю Моголов. Его династия правила империей без перерыва 348 лет.

После смерти Эмира Теймура обстановка в Азербайджане и Ираке обострилась. Ожидавшие смерти в тюрьме султана Фараджа султан Ахмед и Черный Юсиф в 1405 году были освобождены и, в короткие сроки собрав войско, пошли на Багдад. Одновременно в Азербайджане в нескольких регионах начались восстания против теймуридов. Шейх Ибрагим, воспользовавшись этим, в мае 1406 года с войском вошел в Тебриз. Однако, увидев, что султан Ахмед и Черный Юсиф, захватив Багдад, идут на Тебриз, поручил город законному правителю и вернулся в Шемаху.

Последние теймуриды, потерпев поражение в местечке Сердурд, в 1408 году покинули Азербайджан. В этом сражении погиб Мираншах.

После того, как разошлись пути султана Ахмеда и Черного Юсифа, в 1410 году последний основал государство Гарагойунлу.

Развалившаяся после смерти Баязида Османская империя смогла возродиться лишь во времена султана Мехмета II. В 1453 году им был взят Константинополь – Восточный Рим пал! Город получил название Стамбул, а султан стал именоваться Фатехом – Завоевателем.

Эмир Теймур стал последним тюркским правителем, восстановившим истину «Единый бог, единый хаган». После этого великого завоевателя уже никогда тюркские земли и тюркские государства не смогли стать едиными. Даже не объединились перед общим врагом. Напротив, трещины стали расширяться, братские страны стали чужими или врагами, а враги... друзьями.

*Баку-Хызы-Баку,
сентябрь 2009 – июнь 2011*

Содержание

Тамерлан: к вершине	
Роман, 1 том.....	5
Пролог.....	6
Эмир Тимур: Властелин Мира	
Роман, 2 том	213
ЭПИЛОГ	433

Юнус Огуз
Тамерлан: к вершине
Роман, 1 том
Эмир Тимур: Властелин Мира
Роман, 2 том

Перевод: Али Саидова
Редактор: Оксана Буланова и
Мукан Асаналиева
Компьютерная Верстка: Алтынбек Кадырова

Формат 60x84¹/₁₆. Печ. лист 27,5
Заказ №90. Тираж 300.

ОсОО «Бийиктик»
г. Бишкек, ул. Ю. Абдырахманова.
Тел.: 66-02-13